СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

ДВОРОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

По образованию экономист. Окончила ВЗФЭИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при музее ИЗО города Архангельска. В 2003 году организовала и провела в Доме культуры «Химик» Щекинского района Тульской области выставку своих работ, посвященной светлой памяти своего отца — кинорежиссера Бориса Константиновича Шера.

Предлагаемые вашему вниманию рассказы автобиографичны.

ДЕДУШКА ЛЕНИН

Жизнь людей в нашем микрорайоне в 1960—70 годах протекала спокойно, весело и дружно, как правило, бабушки сидели на лавочках, мужики бились в домино, хозяйки суетились во дворе, развешивая белье, выбивая коврики, просушивая перины, детишки играли в песочнице, качались на качелях, висели на турнике. Я очень любила свой двор, он был каким-то родным, как одна большая семья, где все друг друга знали и помогали.

Моя бабушка, папина мама, была не исключение и в жизни двора принимала активное участие и даже имела в какой-то степени авторитет. К ней обращались за советом, к ее мнению прислушивались.

Вспомнился мне один смешной случай, который любила рассказывать моя бабушка.

Как-то в один из самых обычных житейских дней сидит моя бабушка со своей приятельницей на лавочке около дома и поджидает папу на обед, а приятельница гуляет с внучкой. Сидят они, разговаривают, рядом играет внучка приятельницы. Прошло какое то время, и в поле зрения появился папа. Он подошел к мило беседующей паре, поздоровался, что-то сказал бабушке и пошел к подъезду. В это время бабушкина приятельница обратилась к внучке, что бы та как воспитанная и вежливая девочка поздоровалась. Внучка, не капризничая повернулась в сторону папы и поздоровалась. Но папа вошел уже в подъезд, и девочка увидела силуэт, который повернулся и поздоровался с ней. Когда процедура воспитания была окончена, бабушкина приятельница спросила у своей внучки, знает ли она этого мужчину. Та, продолжая играть, ответила, что знает.

— И кто же это? — С интересом спросила приятельница.

— Дедушка Ленин! — С уверенностью и гордостью ответила девочка.

Бабушки в недоумении переглянулись, задумались, видно в уме анализируя, что бы это значило. А потом дружно рассмеялись. В глубине подъезда, со спины, невысокого роста с лысиной, папин силуэт действительно был похож на В. И. Ленина.

Придя домой, бабушка рассказала нам эту историю, которая долго жила в нашей семье, и при случае, вспоминалась.

«КРУЖИЛКИ»

Да, все-таки хорошее, доброе было то время такого уже сейчас далекого детства. Было все интересно, спокойно, наивно и просто.

Когда мы получили новенькую квартиру по улице Советской и переехали в нее, мне было шесть лет. Родители спокойно отпускали гулять меня одну. Двор наш был еще кое-где в строительном мусоре, деревьев, лавочек и детской площадки не было. Поначалу гулять мне было неинтересно и скучно, никого не знала, да и зима на дворе была. Поэтому когда папа появлялся во дворе, приходя домой на обед, я оживлялась и со всех ног бежала к нему навстречу с широко распростертыми руками, он, видя меня, тоже широко раскидывал руки, подхватывал меня и долго кружил, я звонко смеялась, и моему счастью не было предела. Потом, провожая его до подъезда, успевала быстренько рассказать свои новости и снова бежала играть. Постепенно я перезнакомилась с детворой нашего дома, появились новые знакомства, новые друзья, гулять мне стало намного интересней и веселей. Но по-прежнему, когда я видела папу во дворе, как бы я ни была занята игрой, бежала к нему с радостной улыбкой на лице, а он меня кружил, кружил, кружил. Ребята во дворе понаблюдали за нами какое-то время и, недолго думая, тоже стали подбегать к моему папе, что бы он их покружил. Папа никому не отказывал, кружил всех желающих да еще с каждым пошутит, а собравшейся вокруг него детворе какой-нибудь простенький (например, с большим пальцем) фокус покажет. Довольные и счастливые мы продолжали играть

дальше, а я была очень горда, что у меня вот такой папа! Малышам все это так нравилось, что какое-то время я не успевала до папы добегать первой, и мне приходилось терпеливо ждать своей очереди.

Шло время, детскую площадку оборудовали, поставили качели, карусели, турник, песочницу, я подросла и уже не помещалась в папиных руках, а некоторые малыши, подрастающие за нами, продолжали бегать на встречу к моему папе, и он их с удовольствием кружил.

Но вот что меня больше всего поразило, удивило и запомнилось на всю жизнь. Мне тогда исполнилось уже шестнадцать лет и, конечно, немного позабылись те детские, веселые папины «кружилки» такого, как мне тогда казалось, далекого детства. А тут я увидела такую картину: выйдя из подъезда я направилась в соседний дом к подружке, проходя мимо каруселей меня чуть не сбил с ног какой-то мальчуган лет пяти шести, резко спрыгнувший с них (каруселей) и побежавший куда-то через весь двор. Я невольно повернула голову ему вслед и обомлела, он с распростертыми руками бежал навстречу моему папе, который только что появился во дворе. Застывшая в изумлении, я продолжала наблюдать за происходящим. Мальчишка подбежал к папе, тот подхватил его на руки, покружил и поставил на место. Малыш что-то ему сказал, папа исполнил его просьбу и тот довольный прибежал обратно на карусели. Я не удержалась и спросила мальчишку, откуда он знает этого дяденьку?

— Да я его не знаю.

— А почему побежал к нему?

— Дак он всех может покружить, кто хочет, я к нему часто бегаю. Хочешь, и тебя покружит?

— А что ты ему сказал? — Продолжала я его расспрашивать.

— А-а-а-а, это он сегодня меня пощекотать забыл. Дяденька обычно покружит, а потом обязательно пощекочет, а сегодня забыл почему-то, наверное, потому что я к нему давненько не бегал.

— А еще кто тебя кружит? — Продолжала допытываться я.

— Не-е-е, никто, только этот дядя.

Ответив на все мои вопросы, мальчуган залез на карусели и продолжил кататься, а я продолжила свой путь к подруге, по дороге вспоминая, как десять лет назад вот так же меня кружил папа.

Мне снова захотелось в детство...
Но, как известно нам, туда билетов нет!
Вернуть его, нет никакого средства
И лишь в душе далекий теплый, теплый свет!

НОВЫЙ ГОД

Наступал 1980 год, кругом была предновогодняя суета, в садиках проходили утренники, в школах новогодние вечера, горожане готовились к встрече нового года. А у маминой подруги, которая работала учительницей, заболел маленький сынишка. Какое же у него было сильное огорчение, что он не сможет сходить в садик на утренник и, тем более, его мама не возьмет в школу на елку. От такого расстройства малыш с трудом шел на поправку. Мамина подруга посетовала при встрече моим родителям, что уж больно жалко сынишку оставлять без праздника, но ничего не поделать, больного на праздники водить не будет. Поговорили, обменялись предновогодними новостями и разошлись. На следующий день папа пришел домой с огромным свертком. Каково было мамино удивление, когда папа достал из него костюм Деда Мороза, новогодний подарок и конфеты.

— Капочка, не удивляйся, мальчишке нужно сделать праздник, и вот увидишь, он очень быстро поправиться.

Переодевшись в костюм Деда Мороза, надев усы и бороду, взяв через плечо мешок с подарком и конфетами, прихватив посох, папа отправился к друзьям. Друзья жили недалеко от нас, в нашем же микрорайоне, но пройти в таком костюме папе предстояло три двора. В те года, как мы сейчас говорим, прошлого века, еще не было никаких агентств по проведению праздников, и появление папы в таком виде, вызвало удивление даже у взрослых, не говоря уже о детворе. Спокойно папа смог дойти только до середины нашего двора, а потом вначале остолбеневшая детвора облепила его со всех сторон. Малыши были в полной уверенности, что перед ними самый настоящий Дед Мороз, а ребята постарше, конечно все понимали, но всем хотелось праздника. И папа, включился в игру, со свойственным ему юмором, театральной сноровкой. Ребята рассказывали Деду Морозу стихи, пытались, что-то станцевать, пели, получали за это конфеты. Радости ребят не было предела, увидеть «настоящего» Деда Мороза, получить подарок, ну и что, что только конфетку, зато от кого! До друзей папа дошел не скоро, в каждом дворе получилось по импровизированному новогоднему празднику.

Наконец, дойдя до цели, поднявшись на нужный ему этаж, он позвонил в квартиру. Дверь открыла мамина подруга и замерла в оцепенение, широко от удивления открыв глаза. Для нее этот гость тоже был приятной неожиданностью. Затянувшуюся паузу прервал папа, начав диалог Деда Мороза и потихоньку проходя в комнату к больному мальчугану. Тот весь закутанный в одеяло, с градусником под мышкой, увидев такого гостя у себя дома, был счастлив безмерно, сразу же оживился, повеселел, рассказал все стишки, которые знал, забрался к Деду Морозу на колени, обнял его и что-то долго говорил ему на ухо. Мама малыша стояла рядом и умилялась всем происходящим, радовалась вместе с сынишкой и боялась прервать эту идиллию. Чудеса под Новый год случаются, и это доказал мой папа, сделав праздник не только больному малышу, но и детворе на улице.

ВСТРЕЧА

Однажды вечером мы всей семьей возвращались из гостей, шли не спеша, наслаждаясь теплым вечером, о чем-то разговаривая. Я очень любила такие семейные прогулки, в них было какое-то умиротворение, а главное задорный папин юмор. Вот и этот вечер не был исключением. Я шла в середине, держа родителей под руки, и мы весело смеялись, потому что я постоянно спотыкалась на ровном месте. После каждого спотыкания я разглядывала дорогу, удивлялась своей неловкости, шла дальше и опять спотыкалась. Папа надо мной подтрунивал, и мы, смеясь, шли дальше. Секрет папиных незаметных для меня «подножек» я скоро разгадала, стала более внимательна и уже не поддавалась на его хитрости. Потом мы переключились на воспоминания моего самого раннего детства, когда я любила висеть на руках у родителей, перескакивая лужи или какие-нибудь препятствия. Недолго думая, я попыталась повторить все это, но не получилось. В этот раз уже мама что-то сострила в мой адрес, и мы весело продолжали свой путь. И вдруг я увидела компанию мальчишек, среди которых были мои одноклассники, один из которых очень остр на язык. Я быстро отдернула руки от родителей, стала серьезной и насупившейся, понимая, что за всем происходящим нашим баловством они наблюдали, и завтра в школе мне предстоит давать отпор колкостям в мой адрес. Я тогда училась в восьмом классе, возраст самый переходный. В этом возрасте мы считаем себя уже взрослыми и самостоятельными, любое внимание со стороны родителей принимаем за «телячьи нежности» и

становимся «ершистыми». А наблюдая за нами, ребята видели дружное, веселое семейство, это шло вразрез с нашим юношеским восприятием жизни.

На следующий день, придя в школу, я была готова к тому, что ребята будут дразниться. Но ни в этот день, ни в какой другой, ни слова, ни полслова в мой адрес не прозвучало. Мне даже показалось, что ребята ко мне стали более внимательны. Такой поворот событий меня приятно удивил и заставил задуматься, почему я не стала объектом усмешек. Наверное, потому, что хоть мы и считаем себя сформировавшейся и уже самостоятельной личностью, но любовь, доверие, уважение, понимание родителей нам в любом возрасте необходимо, и у меня это было всегда. Ребята это поняли и, наверное, по-хорошему мне позавидовали, и мысли о насмешках им даже в голову не пришли.

Прошло много лет, но этот вроде бы ничем непримечательный случай часто мне вспоминался в сложные моменты подросткового воспитания моей дочери.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

БЕЛЫЕ ПЛЯЖИ БАЛИ

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

О симпатии Володи к Тане знали все в отделе. Были рады за нее. Она работала экспедитором. Содержала себя и маму, которая работать не могла по болезни. Володя был обозревателем, много писал и зарабатывал прилично.

Рады за Таню были потому, что была она скромной девушкой за 25. Считали, что перспективы создать семью, у нее, скорее всего, неопределенные. Все мужчины в отделе были женаты, возраста старше сорока. Одевалась она тоже скромно. Джинсы и джемпер неяркого цвета были ее постоянной одеждой в течение всей зимы. Эта одежда выказывала ее стройную почти девичью фигуру. Когда ее вызывал к себе Володя дать поручение, сотрудницы переглядывались, подмигивая друг другу, что, мол, дела идут на лад.

В отделе были молодые девушки, но их судьба не волновала женскую часть редакции журнала. Они модно одевались, часто выходили из здания покурить, некоторые приезжали на работу на собственных авто.

Обозреватель был молодой человек строгих правил, из интеллигентной семьи, любил литературу и музыку. Его статьи на эту тему пользовались успехом у читателей журнала, главред прочил его в завотдела.

Женская часть коллектива редакции считала, что у Тани есть все шансы выйти за Володю. Не женат, около тридцати, не шалопай.

Однажды из командировки Володя привез Тане сувенир, венецианского стекла маленькую вазу. Таня показала ее сотрудницам по отделу, те восхитились и посчитали это добрым знаком.

Роман Володи и Тани не развивался стремительно. Он переходил как бы в дружбу. Они ходили на концерты в консерваторию. В театр. Иногда после этого заходили в кафе, посидеть за чашечкой кофе. После расходились по домам, пожелав друг другу спокойной ночи.

На вопросы сотрудниц — ну, как? Таня отшучивалась и пожимала плечами.

* * *

Прошел год с начала «романа» Володи и Тани. Все так же это была дружба. Однако в конце его наметился и некоторый прогресс. Ольга Петровна, завотдела искус-

ства, однажды была свидетельницей, как Володя поцеловал Таню, когда они вышли из здания редакции прежде чем разойтись в разные стороны. Это сразу стало известно женской части отдела. В другой раз было замечено, что они оба вместе ушли после работы. И все. Ничего более конкретного не было замечено. Коллектив считал это вполне нормальным. Серьезные молодые люди. С чего бы это выставлять свои отношения напоказ.

Приближалось лето, и сотрудники отдела делились между собой планами на отпуск. Варианты были разные. Дача. Ремонт квартиры. Заграница. Дом отдыха или Сочи. В последний год Крым.

Таня обычно отпуск проводила дома с мамой или не брала его вовсе, а брала деньгами. Все это знали, потому Таню о планах не спрашивали.

* * *

В отделе была традиция. Отпускники были обязаны рассказать о том, как прошел отпуск, и подтвердить это какими-либо доказательствами. Например, южный загар, вещичка и вещь купленная заграницей, обязательно — фотографии.

Для просмотра фотографий в обеденный перерыв народ сбивался вокруг отпускников, и каждый из них давал пояснения к изображенному на фотографиях, которые выводили на экран компьютера.

Все знали, что завотделом науки Петр Иванович был страстный охотник. Отпуск он брал в апреле, когда наступало время прилета птиц. Фото своих охотничьих трофеев представлял на суд общественности редакции осенью, когда наступала время общего фотопоказа. Мужчины внимательно рассматривали и старались показать, что разбираются в демонстрируемом предмете — вальдшнеп это или перепелка; у женской половины подстреленные птицы вызывали жалость.

Заядлый рыбак и фотокорреспондент Юрий Федорович, человек пожилой и степенный, не разводил широко руки, чтобы показать какого размера выловленная им рыба, а со знанием дела объяснял, как лучше приготовить рыбу в условиях рыбалки, то есть на берегу речки или на кухне в городской квартире. Женщины слушали его особенно внимательно и наперебой задавали вопросы.

Ольга Петровна дама с замашками светской дамы отдыхала обычно за границей. Но поскольку была человеком начитанным и образованным, показывала на компьютере слайды картин из музеев, в которых успевала побывать. Поскольку журнал был литературно-художественный, интерес к фотографиям был чисто профессиональный. В этот раз на публику большое впечатление произвел музей Wallace, что в Лондоне. Малоизвестный широкой публике музей, но очень интересный, пояснила Ольга Петровна. Частная коллекция английского аристократа, который, видимо, обеднев, превратил свой дом в музей с входом за деньги. «Охов» и «ахов» не было. Профессионалы. Рассматривали пристально, стараясь угадать автора, стиль и эпоху заснятых Ольгой Петровной произведений искусства.

Фотки молодых сотрудниц издания каждый раз были примерно одного содержания — пляжи, купальные костюмы, модные в данном сезоне, вечерники в кафе или ресторане, подруги и молодые люди, с которым успели познакомиться. Интерес эти фотографии вызывали, главным образом, у не очень пожилых сотрудников мужского пола.

У Володи в тот год отпуск выпал на декабрь, поэтому он был только зрителем на этом фотовернисаже.

Собрались расходиться по своим рабочим местам, так как вроде все отпускники отчитались.

— Можно я покажу свои фотографии? — сказала Таня тихо. И всех удивила сво-

ей неожиданной просьбой. Это было в первый раз. Все полагали, что Таня и этот отпуск провела дома.

— Конечно, Танечка,— сказала Ольга Петровна ласково.

В руках у Тани был большой конверт. В этих конвертах она на почту относила статьи, опубликованные в очередном номере журнала и рассылаемые авторам. Из него она стала доставать одну за другой фотографии.

Сначала это были виды южного моря, неестественно синего цвета и широкие пляжи и пальмы, наклонившиеся над ослепительно белым песком. Эти фотографии можно было принять за открытки, такого стандартного вида они были. Но вот появилось фото, на котором была тонкая гибкая фигура девушки. Девушка то смотрела на море, как бы ждала увидеть что-то или кого-то в дали синего моря. То сидела у самой кромки белого песка, обхватив руками колени и касаясь пальцам ног мелких волн прозрачной воды. Или в обычной позе для загорания раскинулась на белом песке. На одном фото она была заснята глядящая в объектив камеры с высоко поднятыми руками над головой, изгибаясь всем тонким изящным телом, как бы потягиваясь.

— Так это ты, Таня! — воскликнула в один голос публика.

Фотографий было много. С Таней и без нее, видовые.

— Слушай,— спросила одна из молодых девиц,— почему пляжи пустые, ни одного человека?

— Это на Бали.

— Кто же тебя снимал? — не унималась девица.

— Был один человек,— сказала Таня тихо.

— Хоть бы селфи на пару сделала.

Таня не ответила.

Когда показ закончился, стали расходиться. Первым ушел Володя. Расходясь, мужчины обсуждали качество снимков и купальные костюмы, в которых снималась Таня.

— Мини-бикини,— подвел итог обсуждения охотник.

— Между прочим, Таня классная девушка,— поделился впечатлением от увиденного любитель рыбалки.

— Ничего себе отдохнула,— вздохнула девица, которая расспрашивала Таню.

— Ну что вы хотите от бедной девушки,— сказала Ольга Петровна.

* * *

После того случая с показом фотографий прошло два месяца. К этой теме никто не возвращался.

Володя ушел из журнала. Таня продолжала работать экспедитором. Отпуск, как прежде, она проводила с мамой или работала за деньги.

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ В АФРИКЕ*

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БЕЛЯЯ

Беляй Владимир Илларионович родился 11.08.1949 в селе Зап-Халеевичи Стародубенского района Брянской области; Ангола.

Передо мной лежит уникальный документ. Уникальный, в первую очередь, тем, как относится к боевым офицерам — пусть и бывшим — наше родное (родное ли?) Министерство обороны. Этот документ, точнее, крик души капитана 2-го ранга запаса Владимира Илларионовича Беляя в Министерство обороны Российской Федерации генералу армии Ю. Н. Якубову, написанное в ноябре 2011 года, привожу здесь с незначительными сокращениями:

«...Несмотря на мои неоднократные обращения к командованию ВМФ, я не получил официального подтверждения о прохождении мною с февраля по декабрь 1987 года службы в должности заместителя командира 30-й оперативной бригады кораблей и судов ВМФ, дислоцированной в центральной Атлантике с размещением штаба соединения в порту Луанды Народной Республики Анголы.

Мое откомандирование в 30-ю ОБ было вызвано участившимися случаями нападения пиратов в промысловых зонах на рыболовецкие траулеры СССР и стран социалистического содружества, диверсиями по подрыву в порту Луанды транспортов со спецгрузами, расстреле бандформированием автобуса с детьми сотрудников посольства СССР в НРА. Зона ответственности 30-й ОБ проходила в данных районах, и мне была поставлена задача в максимально короткие сроки, используя особые приемы и способы боевой деятельности кораблей и подразделений морской пехоты в регионе, стабилизировать обстановку в т. ч. столице НРА — Луанде. Все поставленные боевые задачи бригадой были выполнены в установленные сроки и в полном объеме.

За успешное выполнение 30-й ОБ оперативно-тактических задач боевой службы в 1987 году, командиром 37-й дивизии морских десантных сил контр-адмиралом П. Г. Святашовым, я был представлен к награждению боевым орденом, однако, ни

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

награды, ни записи в личном деле о прохождении службы в НРА, в условиях нахождения страны в состоянии гражданской войны, я не получил.

Прошу Вашего содействия в установлении справедливости...».

Так как Илларионовича знаю давно, то и задаю ему провокационный вопрос:

— Почему твой метод борьбы в Атлантике не применяют сейчас в борьбе с сомалийскими пиратами?

— Да...— далее следует ненормативная лексика,— наверное, кому-то выгодны эти самые сомалийские пираты. Или не оценили, не обобщили мой опыт в вышестоящих штабах. Какое тогда было время — канун развала и сам развал Державы.

Сколько вот таких, не побоюсь этого слова с большой буквы, Самородков оказались тогда не у дел, оказались выброшенными из Армии, оказались никому не нужными в нашей униженной и поруганной стране. Хотя нет: на «дембель» капитана 2-го ранга Беля в Мурманске провожали все (!!!) капитаны 180 (ста восьмидесяти) рыболовецких судов, преподнеся ему «скромный подарок» в 7 (семь) тонн (!!!) ценнейших пород рыбы. Это — те капитаны, которым он обеспечил безопасное плавание в центральной Атлантике, это — те же самые капитаны, у которых порой не выпросишь и хвоста селедки.

— И уволили меня из армии, вернее, с флота по-дурному,— С горечью вспоминает мой визави.— Однажды командующий Северным флотом, уезжая в командировку, поручил мне провести важное совещание с партийным и советским руководством Мурманской области. Все шло в деловом, рабочем, конструктивном режиме...

— Но тут,— перебиваю Илларионовича,— и вмешался «Генштаб»...

— Он самый,— Беляй опять горестно вздыхает,— в виде заместителя командующего Северным флотом вице-адмирала Касатонова, не к ночи будет помянут, который появился в зале к концу совещания. Что тут началось: и кто я такой, и кто мне, капитану 2-го ранга, позволил инструктировать первых лиц области, и что, не нашлось более достойного по званию и должности офицера на флоте. Короче, пока командующий был в командировке, меня в одночасье и уволили.

Ну, не нашлось, не нашлось тогда более грамотного и компетентного в некоторых вопросах офицера, чем Беляй. И откуда он, этот Беляй взялся, где его корни?

В шестнадцать лет окончив среднюю школу на Брянщине, Володя Беляй поступает на заочное отделение Московского машиностроительного института и одновременно идет работать учеником токаря на один из п/я (кто не знает и кто забыл: «почтовый ящик» — секретный завод оборонной промышленности). На этом заводе через шесть месяцев он становится токарем третьего разряда, через полтора года — токарем четвертого разряда и получает заработанную плату как главный инженер завода.

— В 1967 году вышло Постановление Совета Министров о том, чтобы в Армию не брать студентов ВУЗов,— Продолжает рассказывать Беляй.— А на следующий год меня «забрили», но когда в военкомате узнали, что у меня «студенческая бронь», хотели не призывать. На мои настойчивые просьбы, военком заставил написать расписку, что я сам, добровольно, ухожу из института и из номерного завода, где тоже, кстати, можно было вполне «отмазаться» от армии, и, в конце концов, меня направили в Лиепаю в радиотехническую школу ВМФ. Которую успешно и окончил на следующий год.

После двух годов срочной, в 1970 году рядовой Беляй поступает на Военно-морской факультет в Львовское высшее военно-политическое училище Советской Армии и Военно-Морского Флота, которое через четыре года оканчивает с отличием и лейтенантом направляется в ВВС Северного флота.

— Как-то так случилось, что у нас разбиваются подряд два самолета: Ту-95 и Ту-142,— Освежая память, Беляй достает свои записи.— На «разбор» полетов прилетает главный инспектор ВВС дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Павел

Андреевич Таран с конкретной целевой установкой разнести в пух и прах авиационный полк и местный гарнизон и по итогам проверки поставить им твердый, железобетонный «неуд». Офицеров снимает с должности, сажает под домашний арест, ходатайствует об увольнении без пенсии и т. д., и т. п. И мне, желторотому лейтенанту, волею случая пришлось доказывать асу Великой Отечественной войны, что летчики разбившихся самолетов не виноваты, что виной всему техника и невероятные объективные причины. Доказал. И разноса не произошло. И никого не сняли. И никого не уволили...

Затем Беляя переводят служить на боевые корабли Северного флота, где проявляются его недюжинные организаторские и профессиональные способности.

— Эсминец, на котором служил в 1984 и 1985 годах, мне приходилось спасать от верной гибели дважды. Особенно на волосок от гибели оказался эсминец в 1985 году. Загорелась электропроводка в погребе с основным боезапасом: температура — полторы-две тысячи градусов (наши умники вздумали тушить возгорание водой), едкий дым, пар. Аварийная команда прибыла не со своими изолирующими противогазами — не посылать же юнцов на верную смерть. Штатные должностные лица, отвечающие за живучесть корабля, а их пять человек, не знали, что делать, что предпринять. Закрыл глаза, сделал глубокий вдох и прыгнул в люк погреба. Бегу в сторону адской температуры, бегу и считаю с закрытыми глазами шаги. Пробежав сколько можно было терпеть, открыл на мгновенье глаза, оценил обстановку и повернул назад. Подбегаю к трапу, а его нет. Не обнаруживаю трап — пробежал мимо. Легкие разрываются, требуя свежей порции воздуха. В голове молнией проносится количество шагов туда и обратно — нестыковка: делаю три шага назад, хватаюсь за раскаленные поручни трапа и пулей вылетаю на палубу. Тут же организую отсечную завесу пеной горящую переборку с обратной стороны. Полторы минуты — как потом просчитали наши теоретики — оставалось до взрыва боезапаса.

Еще Беляй рассказал, как, учась в академии, он раздолбил в учебном бою на тренажере «Атака» элиту профессорско-преподавательского состава.

— В состав нашей подлодки входили три члена экипажа: командир, старпом и штурман, и мы должны были атаковать вражеский авианосец и три корабля сопровождения. На третьей минуте теряет сознание старпом, реально теряет сознание, и им занимаются медики. На пятой минуте, не выдержав напряжения боя, из-за пульта тренажера убегает штурман. И ваш покорный слуга в одиночку мало того, что топит вражеский авианосец и все корабли сопровождения, он незамеченным уходит от авиации и подлодок противника. Академики и профессора не верят своим глазам, назначают повторный бой. Итог такой же, как и в первом бою.

— Вундеркинд, прямо,— Не удерживаюсь от реплики.

— Какой там вундеркинд? Противника надо знать досконально, все его слабые и сильные стороны — тогда и обеспечена победа.

— Ангола?

— Что — Ангола? Почти год пробыл там. Общался с четырьмя президентами, с пятью премьер министрами, с шестью министрами обороны африканских стран. Надолго очистил акваторию океана от пиратов и диверсантов. Довелось спасать советских граждан от верной гибели во время штурма бандитами Луанды. За что чуть не отдали под суд. Мол, дескать, куда подевались два годовых запаса боекомплекта, и докажи, попробуй, всяким-разным чинушам, что ты — не верблюд, что люди-то, люди-то живы, что этими двумя годовыми запасами спасены сотни жизней..

Илларионович опять начал перебирать свои записи.

— Чуть не забыл. Во время маневров «Океан-70», сидя как-то в столовой, услышал за спиной, что кто-то говорит о невозможности выполнения учебно-боевой задачи в таких сложных метеорологических условиях. Оборачиваюсь — сзади обедает маршал Советского Союза Москаленко со свитой — и высказываю свои соображе-

ния, как победить условного противника в создавшейся обстановке. На что маршал ответил: «Раз есть в Красной Армии такие лейтенанты — будущее Вооруженным Силам обеспечено».

— Лейтенанты-то,— теперь моя очередь вздыхать,— обеспечили и обеспечат...

— А верховные... — опять следует ненормативная лексика, в которой дается исчерпывающая характеристика нынешним, так называемым, рулевым Армии и страны (к сожалению — не Державы)...

ПАРОЛЬ: «АНГОЛА»

Лариков Александр Анатольевич, родился 21.03.1938 в городе Калинине (ныне — Тверь); Ангола.

Который раз ловлю себя на мысли о том, что вроде бы знаешь о человеке все, или, по крайней мере, знаешь о нем немало, но иногда невзначай в случайном разговоре вдруг обронишь, казалось бы, ничего незначащее слово, то оказывается... Так и в этот раз, встретив своего сослуживца, как всегда, обнялись, похлопали друг друга по плечам, заговорили о житье-бытье, о том, о сем, и вдруг он произносит то самое, на первый взгляд, ничего не значащее, вроде бы, слово...

С Толичем Лариковым я знаком с начала восьмидесятых годов прошлого столетия: служили вместе в штабе 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии. И в повседневной жизни, и на учениях, и частых командировках мы поддерживали не то чтобы какие-то там уж слишком дружеские отношения, но приятельско-служебные — точно. В принципе, так и принято, в любом военном сплоченном коллективе. Когда — в 1993 году — ему представилась возможность убыть в командировку в Анголу, он не раздумывал.

Краткая биографическая справка.

— в 1956 году окончил среднюю школу в городе Калинине;

— с 1956 по 1959 год — служба в Пскове в отдельном батальоне связи 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии, которой в то время командовал гвардии генерал-майор Евдан Андрей Алексеевич;

— 1959 год — увольнение в запас в звании гвардии старшего сержанта радиотелеграфистом 1-го класса и поступление в Калининский государственный педагогический институт на естественно-географический факультет;

— до начала 70-х годов — работа корреспондентом, редактором многотиражной газеты; затем — призыв в ряды Советской Армии: сдача экстерном выпускные экзамены в Львовском высшем политическом училище и начало службы гвардии старшим лейтенантом в должности замполита роты в 1-м парашютно-десантном батальоне 137-го гвардейского парашютно-десантного полка в Рязани;

— до июля 1983 года — служебный путь до звания гвардии подполковника и должности секретаря партийной комиссии дивизии;

— с 27 июля 1983 года по 27 августа 1985 года — служебная командировка в Народную Республику Анголу;

— с 1985 года — в запасе, затем — в отставке; живет в Туле.

...Поговорили, вспомнили друзей-товарищей, договорились о новой встрече, на которую Лариков принес свои короткие воспоминания, написанные четким каллиграфическим почерком политработника.

Из воспоминаний гвардии подполковника в отставке Александра Ларикова:

«...В Анголу добирался на самолетах из Шереметьево-2 с пересадкой в Париже и далее до Луанды. День отдыха-инструктажа и новый перелет до города Лубанго — конечной точке моего назначения, где находилась военная миссия ПЛАН СВАПО...».

— ПЛАН СВАПО,— поясняет мне Лариков,— это главный политический орган повстанческой армии Намибии, бойцы которой дислоцировались и проходили обучение на территории Анголы, готовясь к борьбе за свободу и независимость своей страны. Моя же должность называлась «Военный специалист при Главном политкомиссаре ПЛАН СВАПО».

— Нехило. Ну, да — ладно.

«...Жили в двухэтажном особняке, огороженным высочайшим забором. Жили, по большому счету, в промежутках между поездками на учебные центры и базы ПЛАН, расположенные в радиусе 450—500 километров от Лубанго в глухих лесах или бушах. Еще принимали участие в длительных походах по бушам в составе наших военных специалистов, сопровождая своих подсоветных.

Базы-центры по подготовке партизан ПЛАН были хорошо оборудованными, жилища для офицеров и солдат располагались в землянках, учебные «классы» под открыты небом, защищенные с воздуха широкими листьями деревьев.

В мою первостепенную задачу входило как можно быстрее освоиться в новой обстановке, узнать людей, уяснить особенности партийно-политической работы в партизанских отрядах с бойцами низкого общеобразовательного уровня.

В ноябре 1983 года состоялась моя первая дальняя поездка на ОКП ПЛАН (ОКП — оперативно-командный пункт), расположенный от Лубанго практически на границе с Намибией. Наш маршрут пролегал по территории, на которой вовсю орудовали диверсионные группы из ЮАР. По обочинам дороги валялась изуродованная военная техника, подорванная на минах. На самой дороге воронки от взрывов, много — свежих; три моста взорваны. В этот раз добрались без происшествий. Быстрые приветствия, и мы рассредоточились по местам отдыха, тщательно замаскировавшись от посторонних глаз — большая вероятность того, что противник может находиться совсем рядом. Противник, которому ни в коем случае нельзя знать, что приехали советские военные специалисты. Мне предстояло выступить перед партизанами и их командирами о военно-политической линии СССР в международных вопросах и о практическом обеспечении партизанских образований...».

— Непосредственно в боевых действиях приходилось участвовать? — задаю провокационный вопрос, зная наперед, что вряд ли получу утвердительный ответ ввиду секретности деятельности советских военных специалистов в тех далеких «горячих точках». Хотя, за давностью лет...

«...В период открытой агрессии войск ЮАР против НРА в 1985 году, с целью активизации боевых действий личного состава ПЛАН, меня откомандировали в 20-ю мотострелковую бригаду. В ходе работы в этой бригаде непосредственно участвовал в боевых действиях по отражению натиска и уничтожению диверсионных групп УНИТА. Раненным в боях бойцам намибийской бригады приходилось часто оказывать наряду со штатными санитарными инструкторами и медицинскую помощь.

Это — боевые будни. Вот, 5 февраля 1985 года... Но по порядку.

Шла плановая работа в учебном центре «Джумба». В 11 часов 50 минут — подробности врезались в память практически по мгновениям,— следуя по маршруту: стрельбище — расположение учебного центра (в автомобиле находился один, ввиду близкого расстояния), попал в засаду, неустановленной по своей принадлежности, диверсионной группы. Мыслей никаких не было, все происходило на «автомате», как в замедленной киносъемке. Вырубил одного, вывалился из машины, вырубил второго — кто же из этих «басмачей» мог знать, что нарвался на советского десантника, пусть и политработника. Мастерство-то не пропьешь! А тут и помощь подоспела. Отделался травмой правого коленного сустава и травмой левого голеностопа — крепко я их тогда приложил...».

— Вот и «сказки» конец,— улыбается Лариков.

— Ничего себе «сказка-сказочка».

Ах, да — чуть не забыл об оброненном слове при нашей неожиданной встрече, прозвучавшем, как пароль: «АНГОЛА»...

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РЕАНИМАТОЛОГ

Поздняков Юрий Александрович, родился 17.07.1947 в Приморском крае; Ангола, Монголия.

С первого курса медицинского института Юра Поздняков, ни много, ни мало, решил стоять на переднем крае практической медицины.

— Что,— задаю Позднякову вопрос (он на год раньше меня окончил Томский военно-медицинский факультет и, естественно, на год раньше меня пришел служить в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк),— так с первого курса стал заниматься реанимацией? Или реаниматологией — как правильно?

— И тем, и другим. Первое — практика, второе — одна из медицинских дисциплин, если хочешь — наука.

— Не будем углубляться в подробности. Тем более, я помню, как тебя через два года работы — или службы? — младшим врачом полкового медицинского пункта, перевели в медсанбат.

— Семьдесят третий год. Первая должность в лечебном учреждении — ординатор хирургического взвода медицинской роты. Оперировал все: травмы, аппендицит, другие полостные и занимался анестезиологией: давал наркоз во время операций. И анестезиология, и реанимация — как близнецы-братья. По сути — две стороны одной медали.

— Про работу в госпиталях я тебя не буду расспрашивать, хотя в каждом лечебном учреждении имеется своя специфика, свои нюансы. Но, по большому счету, операции, да и тот же наркоз, в принципе везде похожи друг на друга.

— В принципе, да.

— Твои «турпоездки»? Первая — в Монголию...

— Пять лет вместе с семьей прослужил в Улан-Баторе. В Центральном госпитале — госпиталь на 600 коек, считай: окружной — занимал должность начальника анестезиологического отделения.

— Трудно?

— Как и во всех госпиталях, плюс постоянные командировки по всей Монголии в армейские госпитали и медсанбаты для оказания помощи, на сложные операции.

— Никакой экзотики — сплошная рутина.

— Не скажи. Всего один случай. Доставили в госпиталь утонувшего...

— Подожди,— перебиваю Позднякова,— где в Улан-Баторе можно утонуть?

— В бочке с холодной водой сорок минут пробыл пятилетний сын одного прапорщика. В приемном покое стали делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. На теле появились — ты знаешь, что это означает — «мраморные» пятна, сердце не работает, окружающие советуют прекратить реанимацию. Мол, бесполезная эта затея. Ни на кого не обращаю внимания, наверное, материл всех. Врубаю дефибриллятор, и сердце пацана заработало. Пять суток не отходил от его кровати.

— Сорок минут в воде — как же мозг? Загнул, поди?

— Скорее всего, холодная вода помешала начаться необратимым изменениям в мозге. А пацан? Пацан через тридцать семь суток был выписан в полном здравии, став еще более хулиганистым среди своих сверстников.

— Ангола?

— На два года — с девяносто первого по девяносто третий — перед увольнением в запас занесла меня...

— Нелегкая занесла? — снова перебиваю.

— Почти. Восемнадцатого марта выхожу из Ил-76 в Луэне — в тени шестьдесят градусов по Цельсию.

— Луэна — это?

— Город в Анголе — родина какого-то мятежного «вожачка». И этот город к очередному юбилею своего предводителя мятежники обещали освободить от неверных. Юбилей, аккурат, подоспел через неделю после моего прибытия в госпиталь нашей миссии. Начался обстрел. Кошмар — один доктор стал считать разрывы мин на территории миссии. Насчитав более ста шестидесяти, забился в истерике. Обошлось: успели нас на самолете эвакуировать в Луанду. Две недели, пока не разбили мятежников, пробыли в столице и — обратно.

— Центральная Африка. Малярия и другие напасти.

— Болел только малярией. Четыре раза за два года.

— Ничего себе.

— Один наш доктор за полгода умудрился восемь (!!!) раз переболеть малярией. А ты — говоришь.

— Местным оказывал помощь?

— Толпами валили, когда наши врачи приходили помогать в их госпиталь. Свет от движка, который каждый раз заводился ровно — хоть часы проверяй — тридцать минут. Наркозная аппаратура — каменный век. В ларингоскопе лампочка не горит. Спрашиваю: «Почему не горит?» Их медбрат отвечает, что, мол, батарейки на базаре нынче дороги; да, ты, мол, доктор, не боись — мы тебе фонариком-жучком посветим: ты, давай, делай свой наркоз. Приходилось наощупь, вслепую, пальцами направлять ларингоскоп в трахею.

— «Смерть фашизму», одним словом. А со своими у тебя много было работы?

— Хватало. Про один случай. Заболела жена нашего главного военного советника малярией, температура под сорок. Собрали консилиум из иностранных врачей почти всех представительств и посольств. Решили, что необходимо ставить подключичный катетер и вводить внутривенно растворы. Но никто не может проделать эту манипуляцию. Присылают за мной, а я первый раз вижу иностранный катетер с какой-то непонятной короткой иголкой и длинной трубкой. Да, и последний раз вскрывал подключичную вену полгода назад — мандраж, честно, присутствовал.

— Не прибедняйся — мастерство не пропьешь.

— Попросил, чтобы кто-нибудь перевел инструкцию — никто не знает итальянского. Генерал-лейтенант — главный военный советник — сам не свой. Махнул рукой: где наша не пропадала, и поставил генеральше итальянский катетер с короткой иглой в подключичную вену. Иностранные коллеги зааплодировали, будто я забил решающий гол в ворота соперника.

— Я что-то не понял про итальянский, хитрый катетер?

— Короткая игла на то она и короткая, чтобы ставить в вену в подлокотной ямке, а не в подключичную вену. Это мне потом перевели итальянцы инструкцию.

— Хватит о медицине.

— Голод в Анголе был жутчайший. Люди тощие, коровы тощие.

— При чем — коровы?

— Представляешь: корова за двадцать секунд — засекали специально — сжирала журнал «Коммунист Вооруженных Сил».

Я хохочу на всю ординаторскую реанимационного отделения пятой горбольницы, куда пришел навестить моего коллегу и моего старшего однополчанина и по Томскому военно-медицинскому факультету, и по 51-му полку.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ВОЙНА В АРКТИКЕ: ИЗ РАССКАЗОВ НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА

Современный Город Воинской славы Полярный; основан в 1899 году под названием Александровск как главная база вновь создаваемой Флотилии Ледовитого океана: вид на западную оконечность Екатерининской гавани и острова Екатерининский. На переднем плане — здание, в котором в Великую Отечественную войну располагался главный штаб Северного флота СССР.

© А. Ямаш из комплекта открыток «Полярный — колыбель Северного флота».

СОВЕСТЬ СОЮЗНИКА

Россия, Русь! Храни себя, храни! // Смотри, опять в леса твои и долы // со всех сторон нагрянули они, // иных времен татары и монголы.

Николай Рубцов

♦Случилось воспомянутое в самом начале перестройки, будь она не к ночи помянута. Миновал ровно год со дня опубликования знаменитого антиалкогольного указа Меченого. Год этот прошел весело: народ осваивал очереди за талонной водкой, на службе — с поощрения парторгов и прямого начальства — часами наблюдал по телевизорам, установленным прямо в отделах и цехах, словесные битвы демократов с партноменклатурой. Однако организмы, привыкшие к отдохновительному портвешку и пиву после работы, а то и к водочке — идеальному аннигилятору стрес-

сов, так быстро не перестраиваются. Инерция в них большая, а тут и сам ритм подпитки нарушился: раньше та же поллитровая-литровая доза принималась по стодвести грамм в течение недели-другой, а теперь, отстояв, да еще на морозе или под холодным осенним дождем два-три часа, озлобившись, каждый «организм» глушил возникший в толкучке стресс уже зараз бутылкой, а то и двумя.

Первым непорядок со здоровьем к началу июня отметил Серега, человек отменного здоровья, худощавый, моторный.

— Что-то у меня мотор ни с того ни с сего колотиться под утро начинает? Опять же брюхо тянет, хотя бы и две недели перед этим не пил... Наверное, горбатый консенсус приказал отраву в водяру добавлять, чтобы народ скорее подох, страну китайцами и неграми заселить, а управлять ими из Нью-Йорка и Тель-Авива,— жаловался он в характерной жестковатой манере выпускника славного Московского авиационного института, где учился в одной группе и пил пиво в «Пиночете» с Мишей Задорновым.

Вторым забил тревогу Николай Андреянович: незнаемые ранее миазиты, хондрозные уколы в поясницу стали навещать дотоле здоровый организм уроженца Севера, где человек с рождения закаляется. Я же лицемерно сочувствовал, про себя предательски хихикая: дескать, меня-то пронесло! Но бог — коллективист в своей сущности и не любит неравенства, потому в конце июня меня стукнуло, да так, что приятели мои не на шутку испугались. А именно: в одно, вовсе не прекрасное, утро проснулся с небольшой, но какой-то туповато-тошнотворной болью в правом боку, без аппетита поел, однако домашним ничего не сказал и поехал на службу. Однако с каждой минутой боль усиливалась, в глазах начало мутиться. Хорошо, автобус имел маршрут мимо нашей поликлиники, с трудом сошел, дотащился, а в регистратуре уже и говорить не мог, только морщился, разевал рыбой рот, тыкал себе в правый бок. Регистраторша что-то сообразила и дала талон к хирургу.

Кабинет хирурга располагался здесь же, на первом этаже, а по раннему времени и хворых бабок, хулиганов с легкими переломами у двери не наблюдалось. Молодой хирург был явно с перепоя, но уже успел опохмелиться стопкой медицинского, потому и мысли его текли в одном направлении:

— Вчера пил? Колбасой несвежей не закусывал?

Я все (чистосердечно) отрицал, поэтому эскулап послал на второй этаж сдать анализы крови и мочи.

Из последних сил поднялся, но в «анализаторской» к исцелению еще не приступали, одна пожилая санитарка переставляла соты с мочевыми банками. Увидев мое состояние, она расспросила о недуге, вскрикнула: «Да у тебя, милок, камень из почки вышел!» — И за руку повела, сама торопясь и сострадая, в кабинет к урологу, пробила меня через негодующую очередь, доложила врачу о диагнозе. Тот с уважением согласился, мигом вкатил мне укол и велел тотчас идти-ползти в туалет и тужиться на унитазе сколь есть мочи.

Действительно, через пяток минут боль исчезла, моча полилась, навроде как вышибив закупоривающую пробку. «Купировалась»,— заулыбался врач, к которому я вошел уже с легким страданием на лице: острая боль прошла, но тупая резь в правом боку еще с месяц отдавала.

— Песочек у тебя, дорогой, вышел. Сегодня сходишь на рентген, все анализы сдашь, вот тебе направления и больничный, а завтра во вторую смену ко мне.

Назавтра врач подтвердил свой диагноз (точнее говоря, диагноз старой санитарки), успокоил: песчинка единичная пока была, но — он заулыбался — процесс пошел, теперь тебе следует повнимательнее к здоровью своему относиться, диету определенную соблюдать (вот я расписал на листке, возьми), раз в год хорошо на курорт

ездить, минералочку пить. Кстати, у нас в области как раз курорт урологического, в числе прочего, профиля есть и очень замечательный. А почему именно сейчас этот «процесс пошел»? — Так, дорогой мой, сорок лет — один из основных критических возрастов человека, все хвори обостряются, предупреждение, так сказать, шлют: смотри, поаккуратней, а то хуже может быть!

— Так что же, теперь мне всю жизнь под дамокловым мечом ходить, приступов ждать?

— Отчего же, ведь не камень, а песочек, это почитай у каждого мужчины бывает. Здесь главное — профилактика, легкое санаторное лечение-поддержка, отвары пить, диета щадящая опять же. Словом, подобрать режим питания и, так сказать, образ жизни и все будет хорошо, даже и не очень обременительно.

Оптимизм доктора передался и мне, даже пересказал ему гипотезу Сереги относительно нарушения ритма приема винной порции и влияния этого на здоровье. В шутливой форме, конечно. Однако умный доктор в целом идею поддержал:

— Конечно-конечно, с одной стороны, критический сорокалетний возраст, с другой — нарушение регулярности, так сказать, «приема вовнутрь». А отсюда и изменение режима почечной фильтрации, застой мочи и так далее. Больничный я на три дня продлю, еще раз показаться надо и повторно ряд анализов сдать.

♦Самое интересное, что Николаю Андреяновичу тоже посчастливилось попасть к умному врачу, то есть доктору-мужчине, и тот его миазиты-хондрозы точно так же объяснил, как и мой уролог (я с ним потом не раз и не два в «Рыбном» встречался, где он и консультировал меня), а главное — все тот же местный курорт хвалил.

Серега же к врачу не пошел, ибо полагал всех «клистирников» агентами сионизма. Уважал он только тех молодых ребят со «скорой помощи», которые за наличку выводили из запоя его соседа — сильно пьющего отставного полковника-летчика с иконостасом боевых наград за все локальные войны и конфликты 60-х — 80-х годов. Позднее, когда Серега стал буржуем-рантье, эти же «скорые ребята» пользовали и его самого.

Стоял необычно жаркий июль, точнее — его самое начало. Я вернулся на работу после недельного больничного. Вечер не принес прохлады, когда мы сидели в «Рыбном», отмечая мое выздоровление. Мне, как организму с осложнением, взяли два стакана редкостного в наступившие времена, но явно лечебного вермута. «Он с травами, почки стимулирует»,— заботился обо мне Андреяныч.

Что делать? Мы с Андреянычем, как имевшие на руках предписания врачей о пользе санаторного лечения, автоматически, согласно Конституции, могли рассчитывать на летние путевки в оздоровительные учреждения. Мысли наши все более и более склонялись к тому самому, рекомендованному врачами, курорту.

Мы и раньше о нем слышали, но пугало его какое-то тоскливое название, опять же в глубинке области... Дескать, приедешь, а там деревня деревней, палата на десять человек, на голом месте бараки стоят, скука. Однако опытные женщины, профессиональные больные из отдела, нас разуверили: хорошо там, лес, сразу две реки, добираться просто: сел на автобус — и прямо до ворот за два с половиной часа!

Решились мы с Андреянычем здоровья ради, а Серега грубо отказался.

— Видал я в гробу вашу деревню! Ни баб, ни вина, да еще со всякими процедурами белохалатники замотают. Нет, я как всегда без подруги (так он именовал спутницу жизни) в Сочи махну, сниму там хату, телку с пляжа возьму, буду мотор молодым вином лечить. А вы, мужики, поезжайте, у вас-то дело крупняк, серьезное, потом мне расскажете, может на следующий год все втроем махнем!

На том и порешили, а наутро мы с Андреянычем, получив благословение от на-

чальника сектора и добрые напутствия и практические рекомендации от сослуживцев, двинулись в профком.

♦Все мои предубеждения относительно «деревни в дыре» снялись сразу после того, как мы с Андреянычем сели в десять утра в комфортабельный автобус на автостанции. Наши жены махали вослед руками, оставаясь в душном городе. Веселое июльское солнце пробивалось сквозь матерчатые шторы на окнах, веселила музыка из чьего-то магнитофона. Немощных и калек в автобусе не наблюдалось; преобладали молодцы нашего возраста, некоторые, видно, знакомые по прошлым поездкам на курорт, подмигивали друг другу и кивками показывали на вторую половину контингента едущих лечиться-оздоровляться: матерых, молочно-восковой спелости женщин от тридцати до сорока пяти лет, одетых по последней туристической моде, отменно загорелых.

Повеселели и мы, даже откупорили четвертинку из талонных запасов, не привлекая внимания, пригубили за начало отдыха, лечения тож.

Допинг прибавил нам красноречия и уверенности в себе, поэтому, понравившись стреляющей острыми глазками, видной из себя регистраторше, мы получили номер с удобствами на двоих в новом, только что построенном корпусе — самом престижном.

Сам курорт нам понравился, имел он вовсе не провинциальный антураж, народ собрался со всей страны с преобладанием земляков (даже пару-тройку знакомых встретили) и москвичей... Но более всего удивился Николай Андреяныч: возвращаясь с первого же обеда и вставляя ключ в замок своего номера, он заприметил боковым зрением, как из соседней двери вышел, по-хозяйски осматриваясь, никто иной, как хорошо ему знакомый отставной полковник Шулейко Борис Никифорович, бывший — в годы войны — сослуживец, точнее говоря, политотдельский начальник, его отца Андреяна Матвеевича, а теперь и почти что сосед; жил он в собственном доме на окраинной улице Севастопольской, а на параллельной улочке, состыкованной с Севастопольской садами-огородами, проживали в собственном же доме родители Николая Андреяновича и младший брат с семьей.

Понятно, что на соседних этих улочках, даже не водя кумовства, все друг друга знали, А Николай Андреянович тем более знал Шулейко по рассказам отца. Раньше они при встречах здоровались.

Борис Никифорович, представительный и щирый хохол в самом начале восьмого десятка, смотрелся в щегольской легкой курортной паре из натурального льна, загорелый, с добрым, снисходительным выражением лица, прямо-таки отдыхающим директором крупного завода, а лет ему на взгляд даже самые опытные женщины более шестидесяти бы не дали. Сами убедились позднее: на вечерних танцах Шулейку с восторгом приветствовали, передавая друг другу от танго к вальсу, матерые сорокапятилетние, что называется «кровь с коньяком», красотки.

Отставной черный полковник (как человек флотский, хоть и сухопутный, на службе он носил черный мундир) внимательно пригляделся к новым соседям, оценивая их «вес», а отсюда и дальнейшее поведение свое. Но его выводы опередил Николай Андреянович.

— Добрый день, Борис Никифорович! Рад встретить вас. Мы вот тоже с коллегой решили подлечиться...

— А-а, Николай! — заулыбался добрейший полковник.— Да-а-а, вот так встреча. Что-то редко тебя вижу у нас в Криволучье, впрочем, слышал — примаком у жены в центре живешь. Однако родителей не забывай, почаще захаживай! Как там Андреян? Сколько ему сейчас? — Да-да, он же с 17-го, на два года моложе меня, стало быть, семьдесят вот-вот стукнет. Мы-то с ним с 37-го знакомы, Финскую и Отечественную

сломали... Ну, я на процедуры, еще побеседуем, а вы устраивайтесь, отдыхайте. Лечиться вам, конечно, еще рано, а профилактику, так сказать, провести оч-чень даже нужно. Ведь какие дела в стране разворачиваются! — Шулейко с восхищением помотал головой.— Государству сейчас очень даже потребуются здоровые, умные люди. Перестройка потребует полной самоотдачи...

Шулейко явно вспомнил боевую политотдельскую молодость и возмужалость, но вдохновенный его монолог оборвала отчаянно, по-курортному красивая и раскрепощенная дама лет сорока, вышедшая из двери номера напротив нашего:

— Борис Никифорович,— лукаво и нараспев произнесла она волнующим голосом,— мы с вами на *озокерит* опоздаем!

Отсалютовав нам, бравый полковник шаловливо подхватил красотку под локоток и увлек к выходному холлу этажа.

♦Несколько дней мы с Андреянычем адаптировались к неспешной курортной жизни, благо до сих пор проводили отпуска семейно на шумном юге, либо в не менее веселых домах отдыха на Оке и Волге. Поскольку же нашлись и отдаленные знакомцы, познакомившие нас со скучающими без дела подругами своих курортных приятельниц, то вторая половина дня (первая — в процедурах, которых нам с коллегой прописали великое множество, а и мы к лечению внимательно отнеслись) протекала весело. Именно поэтому мы очень даже скоро израсходовали «на прописку» весь наш НЗ талонной, привезенной с собой водки, а для дам — захваченную пару бутылочек вина.

Поэтому, когда проснувшись поутру от бившего в глаза восходящего солнца, включив местную трансляцию, мы услышали поздравление диктора с Днем Военно-морского флота, что случается во второй половине июля месяца, то очень даже огорчились. Николай Андреянович, родившийся в семье военного моряка и выросший в геройском городе Полярном — базе Северного флота, даже известную присказку переиначил: «Год не пей, а в день ВМФ укради и выпей!» Я также не сторонний человек боевому нашему флоту: окончил в Ленинграде инженерный институт с военно-морской кафедрой, имел воинское звание (к сорока годам) капитан-лейтенанта запаса, два раза на Балтику на сборы откомандировывался — на минных тральщиках.

Проконсультировавшись у местных бабок, продававших около питьевой минеральной галереи отдыхающим мед и овощную зелень (курорт располагался на территории передового в области совхоза, руководимого братом нынешнего губернатора), совсем упали духом. Бабки жаловались, что на время посевной-уборочной районные власти даже законную талонную отменили, «а самогон вам, миленькие, никто и не продаст, участковый наш собирается в милицейское училище поступать, выслуживается, потому озверел совсем, с утра до вечера бегает, все вынюхивает, даже провокаторов подсылает».

Невеселые пришли мы с процедур, а тут, для пущей тоски, тучи набежали, и дождь до ночи зарядил. Вот и валяемся мы на кроватях после ужина, танцы по причине погоды отменены, со злости на литературные темы вялый разговор завели: ведь не пойдешь к знакомым девушкам-дамам в праздник (а День ВМФ и с Ильиным днем совпал) с пустыми руками! Вспомнив о девушках, начитанный от диссидентской литературы Андреяныч зло посмеялся над своей новой знакомой, тоже начитанной. Та утверждала, что по созвучию фамилий она является дальней, но — родственницей живущей в эмиграции в Париже знаменитой поэтессы Ирины Одоевцевой; в самиздате, точнее говоря, в полуслепых «эровских» копиях, только что появилась в стране мемуарная книга поэтессы «На берегах Невы»; заметим, в те годы даже женщины с высшим образованием не пропускали ни одной литературной новинки.

— В столицах, так там с началом перестройки и демократии уже все поголовно,

особенно из товарищей евреев, себя потомственными дворянами объявили,— язвительно бурчал Андреяныч,— и наша провинция туда же поперла! Там сахаровская супружница Боннэр себя грузинской княжной нарекла, а наши тоже решили не отставать!

— А что, эта самая парижская Одоевцева тоже не из Одоева,— скаламбурил я.

— Козыряй! Ее подлинное ФИО — Рада Густавовна Генрике. А псевдоним, столь ей полюбившийся, дал знаменитый поэт Николай Гумилев, когда в двадцатом году готовил к печати ее первый сборник стихов «Двор чудес».

— Да-а-а, какая-то эпидемия мимикрии у нас в стране и во все времена. Слушай, а вот зеки как-то умеют чифиром чайным хмелеть?

Неизвестно, до чего бы мы договорились, но в дверь раздался внушительный стук, вослед за которым в решительно отворенную дверь вошел сам Борис Никифорович Шулейко с добрейшей улыбкой на широком, отменно загорелом лице.

♦Мы раскрыли от изумления рты и как-то неосознанно вскочили с досадных кроватей, опустив руки по швам домашних шаровар: Шулейко был одет в летний вариант морской полковничьей формы.

— Почему не веселы, молодцы? — подмигнул бравый вояка и явно заинтересовался моей тельняшкой:

— Во флоте служил?

— Капитан-лейтенант запаса, товарищ полковник, по военной кафедре.

— Тогда тем более — почему грустим? А-а, понятно,— Шулейко снова, но уже хитровато, подмигнул,— перегибает, перегибает наше руководство с антиалкогольной кампанией! Но день-то сегодня святой, поэтому попрошу, товарищи офицеры запаса, проследовать в мою каюту!

В соседней каюте полковник Шулейко проживал один; это вообще был на курорте один из немногих, только-только начавших появляться одноместных номеров, да еще с телевизором и холодильником. Полная роскошь! Не дожидаясь вопросов, Шулейко охотно объяснил, накрывая стол, что-де он теперь уже не руководит режимной службой на механическом заводе, а по рекомендации облвоенкома, бывшего младшего своего сослуживца, назначен начальником областной же детско-юношеской военно-морской школы.

— ...Должно быть знаете? — На Менделеевской, в здании напротив Кремля. Передаю вот опыт службы и жизни подрастающему поколению, воспитываю будущих нахимовых и ушаковых. Так что форму не только лишь ради праздника с собой взял, а это теперь опять моя повседневная одежда...

Стол меж тем уставлялся тарелками с заранее нарезанной колбасой и отменно-розовым салом. Меня хозяин послал в «санотсек» помыть огурчики-помидорчики, а Андреянычу поручил откупорить шпроты и сардины. Под конец сервировки, значительно кивнув нам, достал из холодильника литровую бутыль, наполненную чем-то янтарным.

— Своя, тройной перегонки, на травах и корешках настоенная. Хохол, даже если в кораблекрушение на необитаемый остров попадет, без сала и горилки не останется! Ну-с, за наш праздник,— Шулейко бережно налил по половине стакана,— за наш, теперь уже океанский флот, чтобы ему по семь футов под килем всегда было!

Уютное же получилось застолье! В ярко освещенной комнате (а за окном дождь барабанит, слякоть...), с поместительным холодильником-самобранкой, а как хохотал Шулейко, раскрасневшийся, после второй поменявший летнюю форменку с погонами на тельняшку! Душевная велась и беседа, благо словоохотливый полковник всю историю войны на Севере видел и знал воочию. Николай Андреянович вспомнил-таки о несостоявшемся отцовом ордене Георга.

— Э-э,— оживился Борис Никифорович,— с этими «георгами» одни истории, одна другой чуднее. Андреян вот заслуженный, как-никак «Эдинбург» с золотом затерявшийся обнаружил, не получил, а были и такие, кто получил, а потом отказывался!

— Как так? — изумились мы оба враз.

— А вот так,— Шулейко разлил под рассказ еще по трети стакана.— Довелось мне в конце сорок третьего в Полярном присутствовать на одном интересном застолье. Пришел очередной конвой союзников; грузовые транспорты-«либерти» проследовали в Мурманск на разгрузку, а корабли охранения, как то было принято, остались дожидаться транспорты, но уже с апатитовой рудой, для обратного хода в Екатерининской гавани Полярного. Как и положено, организовали в Доме офицеров ужин по высшему разряду, сам командующий на полчаса зашел: наши командиры кораблей, политработники, их капитаны.

Я сидел рядом с кавторангом Лощилиным, известным на Северном флоте командиром лодки С-38, а по правую его руку посадили командира британского противолодочного корабля — чина сейчас не припомню — Стивена Доббла. Говорили они меж собой по-английски, я в нем не маракую, но мне потом Федор Тихонович, когда был у нас в политотделе, все пересказал. А разговор у них потому оживленный под конец ужина завязался, что оба командира во время Финской кампании несли дежурство в Баренцевом море. Тебе, Николай, отец, наверное, рассказывал, что Северный флот во время финской полагался действующим, поскольку Финляндия до войны (по декрету Ильича) имела выход к Баренцеву морю — такой коридор между нашей и норвежской границей.

Правда, финны никакого флота на Севере создать не успели, одни пограничные катера, но — враг рядом, наш флот наготове. А теперь — о чем разговаривали Лощилин и Доббл.

♦Капитан 3-го ранга Федор Тихонович Лощилин прибыл на Северный флот с Балтики, где до того служил со времени окончания Ленинградского училища подводного плавания, за месяц с небольшим до начала Финской кампании, а за год до этого получил первое капитанское звание, уже без приставки «лейтенант». Прибыл не ленинградским поездом в Мурманск с чемоданом, как многие его коллеги по будущей службе в Арктике, направляемые в те дни из Кронштадта, Либавы, Севастополя, Владивостока и даже из Каспийской флотилии для спешного укрепления основного флота страны в грядущей войне... Нет, Федор Тихонович основательный в жизни и хозяйственный мужик и прибыл прямо в Полярный, в Екатерининскую гавань со всем своим хозяйством, то есть с экипажем и собственно кораблем — новенькой подлодкой С-38, только что сошедшей со стапелей в Гамбурге и переправленной во вновь (первый раз — при царе) обустраиваемую базу КБФ* в Либаве. Лодка эта в числе нескольких десятков других была передана СССР Германией в рамках торгового договора-приложения к пакту Молотова-Риббентропа; один из множества мудрых ходов Иосифа Виссарионовича: сам фюрер помог доукомплектовать боевыми кораблями, в том числе лучшими в то время в мире германскими *U*-ботами**, Северный флот.

Тогда же Федор Тихонович получил и второй свой боевой орден, выполнив ответственное и опасное боевое задание, доверенное почти что свежеиспеченному каптри. Дело все в том, что лодку не стали везти, как обычно, по Беломорканалу, а отправили своим ходом вокруг Скандинавии, да еще с западным крюком в сторону

* Краснознаменный Балтийский флот.

** *Unterseebot* — подводная лодка (нем.).

Шотландии и все это по театру боевых англо-германских действий. Задачу Лощилину ставил сам командующий Балтфлотом: по ходу следования вести сбор данных об обстановке, особо интересуясь Флотом Метрополии. Зачем это так понадобилось командованию — Федор Тихонович понял только с началом финской...

Путь был опасен, да и время года штормовое. На дизеле шли только по ночам, а в светлое время суток разъярившееся Северное море захлестывало перископ. Два раза и глубинные бомбы рвались по курсу — ведь не под флагом шли! Только обогнув западную оконечность Норвегии, пошли открыто, без погружений — здесь уже господствовали немцы. Орден дали Лощилину заслуженно, не забыли и экипаж, который теперь с полным правом в Полярном считали боевым.

♦С началом войны с Финляндией командование учло опыт Лощилина в разведдействиях на море, поэтому С-38 редко можно было видеть у пирса Полярного. Объектом внимания, в первую очередь, были финские порты на Баренцевом море. Поскольку же боевых кораблей у противника на севере не было (весь их флот во главе с флагманом-крейсером «Ильмаринен» оставался на Балтике), не хватило финнам средств на второй свой флот, все ушло на линию Маннергейма,— то наблюдение велось, по преимуществу, за английскими кораблями, в свою очередь, постоянно дежурящими у финского берега. Англия на ближайшее время не рассматривалась в качестве возможного союзника, но, всячески поддерживая Финляндию, была готова на любые провокации. Такую диспозицию давало советским морякам командование.

Это уже позже, в Отечественную, расхожим станет понятие «вооруженного нейтралитета» — в применении к Японии, но нынешнее поведение британских кораблей как раз и соответствовало этому понятию. Понятно, что до прямых конфликтов не доходило, но наши лодки у скандинавского финского берега предпочитали ходить на перископной глубине, только дождавшись ночи, убедившись, что в пределах видимости нет кораблей с английским георгиевским флагом, подвсплывали и следовали на недалекие свои базы. Лодка С-38 тож.

Постепенно и дежурившие у финского берега британские надводные корабли (с подлодками было сложнее) становились «знакомцами», а акустики С-38 уже с большей вероятностью различали их характерные шумы. Так было и в тот пополуденный час, когда С-38, завершив свои маневры, собиралась, убрав перископ, отойти от берега миль на пять-десять, всплыть и следовать на траверс Рыбачьего и далее домой, в Полярный. Благо зимний «пополудень» в Арктике уже был самой настоящей ночью.

Однако наступившая темнота, поспешно убранный перископ, а главное — нешуточное волнение на море, позволили прозевать английский противолодочный корабль, относительно небольшое судно, даже не имевшее титульного названия, а только бортовой номер. В советском ВМФ аналогичные корабли относят к классу ниже среднего; по тоннажу и вооружению, конечно. И у англичан это явно был не фрегат. Краснофлотцы такие свои корабли в обиходе зовут «охотниками».

Если здесь, в этой ситуации, и была ошибка командира Лощилина, то лишь сверхминимальная, ибо предыдущая оперативная обстановка никак не позволяла думать, что обратный курс лодки пересечется с английским кораблем, непонятно почему и зачем вышедшим из небольшого фиорда справа от финского порта; ранее никто не замечал, что этот глухой фиорд, где даже маяка на входе не было, кем-то посещается, кроме как маленькими рыбацкими баркасами — да и то не в зимнее время.

Кроме того, сама обстановка была не в пользу лодки С-38: трехбалльное волнение на море слепило перископ (почему его и убрали ввиду ненужности), а для акустиков создавало фон, заглушающий шумы надводного корабля. Наоборот, акустики корабля английского имели возможность обнаружить и запеленговать лодку, хоть и

убравшую перископ, но шедшую еще на перископной глубине: здесь и законы физической акустики работали на них. Наконец, даже самый сверхбдительный командир расслабится, выходя из зоны разведки, заранее зная, что здесь только английские надводные корабли, а англичане знают: здесь могут быть только советские лодки, а маньяков-убийц среди командиров тех и других не держали...

♦Федор Тихонович, расстегнув китель, заполнял вахтенный журнал — на берегу старпом на основе этих записей напишет по установленной форме донесение. Он писал, сверяясь с принесенной штурманом картой; только что он отдал приказ уйти вниз от перископной глубины; то ли интуиция сработала, а может и совпадение обстоятельств случилось, но в тот момент, когда лодка сошла на табельную глубину, принайтованный к полу столик, на котором Лощилин писал, ощутимо вздрогнул, глухой звук пустой бочки заполнил отсек рубки. За ним раздался второй — громче, а дальше пошла серия взрывов «глубинок» со все усиливающимся стуком по пустой бочке. Однако и последний взрыв, самый близкий, до лодки не дотянул: взрывы (это потом подтвердили акустики) шли на перископной глубине и чуть лево по борту; это их и спасло.

...Еще гремели первые взрывы серии глубинных бомб, а старпом — по кивку капитана — отдал по связи приказ «стоп машина». Лодка по инерции скользила в водах, раскачиваясь от взрывных волн.

— Всплывать, разбираться? — первым нарушил молчанье старпом сразу после последнего взрыва серии: число их хорошо было известно.

Старпом предлагал действовать по инструкции в ситуации ошибочной атаки; другой версии здесь не просчитывалось. Однако чутье, еще ни разу не подводившее Федора Тихоновича, говорило о другом.

— Замрем. Дальше видно будет.

Капитан шел на сверхриск, это было заметно и по выражению лиц старпома, штурмана и залетевшего в рубку вахтенного офицера. Командир молчал, сцепив руки над рабочим столиком.

— Свяжитесь с акустиками.

Вахтенный выскочил из рубки. Время тянулось. Включилась громкоговорящая связь: акустики докладывали, что удалось прослушать ход надводного корабля, делающего маневр, но явно замедляющего ход. Сообразительный акустик работал только на прием. Штурман, не дожидаясь распоряжения капитана, по данным акустиков уже делал расчет.

— На момент нашего и противника останова будем находиться на расстоянии семи-восьми кабельтовых. Противник влево по борту и выдвинут по курсу на два кабельтовых.

Прошло полчаса. Лодка замерла. То же самое акустики свидетельствовали и о корабле. Они же докладывали, что волнение на море несколько утихло, фон заметно уменьшился.

— Наверное, пошел заряд*,— подтвердил капитан.

Напряженность ожидания (и мольба в душе: пронеси, Господи!) не располагала к оценке случившегося. Пошел второй получас, к концу которого ожила связь от акустиков:

— Товарищ командир! Противник пришел в движение!

— Хорошо. Постарайтесь сориентироваться в его курсе. Доложите.

У всех: капитана, старпома, штурмана и вновь объявившегося вахтенного — на

* Заряд — внезапный снегопад с небольшим ветром; во время заряда волнение на море снижается (флотск.).

лицах читалось: может, пронесло? Действительно, минут через десять акустик по громкой связи доложил, что корабль, набирая ход, удаляется строго по курсу норд-вест-вест, расстояние до него уже превысило полторы мили. Лощилин задумался на секунду, чему-то махнул рукой и подошел к перископному посту, отдав приказ на подвсплытие. Остальные подтянулись поближе.

Лощилин осторожно вывел перископ на самую малую высоту, но волны, хотя и намного меньше предбывших, захлестывали оптику. Вывел повыше и еще выше. Действительно, шел заряд, но уже стихал; именно белесая пелена стихающего снегопада, косо сносимая у самой водной поверхности ветром, и позволила рассмотреть в темноте ночи силуэт удаляющегося английского «охотника».

Коротко сообщив обстановку столпившимся за спиной офицерам (тогда говорили — командирам), капитан не отрывался от перископа минут двадцать, даже когда акустики сообщили, что корабль ушел из зоны акустического контакта; он внимательно, по секторам, просматривал морскую поверхность.

Еще с час лодка стояла, повиснув в толще воды, замершая, беззвучная. Лощилин снова поднял перископ: в окончательно наступившей темноте нигде не виднелось бортовых огней. Акустики вновь доложили об отсутствии ходовых шумов.

Лощилин отдал команду идти на базу на средней глубине погружения.

♦...Только выйдя в конце 60-х годов в отставку (последние годы служил в Севастополе командиром учебного отряда подводников), накрепко осев с семьей в родном Краснодаре, открыл Федор Тихонович съехавшимся на его 60-летие однополчанам, тож пенсионерам, среди которых были бывшие старпом и штурман С-38, великую свою тайну:

— А знаете, мужики,— разгоряченный вином и воспоминаниями Федор Тихонович полуобернулся к сидящим справа от него старпому и штурману,— ведь тогда, в сороковом, когда англичане нас едва не потопили, я чуть было весь ход мировой истории в XX веке не повернул?!

— Ну, батя, ты и хватанул,— восхищенно сказал его старший сын, тоже флотский офицер, капитан третьего ранга, прибывший со Средиземноморской эскадры на юбилей отца, капераига в отставке, кавалера двух орденов Ленина и полного иконостаса других.

А супруга Федора Тихоновича озабоченно посмотрела на батарею коньячных бутылок во главе стола. Кто-то притих в недоумении, а старпом со штурманом переглянулись: похоже, они уже были близки к разгадке странного заявления своего боевого командира.

— Мы вот тогда на базе, в Полярном, в штабе, да в присутствии командующего, не один час ломали головы: что случилось? Почему англичане по нам лупанули? Вроде как никакой логики в их действиях. Провокации им на тот момент тоже были ни к чему... Сошлись же, вы помните, на том, что и курсы наши пересеклись случайно, а бомбы,— вы же все знаете, точнее, помните устройство бомбометателей у наших «охотников»; у англичан — то же самое: бочки-бомбы эти всей серией лежат на помосте наклонном на корме, а слева у низа помоста — рычаг. Рванул его на треть оборота — и все бомбы посыпались. А тут темнота, волнение на море трехбалльное, бежал какой-нибудь салага по корме, поскользнулся на обледенелой палубе, инстинктивно схватился за торчащую рукоять — и посыпались родимые!

Нетрудно объяснить и то, почему взрыватели у них были установлены на перископную глубину: это и у нас практиковалось; в походном положении, когда противник не обнаружен, взрыватели и должны быть на такую глубину установлены, ибо статистика боевого опыта гласит, что внезапная встреча с вражеской лодкой наибо-

лее вероятна на перископной ее глубине, а при направленной охоте уже и устанавливается нужная глубина,— объяснял хозяин голосом и интонацией, приобретенными за время командования учебным отрядом в Севастополе.

— ...Вот такой вариант вроде как все объяснял, да и командованию стало спокойнее. Тем более, что потерь нет и все шито-крыто, тихо то есть, без огласки (с нас подписку взяли), ибо конфликты тогда не нужны были ни англичанам, ни нам. А вот во мне какое-то шестое или шестнадцатое чувство говорило — и заговорило сразу после бомбежки — не все так просто, здесь — *умысел*, что, кстати, как вы знаете, и подтвердилось через несколько лет. Ну, это я вам уже рассказывал.

— Георгич,— обратился Лощилин к старпому,— ты помнишь, что сразу после бомбежки я не стал всплывать? Вот-вот, потому как чувствовал, что глушили нас намеренно. А всплыли — англичанам и деваться бы было некуда: раз начали, так и кончать, причем сразу, пока мы в штаб по радио донесение не отправили. Парутройку снарядов из носового орудия, почти в упор — и прощай С-38!

А вот когда подняли перископ, увидел стоящий «охотник», то мысль первая была: на самых малых оборотах двигателя, чтобы ихние акустики не засекли, развернуться для атаки и дать полный залп, веером, на таком расстоянии не промажешь, хоть одна торпеда, да попадет в цель — и «охотник» в щепу! Потом всплыть, подойти и из пушки* расстрелять всех, кто остался на плаву: на шлюпках, если успеют спустить, на спасательных кругах и в спасжилетах. Причем мысль эта была не предположительная, но — руководство к действию: если они нас, так и мы их!

Уже готовился отдать команду двигателистам и в торпедный отсек, да не покидало сомнение, все более и более давлеющее: если акустики на «охотнике» и не засекут разворот лодки, что тоже сомнительно — ведь там прислушивались к результатам своей атаки, то торпедный залп-то точно идентифицируют, тотчас сообразят что к чему и успеют дать радиограмму в свой штаб. Что тогда будет?! То, что меня наши славные особисты к стенке тотчас поставят (англичане оправдаются, дескать, бомбы по халатности салаги-рядового за борт сбузовали, совпадение, что наша лодка «в нужное время и в нужном месте» оказалась, да еще и приплетут, что мы уже тогда готовились торпедировать их...) — плевать мне было! А вот то, что ты, Георгич, остальные офицера и треть команды, как исполнившие приказ сошедшего с ума командира, а лучше — провокатора и тайного агента всех спецслужб мира, включая аргентинскую, за мной последуете... это-то меня только и остановило.

А все же, торпедируй мы англичан — что бы было? Ведь с самого начала финской войны британцы едва сдерживались, чтобы на стороне Финляндии не выступить: каких-то там голосов в парламенте не хватало. А тут... тут и голоса бы несомненно сыскались, а история совсем по другому раскладу, самому невероятному, пошла. А вы говорите: роль масс в истории решающая, а роль личности — подчиняющаяся!

♦Капитан британского противолодочного корабля, бортовой номер 207, Стивен Доббл получил в середине дня шифровку из оперативного отдела штаба: зайти в неприметный фиорд (незнакомое название он сверил с картой) справа от финского порта, в районе которого корабль курсировал в дежурном порядке: прослушивал море на предмет появления с целью разведки русских подводных лодок. При пеленгации последних — финских, равно как и любых других субмарин здесь быть не могло — Доббл по инструкции должен был садиться им «на хвост», демаскируя их и тем самым вынуждая всплывать или уходить восвояси в подводном положении. В штабе же

* Подводные лодки времен войны имели на вооружении палубное орудие, установленное примерно посредине между форштевенем и рубкой.

полагали, что лодки могли заходить и в тот самый фиорд. Правда, за каким чертом? — Этого штабисты в шифровке не поясняли.

Доббл мысленно выругался, ибо со вчерашнего дня сильно простудился, хотя вроде бы и попривык к самой в мире дикой погоде зимней Арктики, а потому рассчитывал уже через час-другой спокойно выпить чаю с виски и отоспаться. Мрачно, с хрипом и кашлем, отдал команду, перепоручив штурману сверку с курсом. Более всего Доббл ярился на русских, которые в один присест предали Англию и всю Европу зараз, снюхались с фашистами и напали на беззащитную Суоми. Здесь следует отметить, что жена Доббла по происхождению была полушведкой-полуфиннкой. Далее, вроде как, и пояснять не требуется: какие чувства обуревали Стивена, молодого еще капитана, но несколько мизантропа по своему характеру, патриота и потомственного военного моряка со времен Трафальгара.

Обследовали скоренько фиорд, где, конечно же, никого не было; последние плавсредства сюда заходили, скорее всего, осенью с селедочными неводами, а военные корабли — во времена викингов. Отдал команду на обратный путь и приказал коку принести горячего чаю с лимоном. Однако на выходе из фиорда, перекладывая курс на норд-вест-вест, корабль вошел в зону трехбалльных волнений, а чай оказался вовсе и не горячим, что Доббла опять-таки вывело из себя. Он собрался было вылить свое раздражение на штурмана, но включилась связь с акустиками: те запеленговали ход подводной лодки, шедшей на сближение курсом почти наперерез.

Еще молодой, но достаточно опытный уже капитан тотчас оценил невероятно удобную для атаки тактическую ситуацию, а в памяти всплыло заплаканное, с гримасами лицо жены — сразу после прослушанного по радио (он тогда был в отпуске, дома) экстренного сообщения о нападении Советов на Финляндию с воспоследовавшим жестким комментарием премьер-министра...

— Готовиться к атаке,— приказал он штурману,— скорректируй курс, пусть акустики связь не отключают и постоянно докладывают; минеров на боевой пост, — это уже вахтенному офицеру, зашедшему в рубку.

— Кэп! Но здесь ведь только русские подлодки могут быть?

— Отставить. Выполняй команду,— приказал Доббл вахтенному.

Через четверть часа, когда курсы «охотника» и лодки, шедшей на перископной глубине, совпали, а акустики доложили, что подлодка чуть вправо от киля корабля, капитан дал команду резко вправо руля, а вслед за тем — команду атаки на минный пост, после чего корабль так же резко отклонился влево, уходя от неглубоких разрывов, даже в трехбалльное волнение моря покачавших корпус «охотника».

— Стоп машина! — новая команда Доббла.

Пройдя несколько кабельтовых, корабль остановился. Акустики фиксировали полную тишину, только фон моря, впрочем, уже успокаивающегося; надвигался снежный заряд. Прошло полчаса, на заметно снизившемся фоне никаких сигналов акустики не отмечали. Все было кончено. Лодка не всплыла, как должна была сделать в этой ситуации, оставшись на плаву. А если бы всплыла — ничего бы не оставалось, как добивать... Капитану стало неуютно. Не глядя на штурмана и вахтенного, Доббл отдал команду идти в порт, а сам, передав корабль старпому, ушел в свою каюту, попросив вахтенного послать к нему кока с чаем. К чаю он выпил стопку виски. Противная простудная ломота несколько притупилась. Вызвал по внутренней связи радиста и продиктовал шифровку в штаб.

Через месяц Стивен Доббл был награжден орденом Георга. Советы о потопленной лодке промолчали. Понятно, что и Адмиралтейство тоже не афишировало подвиг капитана противолодочного корабля бортовой номер 207.

♦В конце сорок третьего года, пробившись через бурные в декабре Норвежское и Баренцево моря, потеряв от немецких полетов и ихних же *U*-ботов четверть судов с

грузом и два корабля охранения, очередной конвой *PQ*[*] прибыл в Мурманск. Грузовые «либерти» стали под разгрузку, а часть кораблей охранения (основная охрана возвращалась в Англию, передав конвой кораблям Северного флота) пришвартовалась у пирсов Полярного.

Был как раз канун католического рождества. Желая сделать приятное союзникам, традиционное застолье в честь прибытия конвоя начштаба распорядился провести в этот же день, а не как обычно, дав командам англичан отдохнуть сутки-другие. О чем и сообщил капитанам прибывших кораблей штабной адъютант, скоренько побывавший с визитом, с непременной стопкой бренди, у капитанов эсминца, двух противолодочных кораблей и вспомогательного корабля-плавбазы. Все офицеры приглашались к 21.00 в Дом командиров флота, а об остальной команде, как пояснял адъютант, позаботится гарнизонное начальство Полярного.

Изображавший букву «П» стол на полторы сотни персон, как обычно, сервировался в фойе ДКФ по соседству с концертным залом, где перед началом ужина гостям показали последние военные кинохроники. Кстати говоря, в этом самом ДКФ, но уже называвшемся Домом офицеров флота, до переезда семьи на «большую землю», в *Т.*, отец Николая Андреяновича работал старшим электромонтером, да и сам Андреяныч, учась последние два года в школе, страшась конкурса в институт, по вечерам, после школы тоже трудился электриком-осветителем при том же концертно-театральном зале...

Сочли за знак внимания к ним союзники и елку с мигающими гирляндами, что стояла в центре фойе, в проеме той самой буквы «П» банкетного стола; елка по довоенной традиции ставилась за неделю до Нового года. Англичанам эти тонкости не поясняли.

Рассаживанием за столом руководил все тот же шустрый адъютант; не мудрствуя лукаво, он сажал по принципу: два мальчика — две девочки, очевидно, запомнившемуся из пионерского детства, то есть — два союзника, затем два наших и так далее. Впрочем, здесь был и толковый расчет: каждый мог одновременно общаться со своим и с чужим, а если учесть, что в пару с нашим боевым командиром адъютант усаживал и политработника, то расклад и вовсе был восхитительным. Правда, боевые наши моряки говорили по-английски, чего не скажешь о политотдельцах, но — очень хорошо вовсе и не хорошо!

Но и на этом забота адъютанта не заканчивалась, он и по характеру общения пары подбирал: своих хорошо знал, союзников оценивал по выражению лица и кратким беседам за рюмкой бренди, когда обегал их корабли с приглашением. Самым мрачным из англичан ему показался капитан Стивен Доббл, командир противолодочного корабля; его он и посадил одесскую известного на флоте весельчака кавторанга Федора Тихоновича Лощилина, командира геройской подлодки С-38, а для поднятия тонуса огорченного чем-то англичанина подсадил к ним еще большего живчика — политотдельского майора Шулейку, который мог и паралитика до хохота довести, и трезвенника упоить до положения риз. Закончив свой вдохновенный труд, адъютант стушевался. Слово для первого тоста взял командующий.

Потом было много тостов хозяев и ответных — гостей. Пили за героических союзников, за доблестный Северный флот, отдельно и стоя — за Сталина и британского монарха. Начальник политуправления флота предложил выпить за скорейшее открытие второго фронта; союзники несколько сконфузились, а мрачный, хотя уже и в сильном подпитии, Доббл что-то проворчал неодобрительное о Черчилле и Рузвельте...

Постепенно общие тосты сошли на нет, языки развязались, разговоры пошли по

---

* Кодовое наименование (добавлялась цифра) конвоя ленд-лиза, следовавшего в СССР из Англии. Расшифровку аббревиатуры — см. в романе Валентина Пикуля о караване *PQ-17*.

группам и группкам, Лощилин все пробовал разговорить откровенно пьяного, не выходящего из мрачного состояния духа Доббла. Шулейко помочь ничем не мог, ибо в школе и политучилище осваивал немецкий. За два часа застолья только и выяснил Федор Тихонович, что равный ему по званию и годам военной службы английский капитан впервые прибыл с конвоем в СССР, а до этого охотился за германскими лодками в составе Флота Метрополии в северной Атлантике, командовал же новейшим противолодочным кораблем почти крейсерского класса, а до того — небольшим «охотником».

Лощилин пробовал было разговорить хмурого соседа на морские темы; известно, что моряки о море столь же охотно говорят на берегу, как и рыбаки о рыбалке (в пивной, например). Доббл скупо отвечал, видно по всему было, что в мрачных своих мыслях он где-то далеко — может, в семье что? Или наградой какой обошли? Вспомнив о наградах, Федор Тихонович погладил свой иконостас на кителе, где, не считая медалей, присутствовало несколько орденов, которые в первые годы войны довольно скупо давали: от простенькой «звезды» до первого своего ордена Ленина — за потопленные в один выход в море немецкий эсминец и два транспорта крупного тоннажа с военной техникой и живой силой.

Поинтересовался у английского капитана, также имевшего несколько наград, в том числе офицерский орден Георга высокой степени: за что получены? Доббл еще более сник и даже сделал инстинктивный жест рукой, как бы прикрывая «георга». Зоркий кавторанг это отметил и деликатно переменил тему беседы.

Англичанин временами коротко поглядывал на своего соседа; по всему было видно, что здоровяк и весельчак русский капитан ему нравится. Как будто решившись на что-то, Доббл быстро налил и выпил, не чокаясь, подряд две стопки водки, на секунду-другую задумался и огорошил Лощилина:

— Сэр, мне очень плохо, мне стыдно. Я вижу, как ваша великая страна и армия почти что в одиночку противостоит фашистам. Пройдя в составе конвоя Норвежское и Баренцево моря, я был потрясен храбростью ваших моряков и летчиков, которые в буквальном смысле закрывали своими бортами наши транспорты и корабли охранения. Мне невероятно стыдно: ведь этого «георга»,— он с ненавистью, скосив вниз глаза, посмотрел на орден, — мне дали за потопление... русской лодки!

Федор Тихонович, поняв, что Доббл не шутит, не иносказательно говорит, посерьезнел. Доббл же, развернувшись со стулом к соседу, быстро-быстро, словно опасаясь, что русский капитан гневно сверкнет добрыми своими глазами, встанет и уйдет, стал рассказывать о своей атаке русской подлодки во время финской войны, о тайной гибели последней, о том, что им двигало тогда... а вот теперь они союзники, соединенные пролитой кровью, вместе бьющие страшного и сильного врага. Этот орден жжет ему грудь, душу, кажется, что вот-вот китель обуглится в месте крепления награды...

— Капитан! — перебил его Лощилин.— Но в финскую войну у нас не было потерь в подводном флоте. Это не военно-политическая маскировка; я сам в то время служил в этих местах, лодки все до единой знал, все они и в Отечественную войну вступили целехоньки. А, кстати говоря, капитан, не припомните обстоятельств того инцидента, дату поточнее?

Немного поуспокоившись, но еще не веря словам русского капитана, Доббл подробно, с датами, чуть ли не часами, с названием порта и фиорда, рассказывал о злоключениях противолодочного корабля бортовой номер 207. Командир же подлодки С-38 внимательно слушал. На лице его попеременно отражалась вся последовательность навеянных воспоминаниями чувств.

— Знаете, капитан, чтобы рассеять ваши последние сомнения и, как говорят у

нас, снять грех с души, я вам скажу невероятное по стечению обстоятельств: лодкой, которую вы бомбили, командовал я.

♦ Через месяц от описываемой беседы в банкетном фойе ДКФ города Полярного, уже благополучно — не считая развороченного форштевеня в надводной части от непрямого попадания авиабомбы — вернувшийся с обратным конвоем командир противолодочного корабля Стивен Доббл поутру вошел в здание штаба, хотя его и не вызывали, и вручил дежурному офицеру полотняный конверт с упакованным орденом Георга и пояснительным письмом. На конверте стоял адрес Адмиралтейства с указанием имени первого лорда этого ведомства. Затем зашел в буфет офицерской столовой при штабе, попросил кельнера налить ему стаканчик бренди, улыбнулся, облегченно вздохнул и удивил буфетчика фразой по-русски: «За наших доблестных союзников!»

♦ — Вот так-то, ребята, мы хоть и верным курсом идем,— Шулейко заговорщицки подмигнул собеседникам,— но история не всегда умещается ни в краткий, ни в полный курсы; реальная жизнь то норд-ост-ост дает, а теперь, похоже на то, и к весту склоняется. Помяните слова кадрового политработника!

Ошеломленные услышанным, мы с Николаем Андреяновичем молча следили за правой рукой Бориса Никифоровича с бледной татуировкой морского якоря, разливавшего по последней.

— За наш Флот! Семь футов ему под килем! — громогласно провозгласил Шулейко и, не закусывая, округлым своим баритоном затянул родную североморскую: «...растаял в далеком тумане Рыбачий».

Ольга Карагодина
(г. Москва)

СИМУРАНЫ

Фантастический рассказ

Живет и работает в Москве. По образованию библиотекарь. Работала в различных областях образования. Писать прозу начала в 1999 году. В своем творчестве отдает предпочтение юмористическим рассказам и рассказам о животных. Член МГО СПР, Академии российской литературы, творческого клуба «Московский Парнас».

«Моим Солнцем стала Луна,— думал он, пробираясь темной осенней полночью сквозь глухую лесную чащу.— Что я делаю здесь один? Я стал другим. Исцарапал тело и душу. Больно стоять на ветру, не попасть бы мне в западню. Сроднился с волками, но и там стал чужим. Кто я? Не помню. Моим Солнцем стала Луна, не видно ее за облаками. Чу! Слышу в тиши вой. Видно с кем-то сегодня бой».

Он скользнул серой тенью вдоль кустарника. Увидел просвет. За кустами начиналось тихо шуршащее безграничное поле с ржавой, жухлой травой. Густой туман покрывал его белесым одеялом. Скоро рассвет. Первые светлые лучи, посылаемые небом, уже коснулись туманного покрывала. Чуть дрогнула земля. Он втянул ноздрями влажный воздух. Сегодня выпадет снег. Он это знал. Пригнулся. Вытянул голову в сторону, еще раз принюхался. Лошадь! По полю в тумане скачет лошадь! Копыта размеренно ударяют по земле, заставляя ее дрожать. Он должен ее догнать. Он давно не ел.

Прыжок. Еще один. Сухая поваленная береза преградила путь. Оттолкнулся задними лапами от земли и взвился в бесшумном прыжке, но не рассчитал силы, задев сучья покатился кубарем по траве. Быстро вскочил. Запах кобылы ударил в ноздри, и он помчался большими скачками сквозь туман.

Лошадь что-то почуяла, фыркнула тряхнув гривой, пустилась в карьер. Зверь почти настиг ее. Вот-вот его зубы вопьются в сухожилие задней ноги. Последнее, что увидел было копыто. Острая боль пронзила грудину, свет померк, он упал бездыханным.

Теплый травяной воздух коснулся его ноздрей. Он очнулся, с удивлением обнаружив себя лежащим не в лесной норе под старым обрушившимся деревом, а на широкой деревянной лавке устланной волчьими шкурами.

Посмотрел на свои лапы и не узнал их — это были человеческие руки. Хотел вскочить, завыть — не смог. Горло издавало непонятные звуки, ноги не слушались, сердце колотилось в такт доносившимся издалека барабанам.

Дверь отворилась. Вошла темноглазая девушка в лисьей шапке, обернутая в волчью шкуру. Она улыбнулась ему, показав ровные белые зубы. Подошла и погладила по голове теплой ладонью.

— Кто ты?

— Не знаю...— прошептал он.

— Мы нашли тебя на рассвете в поле. Мы видели гнедую лошадь. Хотели ее поймать, но она убежала. Ты лежал истекающий кровью. Так кто ты?

— Странник,— шепотом ответил он.— Скиталец. Сам не знаю, то ли зверь, то ли человек. В лесу живу, к людям хожу. Воюю с тенью. Пою песни Луне. Не зверь и не человек. Иной. Один между двумя мирами. Мне нужно уходить. Меня убьют твои братья. Я слышу лязг мечей и вижу волчьи шкуры.

Дверь снова отворилась, в нее вошел воин в кольчуге. Посох в его руке венчал череп волка.

Превозмогая адскую боль, вскочил, ударился оземь, встал на четыре лапы и прыгнул в просвет.

— Волк! Волк! — последнее, что услышал за спиной.

Охотничий рог пронзительно выл.

— Вперед! Вперед! — раздавались крики.

— Я вижу его! Я преследую его! — кричал мужской голос сзади.

— Не уйдет! — вторил ему кто-то.

Вокруг засвистели стрелы. Острые наконечники взрыхляли землю рядом с ним. Он начал петлять, понимая, что по прямой одна из стрел настигнет его. Раздался свист нагайки. Кто-то из всадников попытался кнутом сбить его с ног. Увернулся, мечтая только об одном, скорее достичь леса. Грудь болела и щемила. Капли крови бисером разлетались по ржавой траве. Еще немного и он спасен. Успел оглянуться. Позади других всадников заметил девушку в лисьей шапке. Ее глаза были полны ужаса. Она жалела его, он это знал.

Лес напряженно молчал. Успел. Скрылся. Его не догнать. А если нагонят... Прыгнуть из засады, одно движение и все. Растаять в воздухе. Исчезнуть. Нет ему покоя: ни среди зверья, ни среди людей. Тянет его и к тем, и к другим.

Всадники спешились у кромки поля. Далее преследовать волка не имело смысла. Серый в своих владениях непобедим.

Он заскулил, медленно побрел в чащу. Нашел старый поваленный дуб, под корнями которого и схоронился. Раны болели, и очень хотелось спать. Ему снился старик с длинными седыми волосами, колдующий над котелком, издающим пряные запахи. Веселый огонь ровно потрескивал, наполняя хижину жаром. Он лежал возле старика на оленьих шкурах, наслаждаясь теплом. Старик изредка поднимал голову, смотря на него пристальным взглядом, помешивая в котелке странной деревянной ложкой. Она была исписана какими-то знаками. Потом откладывал ее, подходил к нему и гладил по голове морщинистой рукой.

— Приведи ее. Ты должен привести ее.

Он очнулся. Бок болел меньше. Сперва надо было поесть, а потом наведаться в селение. Он обязательно должен был увидеть ту девушку с черными глазами. Его влекло к ней. Что-то подсказывало, что они схожи. Это понял тогда в избушке. От нее исходил особенный запах. Она тоже может оборачиваться волчицей, только не знает, как? Привести бы ее к знахарю. Не один раз старик лечил его раны, когда на него нападали дровосеки или охотники, пытаясь убить его. Только у него в хижине он чувствует себя спокойно и по-настоящему отдыхает. Он спас многих людей в лесу. Заблудившихся женщин с детишками выводил из леса. Замерзающего воина перетащил ближе к селенью. Из лесного озера вытащил мальчишку-рыбака и сидел возле него, согревая своим теплом, пока его не нашли люди. Вся беда состояла в том, что он не мог контролировать процесс перехода в человеческий облик и обратно. Вытаскивал мальчишку человеком, согревал его будучи волком. Его тогда чуть не убили. А уж сколько старушек и младых дев через лес проводил, охраняя их покой, не сосчитать. Медведей отгонял, лосей пугал, на нужные тропы направлял.

Изо дня в день он приходил к кромке леса и наблюдал за деревней, где кипела обычная жизнь. Воины с утра чистили свои доспехи и оружие, потом уходили на охоту. Женщины варили еду и занимались с ребятишками. Темноглазка жила со своей матерью. К ней часто захаживал крепкий молодец с колчаном стрел за спиной. В его горле клокотало, когда он это видел. Ему хотелось загрызть его. Нужно было дожидаться. Только бы она пошла в лес.

Велена собиралась за хворостом для очага. Ее необъяснимым образом тянуло в лес, словно кто-то там ее ждал. Она все вспоминала Странника, таинственным образом обернувшегося волком. Его пристальный взгляд. Ей хотелось увидеть его снова. Он был ранен. Кажется, в него попала одна из стрел. Она видела кровь на траве, когда он скрылся в лесу.

Мать просила ее далеко не заходить. Дала с собой берестяной свисток. Напутствовала воспользоваться им, если кто-то обидит в чаще, хотя она была хорошим воином и могла постоять за себя.

Тишина. Запах осеннего леса, невозможно спутать ни с каким другим. Редкие лучи солнца иногда разрывали пелену тяжелых облаков, освещая золотисто-желтые, вишнево-красные, темно-зеленые листья рябин, осин, кленов и берез. Среди пестрой красочной листвы четко выделялись коричневые, черные, слепяще-белые стволы. Каждое дерево имело свой особенный наряд, свои оттенки цветов. Прелые листья, тонкий грибной аромат и свежесть ветра... Уже чувствовалось дыхание зимы, и несколько раз выпадал снег. Скоро-скоро всю землю укроет белым одеялом.

Велена не спеша пробиралась сквозь валежник. Только слышно «шур-шур» под ногами. Опавшая листва мягко укрывала до весны высохшую, порыжевшую траву. От ветки оторвался большой кленовый лист и почти бесшумно опустился к ее ногам. Она вдохнула холодный воздух, и... у нее появилось стойкое ощущение, что она здесь не одна. Оглянулась. Окинула взглядом могучие ели, кустарник — никого. Ощущение не отпускало. Она все больше углублялась в лес, в поисках крепких, но не слишком больших сучьев, когда заметила янтарные глаза, выглядывающие из-за можжевелового куста.

— Волк! Тот самый! — Испуга не было. Велена присела на корточки, вытянув вперед руку ладонью вверх.— Иди сюда.

Он осторожно вышел. Мягко переступая лапами, ставя их ровно по прямой линии, опустив огромную серую голову, медленно направился в ее сторону, стараясь не смотреть в глаза. Нос коснулся ее ладони. Запах дурманил. Ему захотелось подставить свою шею под ее руки. Поднял голову. Глаза встретились.

Они сразу же поняли друг друга. Без слов, без лишних звуков. Оба были спокойны. Девушка мягко погладила его за ушами, медленно перебирая пальцами шерсть. По его телу разлились тепло и трепет. Он лизнул ее в губы горячим языком. Встал и позвал за собой.

Велена поднялась с колен. Волк стоял чуть в стороне, обернувшись к ней. Желтые глаза говорили сами за себя: «Идем». Зачем-то ему это было нужно. Появилось ощущение необходимости следовать за зверем. И она пошла за ним. Он неторопливо бежал впереди, все время оглядываясь, проверяя, идет ли она? Обходил овраги и поваленные стволы огромных, поросших мхом деревьев. Шли долго. Несколько раз у Велены появлялись мысли развернуться в обратную сторону, но что-то или кто-то не давали ей сделать это. Дошли до березняка, за ним начиналась небольшая поляна в глубине, которой стояла скособочившаяся лесная избушка. Волк засеменил быстрее. Велена не отставала. Подошли к двери. Зверь встал и тихонько заскулил. С той стороны послышалось движение, через мгновение на пороге возник высокий, могучий

старик. Его длинные седые волосы прикрывали часть лица, выделялись только живые, пытливые, блестящие, молодые глаза. Старче молча улыбнулся в бороду, распахнул дверь шире, показал рукой внутрь приглашая их войти.

Жилище было скромным. Небольшой очаг с тлеющими углями, широкая лавка, заваленная оленьими шкурами, дубовый стол. Под потолком на прутиках сушились, грибы и ягоды. По углам висели пучки с травами. Чего здесь только не было: мята, бессмертник, пижма, лавр, тимьян, боярышник и крапива, чистотел, шалфей, подорожник и много чего другого. Два окна на улицу, затянутые бычьим пузырем, давали приглушенный свет. В избушке, несмотря на скромную обстановку, было тепло и уютно.

— Садись ближе к огню! — подтолкнул Велену старик.— Давно ждал. Наконец-то Велес тебя нашел. Пророчество сбывается. Пара найдена.— Велена непонимающе вскинула брови.

— Сейчас моего отвара попьешь, согреешься, все расскажу. Заварю тебе рябину лесную. Коли кого жажда замучает, надо веточки ее заваривать: не заболеешь, не отравишься, силу приобретешь, да и от простуды она хороша. А еще добавлю калину и ландыш полевой. Он, ландыш ядовитый, а по малой капле укрепляет и успокаивает.

Велес устроился у ее ног, положив серую голову на кончики ее темно-красных кожаных сапожек. Прикрыл глаза. Он не спал, внимательно слушая старика. Знал только одно — выполнил то, что тот от него ждал. Старик достал две деревянные кружки, взял ложку и аккуратно разлив дымящийся отвар подал гостье.

— Выпей, согрейся.

Велена отхлебнула маленький глоточек ароматной жидкости. Горло обожгло, и тут же по жилам быстрее потекла кровь. Тело наполнилось негой, захотелось хлебнуть еще. Расслабилась, постаралась вытянуть ноги ближе к очагу, стараясь не задеть спящего волка. Старик ворочал длинной палкой угли в самодельной печи и молчал.

— Кто вы, дедушка?

— Лесной ведун. Не бойся меня девушка. Мы с волком давно ждали этой встречи. Так было начертано. Ты пей-пей отвар. Спроси, если желаешь.— Волк, будто поняв слова человека, положил голову на передние лапы и прищурил глаза.

— Спасибо, дедушка. Мне бы домой. Матушка заждалась.

Старик погладил заскорузлой рукой бороду.

— Спросить желаешь? — повторил вопрос.

— Откуда этот волк?

— Прислали. Так было угодно богам.

— Почему он нашел меня и привел к вам? — спросила Велена, чувствуя, как веки смежаются. Неумолимо клонило в сон. Горячий отвар и тепло окончательно сморили ее.

— Расскажу, устраивайся поудобнее. Тебя интересует этот непростой волк? А он и не зверь вовсе. И не человек. У него есть предназначение и у тебя.

— У меня? — почти проснулась Велена.

— Волк этот,— продолжил ведун,— счастливчик. Должен был сгинуть. Ан как судьба повернулась. Давным-давно нашел его в волчьей стае мальчишкой маленьким. Волчица спасла. В стаю приняла. Поперек всех пошла. Взял я его к себе. Воспитал. Травками поил. Научил ходить на двух ногах, обучил человеческой речи, ловить птицу и зверя. Учил брать только необходимое. Показал, как приманки обходить, от оружия спасаться. Но творилось с ним что-то особенное: то волчонком обернется, то человеком. Живут в нем два существа. Судьба так сложилась. Он и сам не знает, кто он. А потом нашел его настоящую мать. Вернее, то, что от нее осталось. Она была хорошим воином, но с такими ранами не выжила бы. Захоронил по-человечески. А к нему судьба повернулась светлым ликом.

— Кем была его мать? — спросила Велена.

— А была она, как и я, ведуньей и воином. Жила в племени степном, как ты. Все ее уважали. Она с богами общалась. В лихие времена билась наравне с мужчинами, но жила всегда одна. За советом к ней много людей ходило. Она и про мир в семье могла рассказать, и лечить умела природными снадобьями. Часто ходила в лес за всякими травами, хорошо владела ножом, копьем и мечом. Жила одна на самом краю деревни. Часто на их деревню вороги нападали. Люди чувствовали ее силу, а объяснить не могли. Молили даровать им заступника. Воина великого. Она молчала. И однажды понесла неизвестно от кого. В первый снегопад родила сына, но редко кому показывала. Люди всякое про ее ребенка говорили: «Горбатый. Крылья у него за плечами, оттого и горб. Глаза желтые, не как у человека».

А потом большая беда приключилась. Однажды ночью налетели злые чужеземцы, хоть и предупреждала она односельчан. Просила уйти с этого места, да никто ее не послушал. Всю деревню спалили. Она сражалась до последнего. Двух конников мечом срубила, одного ножом заколола, да прострелила ее грудь, смертельно ранив, вражеская стрела. Только и успела, подхватив сына, в лес схорониться. Далеко не ушла. Под старым дубом в старой волчьей норе умерла. Через несколько дней стая мимо пробегала. Хотели волки малыша загрызть, да волчица, что вожаком была, не дала им. Схватила его и в свою нору перетащила. Там его спустя два года и нашел. За много лет до того видение мне было. Скоро я должен закончить свой земной путь и дать миру вас.

— Нас? — не верила своим ушам Велена. Ее темные глаза расширились, в зрачках запрыгал огонь.

— Да. Так мне свыше сказали. Быть вам с Велесом проводниками леса. Домой ты больше не вернешься. Боги дали ему и тебе. Мать его защитником сделала. Из тебя сделаю его помощницу. Тогда мне и в последний путь собираться.— Медленно говорил знахарь, доставая длинную трубку, набивая сушеной травой. Его голос был тих и скрипуч, казалось, что каждое слово дается ему с трудом, между репликами проходили минутные паузы. Дым окутал жилище. Велена сомкнула веки и крепко заснула. У ее ног тихо вздыхая, удобнее устроился волк.

Пока знахарь делал свое дело: курил травы диковинные, в огонь кидал, шептал что-то, ложкой магические знаки в воздухе выводил. Велене снился сон. Она шла по зимнему лесу и внезапно услышала тяжелое дыхание могучего зверя, не предвещающее ничего хорошего одинокому путнику. Только дикий голод мог выгнать его на охоту в такой мороз.

Среди деревьев проскользнула громадная тень, мелькнули зеленые огоньки глаз. На тропу перед ней вышел громадный бурый медведь и встал на задние лапы. Шерсть дыбом, звериный оскал обнажил большие желтые клыки, с которых свисала слюна, превращавшаяся на диком холоде в тонкие сосульки, обрамляющие морду зверя. Глаза — говорили о решимости и дерзости. Страх сковал ее тело. Но с уст стали слетать непонятные слова. Сама не понимала, что она шепчет. Медведь, словно загипнотизированный опустился на четыре лапы, развернулся и растворился в чаще. Рядом стоял Велес. Его бок прижимался к ней. Они встретились глазами, не издав ни одного звука. Неожиданно она почувствовала, как уменьшается в размерах. И вот они бок о бок. Волк и волчица — единое целое, и нет им равных по силе и духу.

Велена проснулась. Она все еще была в избушке, а рядом со стариком сидел юноша, тот самый, которого нашли в поле. Широкоплечий, с густой копной русых волос и васильковыми глазами. На его щеках играли ямочки. Он улыбался.

— Проснулась? Сейчас будем ужинать.

— Что это было? — тихо спросила она.— Мне снился странный сон, будто я в лесу, медведь и волк...

— А мы и были в лесу,— ответил юноша.— Теперь надо отдохнуть.— Над огнем на вертеле жарилась тушка зайца. Перед стариком лежала его шкурка.

— Теперь слушайте внимательно,— тихо шепнул старик, разделяя ножом зайца на части.— Вы теперь симураны, воплощение Верховного Огнебога Руси — Симаргла. У вас есть крылья. Вы хранители лесов, посевов, корней деревьев и защитники людей. Именно вы будете возносить к небесам молитвы мужей, и оберегать одиноких путников, заблудившихся в чаще. Я даю вам дар всевидения, мудрость в разных делах, всю свою силу. Вы станете наставниками зверей, а иногда и людей. Люди на зимние святки будут праздновать «Велесовы дни», поклоняясь вам. Иногда вы будете принимать человеческий облик, но всегда снова возвращаться в свое звериное обличье, превращаясь только в волка и ни в кого иного. Вы всегда будете помогать людям и наставлять их на пути истинной веры в Святую Правду. Преступать за эти грани нельзя. Вас станет много. Начнется новая стая симуранов. Ты, Велес, будешь вечным вожаком. Велена твоей верной спутницей. Чтите свои семейные узы. Дарите добро. Вы будете оберегать посевы, когда ранней весной взмахнете крылами над полем, будет оно родить. Вы же будете провожать отлетевшие души, помогать на Звездном Мосту тем, кто успел сотворить в этой жизни зло. Боги дали вам могущество и тяжелую ношу. Я сегодня уйду, но с вами не прощаюсь. Мы будем встречаться. Где и как пока не знаю. Здесь я закончил свои дела. А теперь идите.

Старик распахнул дверь. Велена и Велес взялись за руки, подошли к двери. За порогом лежал снег. Холодный воздух ударил в ноздри. Сколько времени они пробыли в избушке не знали. Ступили за порог. Сделали несколько шагов, в их теле возникла необъяснимая легкость, и оторвались от земли.

Ведун вышел за порог. Его глаза смотрели в хмурое небо, по которому летела пара белых волков.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ПЛИС ДЛЯ ГЛАФИРЫ

Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.)

Снег на полях еще лежал, но под теплым апрельским солнцем слегка подтаял и превратился в серую крупяную массу. Местами уже зачернела заплатами дышащая весенней испариной земля, на которую в поисках остатков прошлогодних зерен слетелись рано прилетевшие из теплых краев крикливые грачи.

Вдоль полей, обходя стороной березовую рощу и залитые вешней водой овраги, петляла грязно-снежная дорога. Истоптанная и разбитая конскими копытами и тележными колесами, она разделила деревню Новая Колпна на две половины и, пройдя вдоль крестьянских изб и купеческих домов, притулилась однобоко к длинному одноэтажному зданию волостного правления, в котором кипела кропотливая чиновничья работа. Земское волостное начальство, судьи ясенковского волостного суда и полицейский урядник были заняты своей работой. В полутемном коридоре на неудобных деревянных скамейках сидели крестьяне, ожидая своего вызова к тому или иному чиновнику.

Был полдень 15 апреля 1899 года. Полицейский урядник Николай Иванович Сидоров собрал в ящик стола документы и начал собираться на завод «Товарищество Гилль», для разбирательства по очередному конфликту, произошедшему между рабочими завода. В этот момент к нему и зашли десятский сельца Ясенки Филипп Николаевич Шлипкин и неизвестный Сидорову мужчина.

— Мы к вам, Николай Иванович,— сняв с головы шапку, обратился к уряднику Шлипкин.

— Слушаю тебя, Филипп,— урядник повернул ключ в замке ящика стола, подергал за ручку и, убедившись, что ящик закрыт, убрал ключ в карман мундира.— Слушаю тебя,— вновь повторил он.

— Вчерась, когда уже свечерело, засобирался я скотину напоить, как вдруг слышу, кто-то в окно стучит. Я выглянул в окно, а там Катерина Евтеева стоит и рукою мне машет, стало быть, на улицу кличет. Я вышел на улицу, а она и говорит мне, что, мол, за околицей лошадь стоит в телегу запряженная, а подле телеги мужик лежит то ли пьяный, то ли мертвый. Побоялась она к мужику тому подходить, а прямиком значит, ко мне сразу направилась. Пришли мы с нею к тому месту, я гляжу не нашенский, не деревенский. Я его осторожно так толкать начал,— Шлипкин повел рукой из стороны в сторону, показывая, таким образом, как он именно толкал лежавшего, а затем продолжил,— гляжу, а он зашевелился, замычал, а изо рта вином на всю округу запахло. Ну, думаю, пьяный, надоть его домой тащить, а то не ровен час и застудиться может, земля-то нынче еще не оттаяла. Лошадь-то евоную я во двор загонять

не стал, а к изгороди привязал, а утром, когда ентот проснулся,— Шлипкин кивком головы указал на стоявшего мужчину,— говорит, что в телеге евонной товар был, а теперча нету, своровали, стало быть, товар-то. Но я, когда к нему подходил, никакого товару не видал, и Катерина тоже говорит, не видала.

Сидоров внимательно взглянул на стоявшего молча мужчину.

— Ну, рассказывай, мил человек, что стряслось с тобой,— проговорил он.— Кто будешь и откуда?

— Григорий Филиппов Воробьев я, живу в деревне Малевка Басовской волости Тульского уезда. Работаю и живу в имении помещика Золотова в Хатунках. Там и жена моя с детишками. Вчерась я к ним возвращался. В Туле товару закупил, все свои деньги истратил,— Воробьев вздохнул и замолчал ненадолго, взгляд в пол потупил, смахнул незаметно выступившую на глазах слезу. А потом вздохнул глубоко, словно сил набираясь, и продолжил...

В Хатунках Григорий Воробьев жил уже больше года. С того самого момента, когда Басовский помещик Ладыженский, у которого он работал плотником, выгнал его от себя за пьянство. Как только ни просил он барина простить его и оставить у себя в имении, клялся ему, что пить больше не будет, но Ладыженский стоял на своем.

— Иди, Григорий, с миром, не нужны мне пьяницы на дворе, не нужны! Глафиру мне твою дюже жалко от себя отпускать, работящая она у тебя баба, а ты...— Ладыженский махнул рукой.— Жалко ее, ох и хлебнет она с тобою горюшка горького.

— Прости, батюшка барин, больше ни капли в рот не возьму, вот перед иконою клянусь,— Григорий повернулся к иконам и, наложив на себя крестное знамение, упал перед Ладыженским на колени.— Прости, отец родной,— взмолился он.— А хошь, выпори меня кнутом, но только оставь.

— Не те нынче времена, чтобы пороть-то вас, не те,— горестно вздохнул помещик.— Иди, Григорий, с Богом, а меня не поминай лихом! Видит Бог, я тебе зла не желаю, ни тебе, ни Глафирушке твоей. Ты сам, горемычный, себе судьбу выбрал, иди!

Долго Григорий был не при деле, семья впроголодь жила, Глафира, как могла детям на хлеб зарабатывала, у кого белье постирает, кому в избе порядок наведет, у кого с детишками нянькой посидит. Но узнал как-то Григорий от посторонних людей, что в Хатунках местному помещику нужен специалист по плотницкому делу и решил себя предложить. Принял его Золотов, приработался у него Григорий, да так и остался у него, вскоре и семью свою перевез в Хатунки. Глафира его по прачечному делу бойкая была. Выстирала белье, вывесила его на просушку, а барыня, как увидела свои кипельно-белые простыни и наволочки, свои и мужнины рубахи, полотенца и рушники, так и руками всплеснула.

— Ах, Глашка, руки-то у тебя на работу легкие, никто мне так чисто доселе белье не выстирывал,— удовлетворенно качала она головой.

Жили Воробьевы вместе с другими дворовыми людьми в длинном деревянном доме, но комната у них была отдельная. Детей своих тоже к работе приучали, сыновей к плотницкому делу, а дочек к прачечному. Так и жили они на новом месте, своим трудолюбием уважение завоевывали. Григорий слово свое держал — не пил. А по нынешней весне выдал барин им с Глафирой заработанные деньги, и поехал Григорий в Малевку дом свой проверить да старушку мать навестить. Обрадовалась старушка сыну, гостинцы от него с удовольствием приняла. Долго вечером за чаем засиделись. Хотелось Григорию к брату сходить, что жил в своем доме на окраине сельца, но таки не сходил в тот вечер, все с матерью разговор вел, о семье рассказывал и как на новом месте обустроился.

— Старая я уже, Гришатка, скоро ко Господу отойду, а так хочется напоследок

внуков обнять, в маковку их поцеловать. Да и по Глашке соскучилась. Она у тебя хорошая, ты гляди, не обижай ее,— говорила мать сыну, тот лишь кивал в ответ головой.

— Пойду я, мамаша, лягу на печь, а то что-то устал за нынешний день,— зевнув, произнес Григорий.

Утром он проснулся рано. Мать уже хлопотала у печи. Не став завтракать, Григорий вышел на улицу.

— Далеча ты собрался? — спросила она у него, увидев, что тот запрягает лошадь.

— В Тулу на ярмарку поеду, гостинцев куплю,— ответил Григорий.

— А опосля ярманки не приедешь боле? — спросила старушка.

— Заеду, гостинцев тебе привезу,— ответил Григорий. Затем пересчитал деньги и, убрав их в карман, уехал.

Возвратился он уже ближе к полудню. Оставил матери продукты и, пообещав, привезти в гости семью, он, попрощавшись, отправился домой. По дороге решил заехать к брату, похвастаться перед ним о своей жизни.

— Здоров будешь, брат Иван! — Григорий снял с головы картуз.

— Здоров будешь и ты, брат Гришаня! — ответил Иван. Братья обрадовались встрече, обнялись.— Проходи в избу, не стой в дверях,— проговорил Иван, слегка подталкивая Григория в спину.— Маша, встречай дорогого гостя! — крикнул он жене.

Затем сел за стол, расправил усы, бороду и приказал жене подать им вина.

— Вишь, как слушается мужика-то! — удовлетворенно проговорил Иван, обняв Марию, поставившую на стол бутыль с закуской.

— Иван, не надо мне вина, давай лучше чаю попьем,— попросил брата Григорий.— Мне ехать далече, аж под Крапивну.

— Ты туда покудова приедешь, все вино у тебя из головы выветрится,— махнул Иван рукой.— А я то, брат, теперча Ладыженскому не служу. Я теперча к ружейному делу приписанный, кузнецом работаю на ружейном заводе. Вот так-то! — Иван поднял вверх указательный палец, показывая брату таким образом свою значимость, разливая в стаканы водку.— Ну, давай, брат, за встречу! — произнес он, поднимая стакан.

Григорий, чтобы не обидеть брата и его гостеприимную жену тоже выпил.

— Да и я, брат, не лыком шит. Тоже хорошо зарабатываю у нового барина. Вон, посмотри, сколь товару накупил, аж цельную телегу,— сказал быстро опьяневший Григорий, указывая на стоявшую под окном лошадь.— Новый-то барин меня ценит! На, говорит, тебе Гришка денег, езжай в город, купи семье своей гостинцев. Вот так-то, брат! — рассказывал Григорий, роняя на стол квашеную капусту.

Спустя час он, пошатываясь из стороны в сторону, влез в повозку.

— Но пошла, родимая! — крикнул он и, хлестанув лошадь, погнал ее по большаку.

Спустя полчаса, как и предполагал Иван, хмель из головы Григория выветрился, и он стал мерзнуть, к тому же он вдруг ощутил чувство голода. В селе Кочаки Григорий увидел постоялый двор и решил зайти в него и согреться горячем чаем.

— Тпру-у-у! — натянул он вожжи и остановил лошадь. Привязав ее к коновязи, вошел в трактир.

В помещении было многолюдно, шумно и сильно накурено. Многие сидящие за столиками мужики уже были в изрядном подпитии. Они громко разговаривали, спорили, кто-то с кем-то ругался, проливали вино и пиво, роняли на грязные скатерти продукты. Один из сидевших за крайним столиком мужиков — огромного роста с окладистой бородой и одетый в старый перепоясанный тулуп — поднялся из-за стола и, шатаясь из стороны в сторону, направился к выходу. Но споткнулся о лавку и, не удержавшись на ногах, упал на истоптанный, с разбросанными повсюду окурками, пол. Его начали поднимать такие же пьяные его товарищи. Окинув их взглядом, Григорий подошел к буфетной стойке. Впереди него стоял молодой офицер, он требовал

сменить ему лошадей, протягивая содержателю постоялого двора свою подорожную, но содержатель не обращал на него никакого внимания. Рядом с офицером стоял, понурив голову его денщик.

— Я тебя, Емельян, прикажу высечь, ежели ты сейчас же не подашь мне лошадей! — возбужденно говорил офицер, при этом его верхняя губа с небольшими над ней аккуратными усиками-ниточкой, нервно подрагивала.— Я по воинскому делу следую в Крапивну, а ты мне лошадей не даешь! Да я тебя, Емельян, за такое в холодную упеку! На каторгу сошлю! А ну, подать мне лошадей! — выкрикнул он.

— Нету у меня свободных лошадей, господин поручик, нету. Как только прибудут, так сразу вам в первую очередь,— спокойным тоном ответил ему Емельян.

Офицер замолчал. Его лицо было красным от гнева, уголки губ опустились, и казалось, что он готов был либо броситься на Емельяна с кулаками, либо расплакаться. Не зная, что предпринять, он повернулся к молчавшему денщику, словно ища у него совета, как ему поступить в сложившейся ситуации, но тот молчал.— Велите подать водки и закуски на двоих,— приказал офицер.

— Слушаюсь, господин поручик. Пройдите за столик, вам подадут — ответил Емельян, снимая с плеча полотенце и склоняя перед офицером голову.

— Слушаю вас, любезнейший,— проговорил Емельян, обращаясь уже к Григорию.

— Мне бы перекусить что-нибудь,— произнес Григорий.

— Похлебка из гусиных потрошков, капуста квашеная, огурцы соленые, сельдь, рыба жареная, картохи вареные, хлеб,— начал перечислять Емельян закуски.— Что изволите?

— Давайте похлебку, чай и хлеб,— приказал Григорий.

— Идите за столик, а заказ вам подадут,— вновь повторил Емельян.

Григорий огляделся и увидел свободное место за столом рядом с офицером и его денщиком. Третьим с ними за столом сидел незнакомый крестьянин с большой окладистой бородой. Он сидел и, роняя на темный поношенный полушубок пепел, курил самокрутку. Григорий присел на свободный стул и поздоровался со всеми кивком головы. Ему на приветствие никто не ответил, лишь куривший крестьянин взглянул на него, как показалось Григорию, недобрым, угрюмым взглядом. Вскоре, неся в руках огромный поднос с заказанным обедом, к столу подошел светловолосый мальчик лет десяти и стал содержимое подноса составлять перед поручиком и его денщиком.

— Голубчик, иди и скажи хозяину, чтобы мне и моему денщику выделил для трапезы отдельную комнату. Я не намерен трапезничать вместе со всеми,— распорядился он.

Мальчик кивнул головой и, взглянув на бородатого крестьянина, невольно попятился под его злым взглядом. Поручик заметил это и, улыбнувшись, потрепал мальчику вихрастую голову.— Иди, иди, выполняй приказание,— произнес он.

Мальчика долго не было, и Григорий уже собрался уходить из трактира, когда он вновь подошел к их столу.

— Дядька Емельян велел передать, что у него нету свободной комнаты для вас,— сказал он, расставляя перед Григорием его заказ.

Поручику не понравился ответ мальчика, и он, пошевелив на скулья желваками, налил в рюмку водку и, не предложив налить своему денщику, выпил ее залпом.

— Полное безобразие! Вот уж я доберусь до этого содержателя постоялого двора, дайте только время! Вот вернусь из Крапивны в Тулу, уж я ему! — поручик закурил папиросу, выпуская в грязно-серый потолок табачный дым.

Сидевший за столом крестьянин ухмыльнулся сказанному офицером и, докурив самокрутку, бросил ее здесь же рядом с собой на пол и погасил его подошвой калоша.

— Чему вы ухмыляетесь, любезный? — спросил у него поручик.— Или вы усомнились в том, что этот хам будет наказан? Не беспокойтесь, обязательно будет,— офицер вновь потянулся к графину с водкой.— Выпей, Федор, да поешь что-нибудь,— сказал он денщику, наливая ему и себе водки.

— Винцом не угостите, ваше благородие? — обратился к поручику крестьянин вместо ответа.

Тот взглянул на него. Крестьянин взгляда не отвел, смотрел на офицера исподлобья спокойно, уверенно, с какой-то надменной дерзостью. С левой стороны лба рассекал надвое бровьи изуродовал веко давний шрам, то ли от шашки в лихом бою, то ли от топора в пьяной драке полученный.

— Угостите, ваше благородие, крестьянскую душу винцом-то,— вновь попросил он.

Офицер еще посидел минуту, рассматривая крестьянина, а потом повернулся в пол-оборота.

— Человек! Человек! Как тебя там... эй, мальчик, иди сюда,— позвал он снующегося между столами мальчика. Тот подбежал.— Налей ему, голубчик, водки за мой счет,— сказал офицер, указав на крестьянина.

— Слушаюсь,— ответил мальчик, и его светловолосая голова скрылась среди посетителей трактира.

Григорий ел похлебку и молча наблюдал за происходящим. Он уже доедал, когда мальчик принес на небольшом подносе рюмку с водкой.

— Дядька Емельян велел передать, что вам подали лошадей,— сказал мальчик офицеру, выставляя перед крестьянином на стол водку.

— Спасибо, голубчик,— ответил поручик и вновь потрепал мальчика по вихрастой голове.— Федор нам пора в путь,— сказал офицер своему денщику и, встав из-за стола, попрощался со всеми едва заметным кивком головы.

— Домой едешь али куда еще? — спросил крестьянин у Григория.

— Домой,— кивнул тот головой

— Далеча ехать-то?

— В Хатунки.

— Далековато будет. Я вот тоже домой еду,— проговорил крестьянин.— Почти как весь ден ни крохи во рту не было, все в дороге и в дороге. А что может, угостишь путника-то? — вдруг попросил он.

Григорий уже и сам давно хотел выпить водки, но сдерживал себя из последних сил, а тут, после просьбы угрюмого крестьянина, как окрестил его для себя Григорий, он все же решил немного выпить.

— Ну, коли весь день в дороге, как же не угостить? — ответил Григорий и подозвал к себе мальчика.— Принеси-ка нам картошечки и рыбы жареной на двоих, да водки не забудь,— приказал он.

Вскоре выпили за знакомство. И вновь у Григория приятно потеплело в желудке и зашумело в голове. Спустя четверть часа сидевший напротив него крестьянин уже не казался Григорию угрюмым и диковатым, а даже наоборот — жизнерадостным и замечательным человеком. Крестьянин рассказал, что тоже возвращается к своей жене и детям, за здоровье которых Григорий и предложил ему еще раз выпить. А выпив, начал расхваливать свою жену Глафиру, рассказывать, как ее уважает барыня, а его — Григория — очень ценит барин, и за хорошую работу заплатил ему немалые деньги, на которые он набрал для семьи гостинцев, и теперь везет их в Хатунки.

Ох, и разгулялся в тот вечер Григорий, ох и разоткровенничался перед мало знакомым человеком в трактире при постоялом дворе. В чувство он пришел утром следующего дня в Ясенках, в доме десятского Шлипкина. А выйдя на улицу, увидел

давно ожидавшую его лошаденку, которая склонила к земле голову и волочила за собой пустую телегу. Купленного накануне товара в ней не было...

Полицейский урядник слушал Воробьева внимательно, а когда тот закончил, вышел из комнаты и, пройдя по длинному коридору, остановился у обитой дерматином двери судебного следователя, но того на месте не оказалось, и Сидоров, вздохнув горестно, сам принялся расследовать это дело. Достал из ящика стола чистый лист бумаги и, разложив его на столе, взял в руку перо.

«Сего 15 апреля 1889 года осмотрел телегу, принадлежащую крестьянину Воробьеву Григорию, в которой не оказалось купленного им накануне товара, а именно: двадцать фунтов пшеничной муки, нового картуза, пять аршин плиса, пятьдесят фунтов восковых свечей, одна вторая фунта мелису, 1/2 фунта риса, 2 фунта колбасы вареной, 2/5 фунта колбасы копченой, 20 фунтов баранок. Всего на сумму 9 рублей 73 копейки»,— записывал он показания Воробьева. После описи похищенного имущества, выехали в Ясенки.

Осмотр места, где спал пьяный Воробьев и беседа с Екатериной Евтеевой, ничего нового для расследования не дали. Был ли в телеге товар или не было его, Екатерина сказать не смогла, так как к лежавшему Воробьеву она не подходила, да к тому же уже начинало смеркаться. Оставив Екатерину в покое, Сидоров выехал в Кочаки на постоялый двор. Сразу за Ясенками начинался лес и, въехав в него, он остановил лошадь и слез с пролетки. В лесу было еще морозно, и дорога не оттаяла. Лишь на опушке леса и на открытых для солнечных лучей полянах снег сошел, и показавшиеся из-под него мхи пахли весенней замшелостью. Подняв с земли хворостину и нахлестывая ею себя по голенищу сапога, он бесцельно побрел по лесной дороге. Послушная и привыкшая ко всему лошадка понуро пошла следом.

Николай Иванович уже более двадцати лет служил в полиции в должности урядника. За эти годы, сталкиваясь ежедневно и ежечасно с людской болью и состраданием, с человеческой подлостью и низменностью, сталкиваясь часто с попранным добром и победившим злом, он не очерствел душой, не сделался жестокосердным или безразличным к чужой беде, не стал бесчеловечным. И сейчас, осуждая мысленно Воробьева за несдержанность в винопитии, за безразличное, наплевательское отношение к себе и к своим близким людям, к своему имуществу, он в тоже время жалел его. Ему было жалко простого трудолюбивого крестьянина. Жалко за то, что он по своей крестьянской доброте и наивности доверился нечестному человеку, а тот обчистил его до нитки, отнял у его детей все гостинцы, которые он им вез, лишив его не только имущества, но и надежды. Надежды на людскую честность, доброту и порядочность. «Какой же грязный и подлый этот мир, какая коварная и жестокосердная наша жизнь»,— в сердцах произнес он вполголоса. Здесь в тихом небольшом лесочке, в окружении первых весенних запахов, в окружении тишины, изредка нарушаемой птичьим щебетом и эхом отзывающемся откуда-то из глубины леса перестуком дятла, вдалеке от людской суеты ему было хорошо и спокойно и совсем не хотелось возвращаться в тот грязный и мир. Но где-то там, в том жестоком мире, жил обворованный крестьянин-труженик, жили его жена и дети, у которых вор украл даже баранки. Жил и сам вор, который наверняка притаился где-то в своей норе в надежде, что его не найдут, не выявят, не разоблачат, в надежде и дальше отсидеться в своей грязной, пахнущей смрадом, крысиной норе. А потому он — полицейский урядник Сидоров Николай Иванович — должен возвратиться в тот грязный мир и вернуть крестьянину Воробьеву веру в справедливость и веру в высшее предназначение человека — служить людям, должен найти преступника, чтобы покарать его и хотя бы на немного очистить мир от грязи и подлости.

Николай Иванович остановился. У дороги, на свежей весенней проталине, лежал прелый почерневший от дождей и снега отломившийся от дерева сук. Он подошел к нему и какое-то время смотрел на него. Костлявая коряга контрастом чернела на начавшей уже зеленеть проталине. «Вот так и злоба людская, и подлость, и преступность не дают людям нормально жить, как эта сгнившая палка не дает нормально расти первой весенней травке»,— подумалось Николаю Ивановичу. И он, подойдя к коряге, пнул ее сапогом, очистив таким образом от этой гнили небольшую, покрытую еще кое-где снегом, но уже сверкающую на солнце и напитавшуюся вешними водами чистую зеленую лужайку. От коряги потянуло прелостью, и Николай Иванович, поморщившись от неприятного запаха, влез в пролетку и подстегнул лошадь.

На постоялом дворе было немноголюдно. Несколько посетителей сидели за столиком в трактире и, пережевывая пищу, мирно разговаривали. Увидев вошедшего урядника, Емельян вымученно улыбнулся.

— Здравия вам желаю, Николай Иванович,— произнес он.— Не желаете ли перекусить?

— Пожалуй,— согласился тот.

— Тогда милости прошу сюда, в отдельную комнату,— вполголоса, словно его мог кто-то подслушать, проговорил Емельян, отворяя рядом с буфетной стойкой дверь и любезно приглашая туда Сидорова.

Комната была небольшой с занавешенным шторой единственным окном. В центре комнаты стоял покрытый белой скатертью стол, на столе пыхтел паром самовар, стояли чашки. Вокруг стола несколько стульев с длинными спинками.

— Самоварчик-то для дорогих гостей прячешь? — с ехидством в голосе, спросил Сидоров, обратив внимание на то, что в общем зале на столах стояли чугунные чайники.

— А что поделаешь, Николай Иванович, народец-то разный приходит, все больше заезжий. Глазом не успеешь моргнуть, как самоварчик-то того — стащат, а там ищи-свищи, да и вам работы опять же,— Емельян улыбнулся и с хитринкой во взгляде посмотрел на урядника.— Кому-то и в общем зале хорошо, а кому-то и отдельные нумера подавай,— произнес он со знанием дела.— Вот вы опять же? Возможно ли вас вместе с ентим сбродом в зале содержать? Никак нет, вам же отдельный нумер нужен,— полноватое лицоЕмельяна расплылось в улыбке.— Андрейка, а ну живо господину уряднику обед подать! — распорядился он, обращаясь к беловолосому мальчику.

Через пять минут перед Николаем Ивановичем на столе дымился рыбный суп, лежали на тарелке нарезанные сыр, колбаса и хлеб.

— Приятного вам аппетита, Николай Иванович,— почтительно склонил голову Емельян, после чего направился к двери, но Сидоров остановил его.

— Вчера у тебя здесь мужичок один проезжий разгулялся, не помнишь ли? — спросил он, помешивая ложкой в тарелке суп.

Емельян сощурил глаза, закатил зрачки под лоб, таким образом, делая вид, что вспоминает.

— Никак нет-с, господин урядник, не припомню-с,— ответил он.

— Ты, Емельян, со мной в такие игры не играй, не люблю я их,— строго произнес Николай Иванович глядя Емельяну в глаза.— Обобрали мужичка того, весь товар, что домой вез, взяли. Вот я и хочу знать: здесь в твоей забегаловке его обобрали или где по дороге? Или может быть, Емельян, и ты с ними в доле? — урядник зачерпнул ложкой суп и с удовольствие вкусил его.— Что замолчал-то, Емельян? Или язык проглотил? — спросил он, неспешно прожевывая обед.

— Да что вы, Николай Иванович, голубчик, как только могли подумать обо мне такое? — испуганно заговорил Емельян.

— А как же мне о тебе думать, ежели ты вора покрываешь?

— Да что вы, господин урядник, нежели я покрываю кого?! Я просто хотел уточнить у вас, как тот мужичок выглядит из себя, а то мало ли здесь проезжих-то бывает? — взволнованно заговорил Емельян.

— Правильно мыслишь Емельян, правильно,— произнес Николай Иванович.— Высокий и худощавый, с длинными рыжими волосами и небольшой бородкой, ну примерно такой, как у меня,— Сидоров провел ладонью по своей небольшой бородке.— А одет он был в черный старый полушубок и картуз.

— Ах да, да, припоминаю такого. Точно вспомнил, был такой. Заказал себе обед, а потом, как набрался, начал деньгами сорить направо и налево, вино брал.

— Кого угощал? — урядник отложил ложку и внимательно стал смотреть на Емельяна.

— Не помню, Николай Иванович. Народу было много, насилу успевали тарелки разносить, не то чтобы кого-то увидеть или запомнить,— начал объяснять Емельян.

— Ну, а кто из завсегдатаев был? Неужели не помнишь, Емельян? — урядник усмехнулся.— Не поверю.

— Ну, это... братья Жаровы были, Ерема и Михей.

— Это из Бабуринки которые? — переспросил Сидоров.

— Да, бабуринские,— кивнул Емельян головой.

— Так, так, интересно. И что же они, братья-то? Может быть, это они мужичка-то пощипали? — спросил урядник, зная братьев Жаровых, как склонных к винопитию и нарушению тишины.

— Нет, не они. Братья тут до последнего сидели, уже все разошлись, а они все сидели, вина просили, насилу их выпроводили.

— Ну, а кто еще был кроме братьев-то?

— Не припомню больше никого.

— Врешь, Емельян, не можешь не помнить, вспоминай.

— Ей-богу, не помню,— Емельян наложил на себя крестное знамение.

— Как же не помнишь, дядька Емельян? — вступил в разговор, стоявший все это время в комнате Андрейка, и на которого мужчины не обращали никакого внимания.— Он, дядька тот, о котором вы говорите к охвицеру за стол сел.

— Это какой такой офицер? — спросил у Андрейки Николай Иванович.

— Который у дядьки Емельяна лошадей просил, ругался сильно. Дядьку Емельяна высечь грозился или в Сибирь отправить. Я тогда испугался очень, подумал, что охвицер и взаправду дядьку Емельяна выпорет.

— Да что вы, Николай Иванович, мальца этого глупого слушаете?! Не было вчера никакого офицера. Это он днем раньше был, а малец неразумный все перепутал,— нервно засмеялся Емельян.— А ну, пошел вон отсюда,— прикрикнул он на Андрейку.— Иди в залу посуду грязную сбири, да со столов сотри,— приказал он.

— А ну постой,— Николай Иванович остановил уходившего из комнаты мальчика.— Говори, что дальше было,— потребовал он.

— Так вот я и говорю: охвицер ентот и говорит на дядьку Емельяна: счас я тебя выпорю, а потом ушел и сел за стол. Водки я ему приносил. А тот дядька, о котором вы говорите с ним сидел за столом, а когда охвицер уехали, то дядька тот, о котором вы говорите, стал водку просить, а пил он со страшным дядькой. Они потом вместе на лошади уехали. Я того дядьку страшного боялся и все ждал, когда он уйдет. Так и подсмотрел за ними, как они сели на лошадь и уехали вместе,— начал рассказывать Андрейка Николаю Ивановичу.

— А что это за дядька страшный был? — спросил Сидоров, видя, что Андрейка замолчал.

— Не знаю, у него один глаз кривой был, вот такой,— Андрейка потянул вниз веко на своем глазу, показывая, как выглядел посетитель трактира.

Николай Иванович улыбнулся, потрепал Андрейку за вихры и слегка подтолкнул к двери.

— Ну, беги, беги, работай, а то дядька Емельян и вправду накажет тебя,— вполголоса произнес он. А после того, как мальчик ушел, строго взглянул на Емельяна.— Та-а-к, значит, обманываешь меня?! — протянул он. Емельян виновато втянул голову в плечи.

— Ваше благородие, господин урядник, Николай Иванович, дорогой вы мой, этот человек с покалеченным глазом, человек страшный и опасный,— заглядывая уряднику в глаза начал полушепотом говорить Емельян.— Бородища — во-о-о! Ручищи — во-о-о! — Емельян стал показывать Сидорову, какие именно были у того посетителя борода и руки, явно преувеличивая их размер.— А глазищи страшные, как зыркнет ими из стороны в сторону, аж кровь в жилах стыла. Душегуб он.

— Знаешь его?

— Никогда раньше не видывал, впервые тут появился.

— А почему решил, что он душегуб?

— А кто же еще?! Глазищами-то так и зыркал, так и зыркал за всеми, а глазища злые, да все исподлобья смотрит, что есть бык! Боюсь я его, Николай Иванович, ох как боюсь. Такому человека убить, что муху прихлопнуть.— Емельян посмотрел по сторонам, словно его кто-то мог увидеть в комнате и придвинулся к уряднику.— Думается мне, что это был не иначе, как нигилист. Не иначе, как у графа Толстого в имении скрывается,— прошептал он Сидорову на ухо.

— Почему так решил?

— Дык у него, у графа-то, они все и скрываются. Боюсь я их, Николай Иванович, как бы бомбу в мой трактир не кинули!

Сидоров ухмыльнулся.

— Ну, ладно, разберемся мы с этими, как ты говоришь — нигилистами. Прознаешь что, сообщи,— сказал он, поднимаясь из-за стола и, положив на стол деньги за обед, направился к выходу.

— Непременно, Николай Иванович, непременно,— закивал головой Емельян.

В волостном правлении, куда Сидоров вернулся к полудню, было многолюдно и шумно. Судебного следователя на месте вновь не оказалось и, чтобы о нем справиться, Николай Иванович зашел к председателю волостного суда Дудину. Тот важно восседал на своем месте и вполголоса подсказывал сидевшему напротив него купцу Белобородову как правильно писать судебную жалобу.

— ... Имею честь покорнейше просить суд в следующем. Здесь ставьте двоеточие,— говорил он Белобородову, но увидев вошедшего Сидорова, замолчал.— Честь имею кланяться, Николай Иванович,— поздоровался он.

— И вам здравия желаю,— кивнул головой Сидоров.

Белобородов отложил в сторону перо и взглянул на Сидорова.

— Доброго вам здоровья, Николай Иваныч,— проговорил он, едва заметно кивнув головой и не дав Сидорову времени на ответное приветствие, возбужденно заговорил: — Представляете, Федька взял у меня овса взаймы, а деньги платить не хочет. Я почти целый месяц терпел, а нынче поутру он заявился ко мне и говорит: на, мол, тебе вместо денег материю. Я ему говорю, а на что она мне нужна? Ты, говорю, мне деньги отдай, а он говорит, что нету, мол, у него денег. Вот я и решил жалобу на него подать, пусть суд с него взыщет. А у меня и расписка от него имеется, вот пожалте, Николай Иваныч,— Белобородов взял со стола лист бумаги и протянул его Сидорову,— читайте.

Тот взял протянутый ему лист и стал читать: «Сего 1899 года, апреля 4 дня, я, нижеподписавшийся крестьянин сельца Телятинков Федор Алексеев Соловьев, даю сию расписку крапивенскому купцу Николаю Андреевичу Белобородову в том, что я, Соловьев состою должником ему, Белобородову, 16 рублей за взятые мною у него 20 пудов овса. Означенную сумму обязуюсь уплатить к 10 апреля сего года, в том и подписываюсь».

— А какую Федор материю вам приносил, Николай Андреевич? — спросил Сидоров, возвращая Белобородову расписку.

— Плис. Красный плис. А на что он мне? — Белобородов развел руками.— Материя у меня и у самого имеется. Представляете, Николай Иваныч, Соловьев должен мне шестнадцать рублей, а плису принес несколько аршин, это где-то рублей на пять, а то и того меньше. Ох, и хитрец этот Федька! Он думает, что хитер, а я нет,— Белобородов еще что-то говорил, но Сидоров его уже не слушал. Он выбежал на улицу, вскочил в пролетку и погнал лошадь в сторону Телятинок.

Дом Соловьевых он нашел быстро. На стук в дверь вышла мать Федора Домна Яковлевна и пропустила урядника в дом. Сам Федор сидел у печи.

— Где материя? — спросил у него Сидоров.

— Какая материя?

— Плис, который ты купцу Белобородову предлагал вместо денег.

— Что он, уже успел нажаловаться? У меня нету денег, мне ему нечем отдавать. Не хочет материю, значит ничего не получит, так ему и скажите,— начал объяснять Федор, но Сидоров его перебил.

— Где плис?! — повысил он голос.

— Да вон там, в чулане,— Федор кивком головы указал на чулан.— Подай мать ему эту материю,— попросил он старушку.

Та медленно встала с табурета и, прихрамывая на правую ногу, направилась в чулан. Вернулась вскоре и протянула Сидорову сложенный в рулон красный плис.

— Продать яво хотели, жить-то нам не на што. Кормилец-то наш помер. Надысь ужо как сорок ден прошло, а деток оставил полон двор. Федька ентот ужо постарше всех будя, а остальныя — мал мала меньше,— начала жаловаться старуха, указывая рукой на сидевших за длинным столом пять человек детей разных возрастов.

— Где остальные вещи? — не обращая никакого внимания на причитания старухи, спросил у Федора Сидоров.

— Какие вещи?! — удивился тот.

— Которые ты в Кочаках в трактире у заезжего человека украл,— резко ответил урядник.

— Я не крал никаких вещей! И в никаких трактирах я не был. У меня нет денег, по трактирам ходить,— почти, что вскричал Федор.

— Тогда говори, где взял плис? — задал вопрос урядник, но Федор замолчал, отвернувшись в сторону.— Ну-у-у?! Или в тюрьму захотел?! — Сидоров повысил голос.

Услышав о тюрьме, заголосила в голос старуха, а за ней и сидевшие за столом дети.

— Федька, Федька! Зачем же ты начередил-то такое?! Как же мы теперча без тебя-то жить будем?! — сквозь слезы причитала Домна Яковлевна.

— Да не чередил я ничего! — прокричал Федор, повернув голову к матери.

— Говори, где материю взял?! — строго приказал Николай Иванович.

— Невеста подарила. Узнала, что я денег Белобородову должен, и отдала мне материю, чтобы я ею рассчитался с купцом,— ответил Федор, смотря то на урядника, то на мать.

— Кто такая эта невеста?

— Настасья Шлипкина из Ясенок.

— Это не десятского ли Филиппа дочь? — удивленно спросил Сидоров, вспомнив, что Филипп и привел к нему в участок потерпевшего крестьянина.

— Нет, не Филиппа, а Стефана,— ответил Федор.

— Еще она тебе, что из вещей дала, кроме материи?

— Больше ничего.

— Врешь! Говори правду! — потребовал урядник.

— Только материю,— вновь произнес Федор.— Говорила, что отец купил у кого-то эту материю, ей на платье, а ей не нужно никакое платье, вот и отдала эту материю мне.

— Ну, смотри, коли соврал! Шкуру спущу! — предупредил Федора Николай Иванович и направился к выходу.

Шлипкины встретили урядника недоброжелательно. Сам хозяин дома Стефан Христофорович на приветствие Сидорова лишь молча кивнул головой и пробурчал что-то себе под нос.

— А ну, Стефан, оденься и выйди на улицу,— потребовал Сидоров и, не входя к Шлипкиным в дом, вернулся к своей пролетке.

Шлипкин вышел и подошел к уряднику.

— Твоя материя? — Сидоров указал рукой на лежавший в пролетке рулон плиса.

— Моя. Откуда она у тебя? — нахмурил брови Шлипкин.

— Пошли в избу,— приказал Сидоров и, не дожидаясь приглашения, направился к Шлипкиным, где, не смотря на недовольные высказывания хозяйки дома Анны Степановны, стал осматривать комнату за комнатой. Заглянул в чулан, на печь, где в это время лежали и с испугом во взгляде смотрели на него девочка лет десяти и мальчик возрастом около семи лет.

— Чего ищешь, господин полицейский? — недовольно спросил Стефан.

— Вещи и продукты.

— Какие вещи и продукты?

— Вещи ворованные ищу, которые ты и косоглазый украли в Кочаках на постоялом дворе у проезжего крестьянина.

— Какой постоялый двор? Я там отродясь не был! — возмутился Стефан.

— Значит, косоглазый был, а ты стремена лошадиные держал,— не отставал от него Николай Иванович.

— Да не знаю я никакого косоглазого. Ты меня с кем-то спутал,— вновь нахмурил брови Шлипкин.

— А материя ворованная, что у меня в пролетке лежит, у тебя откуда?

— Васька дал.

— Какой Васька? Где живет? При каких обстоятельствах он тебе дал сию материю? — начал задавать вопросы урядник.

— Васька Зеленков, здешний, ясенский. Изба его на краю деревни у болота стоит, прямо у дороги, что на станцию идет. Я у него печь выкладывал, я же печник, а он мне вместо денег ту материю отдал. Ну, я и взял, хотел дочке старшей обновку сшить.

На улице уже стемнело, когда Сидоров постучал в дверь дома Зеленковых. Отворил сам хозяин и, увидев полицейского урядника, изменился в лице.

— Чего побледнел-то, напугал я тебя что ли? — спросил Сидоров, бесцеремонно отстраняя рукой в сторону хозяина и проходя в избу. Сердце его учащенно билось, он понял, что его погоня завершается, жертва загнана в угол и осталось только за малым — найти похищенные вещи и доказать подозреваемому его виновность. Но это как раз и бывает самым сложным в его работе. И Сидоров решил действовать напористо и безотлагательно.

— Где ворованные вещи и продукты? — неожиданно спросил он, проходя в избу.

— Какие вещи? — попытался изобразить на лице удивление Зеленков.

— Которые ты украл из телеги в Кочаках.

— Я не брал никаких вещей.

— Ты два дня тому назад был на постоялом дворе в Кочаках? — спросил урядник.— Что молчишь? Отпираться нет смысла — тебя там видели.

— Ну, был, и что?

— С крестьянином, что ехал из Тулы в Хатунки знакомился?

— Не видел я никакого крестьянина из Тулы,— начал оправдываться Зеленков, но из-за возникшего душевного волнения задышал учащенно, словно зарыдал навзрыд, а потому голос его дрогнул и осип.

— Чего разволновался-то так? — усмехнулся Сидоров и бесцеремонно начал осматривать комнату за комнатой.

— Сам все вернешь, или мне далее продолжать все обыскивать? — спросил он.

— Да нечего мне возвращать, ничего чужого я не брал,— не сознавался Зеленков.

— А материю, что Стефану Шлипкину отдал, где взял?

— Какую материю? — Лицо Зеленкова покраснело и покрылось белыми пятнами.

— Плис. Да вон он у меня в пролетке лежит, можешь взглянуть,— произнес Сидоров, открывая дверь в кладовую.— А вот и они! — воскликнул он, увидев лежавшие на столе и другие вещи Воробьева.— А говоришь, что не брал?! Одевайся, пошли на улицу,— потребовал урядник.

Василий начал надевать тулуп, но руки у него тряслись, и он никак не мог попасть ими в рукава. К нему подошла жена и начала помогать надевать тулуп.

— Шапку надень, а то на улице зябко,— проговорила она вполголоса. Зеленков промолчал, лишь исподлобья взглянул на жену, страшно сверкнув на нее глазами.

«Да и вправду такой может ребенка испугать»,— подумал Николай Иванович, вспомнив слова работавшего в трактире на постоялом дворе в Кочаках Андрейки.

На улице урядник указал рукой на свою пролетку, в которой лежал сложенный в рулон плис.

— Вот та самая материя, которую ты отдал Шлипкину. Ты ее где взял? — спросил он, но Зеленков промолчал.— Молчишь? Ну что же, тогда пошли в твой погреб,— приказал урядник, и первым направился к находящемуся рядом с домом Зеленкова погребу. Он уже догадался, где Зеленков мог хранить краденые продукты. В погребе было темно и сыро. Сидоров достал спички и чиркнул о коробок. Вспыхнувший небольшой огонек осветил стоявшие на полках бутыли, банки и коробки, в одной из которых он увидел то, что искал: вареную и копченую колбасу, муку пшеничную, восковые свечи, рис, баранки.

— Что же, даже и съесть ничего не успели? — задал он вопрос Зеленкову, когда они вышли из погреба. Тот молчал, казалось, он был невозмутим, только бледный вид лица и трясущаяся окладистая борода выдавали его волнение.

— Я это все купил в магазине,— ответил тот.

— Ну что же, пошли в избу и предъяви мне свою заборную книгу,— потребовал полицейский.— Поглядим, что ты там, в магазине, купил,— усмехнулся он.

— Варька, подай сюда магазинную книжку,— приказал Зеленков жене, рассматривая урядника злыми глазами.

— Так, заборная книжка из лавки господина Львова в Туле для отпуска товара господину Василию Николаевичу Зеленкову,— начал вслух читать Сидоров.— Так, последний раз ты был в лавке восьмого апреля и купил там: хлеба черного на 38 копеек, мука пшеничная 10 фунтов на 60 копеек, чай фруктовый 1/5 фунта на 8 копеек, мыло 1 фунт на 10 копеек, табак 1/4 фунта на 5 копеек, спички 10 штук на 8 копеек,

бумага 6листов на 3 копейки, сельдей 1 штука на 11 копеек, сахар 2 фунта на 32 копейки, масло подсолнечное 3/4 фунта на 12 копеек,— начал читать заборную книжку Сидоров.— А где же, колбасы, баранки, рис, пшено, материя? — спросил он, но Зеленков молчал. В доме наступила напряженная тишина.

— О-о-о-х! О-о-о-х! Матушка моя Богородица! Царица Небесная! Помилуй нас грешных! — залившись слезами, запричитала Варвара и сползла вдоль стены на пол.

Увидев это, заплакали на разные голоса и их дети, которых Сидоров насчитал восемь человек разного пола и возраста.

Стоявший молча Василий вдруг и сам словно обмяк, даже, как показалось Николаю Ивановичу, в росте меньше стал. Плечи его и борода затряслись, лохматая с не расчесанными и немытыми волосами голова наклонилась, и он заплакал. Плакал он молча, одними глазами, из которых бежали слезы, и лишь подрагивая плечами.

— Простите меня, господин урядник Христом Богом прошу! Не наказывайте дюже! Бес меня попутал! Детей-то у меня сами вон видите сколь — мал мала меньше! Кормить их нечем, работы у меня постоянной нету! Пощадите меня и детей моих! Они все без меня не выживут, ежели вы меня в тюрьму посадите! — при этих словах все находившиеся в избе заголосили еще громче.— Печка вот начала чадить по-черному, ну я и позвал печника. А платить-то нечем — денег-то у меня нету, вот я и отдал ему это тряпку вместо денег, будь она неладна,— сквозь слезы говорил Зеленков.

— Хватит причитать,— перебил его Сидоров.— Давай рассказывай, как это дело обстояло,— потребовал он.

— В церковь я ходил в Кочаки на вечернюю службу, а опосля решил в трактир зайти, не то чтобы выпить или поесть, а чтобы согреться, холодно было, и я озяб. А тут мужик тот подсел. Я гляжу, а у него денег навалом, полный кисет, аж медяки в нем звенели. Я и попросил его меня вином угостить, ну и засиделись мы с ним допоздна. А как я узнал от него, что он в Хатунку едет, так и попросил его меня до Ясенков подвезти. По дороге он уснул,— начал рассказывать Зеленков.— Не хотел я брать-то ничего, даже домой хотел его завести и конку его во двор загнать, а как увидал сколь в телеге товару, так и не удержался,— продолжал он.— Простите меня, бес попутал! — вновь заплакал Зеленков.

— Эх, Василий, Василий! — Николай Иванович с укором покачал головой.— Нечего теперь на беса сваливать, коль сам на руку нечестивый! — в сердцах, произнес он.— Собирайся, со мной в участок поедешь.

Под многоголосый плач жены и детей Василий одевался нарочито долго, а затем еще дольше прощался с женой и детьми.

— Ну, будет тебе, будет! — Сидоров взял его за рукав тулупа и слегка начал подталкивать к двери.— Авось не на год уходишь, отпущу тебя нынче домой. Вот только документ составлю о происшествии, да и подписку тебе вручу о неотлучности с места жительства,— успокаивая всех, произнес он. Василий и Варвара на него внимательно, словно не веря, взглянули.— Ничего не поделаешь — так положено по закону,— развел руками Николай Иванович.

По дороге завернули к сельскому старосте.

— Принимай, Федот, вещи ворованные для сохранности,— проговорил он, когда староста вышел к ним на улицу.— Да расписку мне напиши,— потребовал он.

— Какую расписку-то, Николай Иваныч? — спросил староста.

— Пиши так,— Николай Иванович подождал, когда староста приготовится записывать, после чего продолжил: — Я, нижеподписавшийся сельский староста села Ясенок Федот Зотов, 16 дня апреля месяца сего года даю сию расписку в том, что от полицейского урядника шестого участка принял на хранение, ну теперь осматривай товар и записывай его, да смотри не ошибись,— предупредил Николай Иванович

Федота. А когда тот переписал товар, проговорил: — А теперь, Федот, давай будем товар взвешивать,— приказал урядник.

Весь товар и продукты были целы, за исключением пшеничной муки. В мешке оказалось не двадцать, а восемнадцать фунтов.

— Муку брал, Василий? — задал Сидоров вопрос Зеленкову.

— Да, Варвара моя немного муки отсыпала, ребятне лепешек напекла,— ответил тот и отвел взгляд в сторону.

Придя в участок, Николай Иванович прошел к своему рабочему столу и опустился на стул. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. Посидев какое-то время в тишине, он вздохнул и, достав из стола чистый лист бумаги, начал писать протокол: «Крестьянин деревни Малевка Басовской волости Тульского уезда Григорий Филиппов Воробьев, живущий в Хатунках в имении Золотова, заявил: вечером 15 сего апреля он возвращался из Тулы в Хатунки выпившим на своей лошади запряженной в телегу. Уснул дорогою и упал с телеги. Затем кто-то его разбудил, привез в Ясенки в дом десятского Филиппа Николаева Шлипкина, причем лошадь с телегою и бывшею в ней покупкою была оставлена на улице возле дома Шлипкина. Проснувшись утром Воробьев, осмотрел покупку, которой не оказалось. В краже сей изобличен крестьянин сельца Ясенков Василий Николаев Зеленков. Протокол сей препроводить в ясенковский волостной суд».

На следующий день в Хатунки вернулся Воробьев. Он привез домой украденные у него вещи и продукты. Конфеты и баранки он раздал детям, а красный плис, как и обещал, отдал своей жене Глафире, чтобы она из него сшила себе новое платье. А спустя несколько дней, председатель ясенковского волостного суда, разложив на столе чистые листы бумаги и, окунув в чернильницу перо, писал следующее: «В Переволокское волостное правление. Ясенковский волостной суд покорнейше просит оное правление объявить под расписку проживающему в сельце Хатунки в имени Золотова крестьянину Басовской волости Тульского уезда Григорию Филиппову Воробьеву, чтобы он на 30 сего мая к 9 часам утра явился в сей суд по делу о краже у него вещей на сумму 9 рублей 73 копейки крестьянином сельца Ясенок Василием Николаевым Зеленковым. За председателя суда, волостной старшина Дудин».

В то время как Дудин писал в Переволоки повестку, полицейский урядник Николай Иванович Сидоров во всю прыть гнал свою лошадку. Он ехал в Ясную Поляну в имение графа Льва Николаевича Толстого, чтобы проверить услышанную в трактире в Кочаках информацию о неких нигилистах, якобы скрывающихся у графа в имении. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ЭКЛЕРЫ

2007 год. Лето. Россия. Москва. В ресторане «Онега» отмечалась круглая дата московского университета информатики. Гости, по преимуществу выпускники вуза разных лет и его нынешние профессора, доценты, давно уже раскрепостились при помощи качественного спиртного и с удовольствием общались за столами, в уставленном креслами просторном холле, на танцевальной площадке. Все, как обычно в такие вечера: воспоминания, рассказы о прожитом, нежданные встречи, трогательные сантименты. Хвалили удачную организацию вечера: уютный и притом вместительный ресторан, щедрые столы, умеренная официальная часть, ненавязчивая музыка, интеллигентный тамада.

Лично знакомых в прошлом выпускников оказалось немного. Пока знакомились, стало понятно, по какому принципу разослали приглашения на вечер. Здесь оказались те, кто чем-либо отличился в послевузовской жизни — успешные предприниматели, доктора наук, не последние правительственные чиновники и тому подобные лица. Любопытно было, кто же стоит за устройством вечера — университет справил бы скромненько. Скоро выяснилось — Сотов Андрей Глебович, самый богатый выпускник, основной собственник крупного предприятия химической промышленности. Он купил его во второй половине девяностых годов прошлого века — на исходе стремительного, мутного процесса продажи и передачи в частные руки большей части государственных, бывших советских предприятий. Новая центральная власть, вознамерившись наскоро переустроить экономическую жизнь гигантской страны на рыночный лад, затеяла невиданную по масштабу приватизацию. Рассматривала ее ключевым звеном преобразований, фактором их необратимости. Спешила максимально включить частную инициативу в экономику и отключить якобы неуклюжее, малоэффективное государственное управление предприятиями. Чтобы ускорить приватизацию, сосредоточить собственность в немногих частных руках, организаторы распродажи обеспечили ничтожные цены в «магазине государственных активов» и ограничили доступ в него. Особенно в сектор, где отпускались крупные прибыльные и потенциально прибыльные предприятия. Сотов в нем побывал и отоварился. По слухам, такую возможность он получил благодаря знакомству с одним из влиятельных зампредов российского правительства. К тому времени Сотов имел собственную предпринимательскую историю, довольно распространенную, и некоторые сбережения. После окончания вуза он несколько лет работал в научно-исследовательском институте. На закате СССР, все еще будучи научным сотрудником, руководил кооперативом, торгующим компьютерами в пакете с программным обеспечением. Потом, на паях с партнером, организовал издательство и управлял им. Выпускало оно в основном юридическую и экономическую литературу, преуспевало.

На вечере Сотов появился позже других и расположился за столом рядом с рек-

тором. В окружении пожилого университетского начальства скучал и частенько сбегал на танцевальную площадку или в холл. Танцевал умело, особенно, быстрые ритмичные танцы, чередуя ретро-стиль, знакомый большинству гостей, с современным молодежным. Дамы, приглашенные им на медленный танец, не скрывали своего довольства. Легко включался в разговор компаний, стихийно образующихся в холле. Первоначально настороженное отношение к нему сменялось при общении открытым расположением, по крайней мере, во внешних проявлениях. Видно было, что он этому рад.

Так и остались бы у Сотова только приятные воспоминания о юбилейном вечере, не случись под занавес один эпизод. Возвращаясь из холла после очередного перекура, бизнесмен пробирался меж столами и у одного отчетливо услышал: «...Даже если Сотов не нарушал закон в ходе приватизации, все равно аморально поступил: получил химкомбинат крупный, а цену заплатил в десятки раз меньше реальной. Если совесть у него есть, то покоя нет. Чужое взял. Хотя, он, может, и не понимает, в чем эта аморальность...» Сотов приостановился, обернулся на сидевших за столом троих мужчин. Они притихли, смутились — смекнули: что-то тот расслышал. Особенно неуютно стало автору слов, угаданному Сотовым. Но он удержался, не отвел глаз от вцепившегося в них сотовского взгляда. Через мгновение Сотов двинулся дальше. Увидел, что сказанное не предназначалось для него. Решил, глупо будет демонстрировать свой острый слух и тем более призывать здесь к ответу этих болтунов.

Невозмутимого внешне Сотова переполняло раздражение: «Вот засранцы! Не дает покоя чужой карман. Любимая тема неудачников. Отдыхают здесь, жрут, пьют за мой счет и осуждают. Сколько можно! Одно и то же талдычат: много взял, мало заплатил, обогатился. А почему взял? Как было бы, если б не взял!? Что стало после того, как взял!? Такие вопросы не интересуют. На них мозгов не достает... Не понимаю я свой аморальности!» — А вот что! — загорелся бизнесмен, уже оказавшись за своим столом,— я с этим умником побеседую. Покажу ему, что рассуждать о нашей приватизации в общем — одно, а оценивать конкретный случай, мой случай — другое... Что только из себя этот деятель представляет? Может говорун заурядный? Тогда не хрена и время тратить на него.

Переждав несколько минут, Сотов обратился к ректору, тихо разговаривающему со своим замом:

— Прошу прощения. Станислав Сергеевич, отвлеку вас на минуту.

— Конечно. Слушаю,— повернулся ректор.

— Не знаете ли, кто тот мужчина — за столом у центральной колонны сидит? В ярко желтом галстуке. По университету я его не помню. Чем он занимается?

— Который? А-а, тот. Китров это, Виктор Михайлович. Он раньше вас окончил вуз. Работает в столичном НИИ. Занимается приложением математических методов к гидрологии. Доктор технических наук, профессор. Часто за рубеж выезжает на гидрологические конференции. И лекции там иногда читает. Кажется в Бразилии... Да, в университете Сан-Паулу. Приглашают. Вообще-то лично с ним я мало знаком, но наслышан. Любопытный человек. Из тех ученых, кто не боится входить в смежные области знаний. По-моему, даже экономическими и социологическими исследованиями балуется... Прямой, открытый. Говорят, колючий. Таким скучно в окружении только друзей. Что вдруг заинтересовались?

— Да, знаете, перекуривал в холле и слышал его разговор с несколькими гостями по экономическим проблемам страны. Мне он показался наиболее точным, можно сказать, профессиональным в оценках,— соврал Сотов.

— Вот, вот. Я же говорил — и к экономике прикладывается.

«И к этике, и к иному многому. Сует всюду свой нос»,— иронично усмехнулся

про себя Сотов, почти остыв. Он поблагодарил ректора за ответ, обменялся впечатлениями о вечере и, не дожидаясь его окончания, уехал.

На следующий будничный день, в промежутке между делами, Сотов поручил помощнику найти телефон Китрова и через некоторое время получил его. Перед тем, как позвонить, вернулся на секунды во вчерашний вечер, вспомнил профессора, сидящего в слабом свете за столом, подумал азартно: «Готовься, бродяга». Набрал номер. Китров отозвался.

— День добрый, Виктор Михайлович,— поздоровался Сотов и представился. Услышав ответное приветствие, в котором не скрывалось напряжение, замешательство, продолжил: — Вы догадываетесь, наверное, о причине моего звонка. Вчера на вечере я случайно услышал вашу пространную тираду на мой счет. И вы поняли, что долетели до меня какие-то ее обрывки. Кажется, вы сказали, что я поступил аморально, когда по дешевке выкупил кусок государственной собственности — в ходе приватизации. Если совесть у меня есть, то покоя нет — что-то в этом духе... Я не претензии предъявлять позвонил, не тревожьтесь. В конце концов, это ваше мнение. Почему вам его не высказывать? Тем более что большинство в нашей стране думает так же. Только у меня вот несколько иное мнение по поводу моего участия в приватизации. Поэтому предлагаю встретиться. Поясните свою точку зрения тому, кого она, собственно, касается. Меня послушаете. Возможно, я изменю свое мнение, а может — вы. Как насчет встречи, Виктор Михайлович?

— Где встретимся и когда?— взволнованным голосом спросил Китров.— Только не сегодня.

— Тогда приглашаю вас завтра в семь вечера в мой офис. Он рядом с Цветным Бульваром. Годится?

— Да.

Сотов сообщил Китрову адрес, объяснил, как лучше добраться и распрощался.

* * *

У Китрова, сидящего в приемной бизнесмена, на душе было неспокойно. Понятно от чего: порицал человека за глаза; тот невольно услышал, предложил сказать то же в глаза и еще аргументы привести. Хотя Китров, не мешкая, согласился, он понимал, что выглядит в сложившейся ситуации не лучшим образом. Надежду на предметный разговор давало довольно уважительное приглашение на встречу. И еще. В правоте своей Китров не сомневался. Однако ему предстояло не только высказать соображения свои, но и защитить их, если доведется. Он читал интервью с Сотовым, слышал его выступления в телепередачах, отзывы о нем знакомых. Знал, бизнесмен — интеллектуал, опытный полемист. И прессовать умеет, если что. Китров опасался быть слабее, чем может.

Секретарша ответила по внутренней связи и предложила Китрову войти в кабинет.

Сотов с вежливой улыбкой поднялся из кресла, вышел навстречу и протянул руку:

— Добрый вечер. Проходите, присаживайтесь.

Стараясь выглядеть спокойным и уверенным, Китров поздоровался, пожал протянутую руку.

— Вначале, Виктор Михайлович,— обратился к нему Сотов,— я хотел бы придать нашей беседе определенное направление и сказать немного о своем отношении к нашей отечественной приватизации. Оно, думаю, вас удивит... По технологии, масштабам, скорости оцениваю ее негативно, несмотря на то, что сам в результате поднялся. Проведена она не в интересах большинства в стране. Многие предприятия

следовало сохранить в государственной собственности и научиться управлять ими в рыночной среде... Но есть частные случаи. Мне не безразлична моральная сторона не вообще этой приватизации, а моей персональной причастности к ней, моего конкретно случая. Давайте на этом сосредоточимся. Скажите коротко главные соображения. А там видно будет, стоит ли обсуждать детали, растягивать беседу. Вы и я — занятые люди... Да, несколько слов о себе, пожалуйста. Вы в каком году, окончили наш вуз? Будете кофе или чай?

— Чай, спасибо,— поблагодарил Китров, в самом деле удивленный таким вступлением. Тем не менее, устав от тягостного ожидания, стал быстро говорить:

— Окончил в 1981 году. Вы в тот год, если не ошибаюсь, поступили. После вуза пришел в НИИ гидрологии. По сей день в нем тружусь. Занимаюсь математическим моделированием стока рек. Проще говоря, придумываю формулы, составляю компьютерные программы для вычисления объема речной воды, прогнозирования его. Защитил кандидатскую, докторскую. В последние годы и экономические показатели предприятий моделировал для поддержания штанов: количество продукции, расход ресурсов, цены, прибыль. Чтобы в практику экономическую вникнуть, пришлось основами теории заняться. Увлекся экономикой...

Теперь по существу. Вы, Андрей Глебович,— один из тех, кто за бесценок обрел крупное прибыльное государственное предприятие. Иначе говоря, стал собственником того, что стоило, предположим, 400 миллионов долларов, заплатив 15 миллионов. Доллар я привлек для измерения стоимости не от большой любви к «зеленому». Просто рубль за последние годы столько раз менял свою ценность, что немудрено с ним запутаться. Так вот, какой бы ни был способ обретения, выкупа предприятия, суть остается неизменной — вы взяли даром чужое на сумму 385 миллионов долларов, если оставить те цифры, что я предположил. Точные, известны вам. И если такая несправедливость состоялась законным путем, то она не перестает быть несправедливостью. Неправедные законы, как и повреждение общественной морали — обычное явление в смутные времена. Согласитесь, вы взяли чужое за просто так фактически. Воспользовались им, разбогатели. Это ли не безнравственно? Это не может не беспокоить человека, для которого совесть не пустой звук.

— Да, я взял чужое, как вы выразились «за просто так», воспользовался им,— сразу ответил Сотов. Выждав немного, продолжил: «Начало мне понравилось, Виктор Михайлович. Слов немного, а сказано достаточно. И в цифрах не сильно ошиблись. Значит, подготовились. Вас, кажется, заинтриговал мой ответ. Может получиться полезный для нас обоих разговор. Надеюсь, он между нами останется. Только давайте переберемся в более удобное место... Я вообще-то не прочь перекусить. Не возражаете, если мы в тот ресторан проедем, где вузовский юбилей отмечался?»

Китров не ожидал никак такого легкого согласия и пробурчал, что не возражает.

Через несколько минут вместительный джип с Сотовым, Китровым и несколькими охранниками отъехал от офиса и пустился маневрировать по переулкам Садового Кольца. В дороге Сотов темпераментно рассказывал о своем вдруг возникшем увлечении рисованием акварельными красками, расспрашивал спутника о его досуге. Однажды прервался ненадолго, погрузившись в себя. Путь занял минут пятнадцать. Китров подумал, что ресторан этот, наверное, обычное место встреч и трапезы для Сотова, и хорошо, что разговор продолжится вне сотовского офиса; в его стенах чувствовал себя вызванным для отчета.

И вот они вдвоем уже сидели в небольшом отдельном зале ресторана за столом, довольно скромно сервированным: два прибора, грейпфрутовый сок в графине, минеральная вода, пара лепешек, несколько салатов. Не будучи охотником до спиртного Китров огорчился, не увидев его на столе: хорошо бы граммов пятьдесят коньяку или водки — приглушить сохраняющееся напряжение.

Сотов жестом пригласил поесть и с аппетитом стал поглощать салаты. Китрову было не до еды, но для компании он присоединился. Орудуя вилкой и ножом, бизнесмен предложил:

— Давайте для дальнейших рассуждений сохраним ваши цифры. Повторяю, вы в них не сильно ошиблись... Итак, я получил предприятие стоимостью 400 миллионов долларов, заплатив за него 15 миллионов. Чистая прибыль на тот момент — около 10 миллионов долларов в год. Действительно, взял даром чужое, государственное имущество на сумму 385 миллионов долларов. Даже той небольшой прибыли достаточно было, чтобы за полтора — два года вернуть деньги, потраченные на покупку предприятия. И вы полагаете, это безнравственно, бессовестно... А я вам скажу следующее,— заявил Сотов, не прекращая есть теперь уже без спешки.— Первое. Если бы предприятие не взял я, его получил бы другой. Процесс раздачи государственного, общенародного имущества по мизерным ценам, как говорится, пошел. Не видно было силы, способной его остановить. Я же полагал, что смогу лучше многих распорядиться предприятием. Потому воспользовался случаем... Конечно, богаче стать хотелось. Но и риски были о-е-ей: разного свойства. Можете не верить, но решающим моим мотивом стало, как это ни банально, желание попробовать себя в большом новом деле. И без этого предприятия я мог прекрасно жить, поживать с семьей. Второе. Безнравственно ли я поступил, взяв предприятие по мизерной цене? Не забывайте, в той ситуации иная судьба его не ждала, как быть отданным таким образом. Помоему, ответ на вопрос зависит от того, как я распорядился полученным. Вот главное. И как же распорядился?.. Сначала вернул на предприятие нескольких ведущих технологов, нанял толковых финансистов и юристов, зарплата вовремя пошла. Средств не жалел на изучение рынков нашей продукции в России и за рубежом, на развитие сбытовой службы. Надежную силовую команду создал. От «братков» отбился — еще до меня они хорошо присосались к казне предприятия. Выдавил их людей из штата. Вот она головушка, белая почти. За год — полтора сменил окрас. А вполне мог не дожить до этих седин... Скоро объем производства начал подрастать. А упал до того чуть ли не вдвое. Потом зарубежные рынки помогли: спрос на нашу продукцию возрос, цены пошли вверх. Мощности предприятия стали использовать практически полностью. Дальше: закупили новое оборудование, технологию обновили, расширились. У продукции — новое качество. Европа стала больше покупать. За десять лет, что я владею предприятием, годовая чистая прибыль увеличилась где-то до 150 миллионов долларов. Численность работников выросла с 3100 до 4200 человек. Основную часть прибыли на развитие предприятия и социалку направлял. Средняя зарплата — 800 долларов в месяц и еще около 200 — месячная премия. На эти деньги они живут не в дорогой Москве, а за 350 километров от нее. Напомню, средний суммарный доход работающего человека не превышает в стране 400 долларов в месяц. У меня чернорабочий больше имеет... Цены в столовых и буфетах предприятия — символические. На содержании: дом отдыха на Волге, детский летний лагерь. Туча страховок. Пенсионеров наших поддерживаем. Хотите, отвезу в цеха — встретитесь, поговорите с людьми. Узнаете, как они места свои рабочие оценивают. Вакансия только появляется, тут же десяток претендентов... Еще городским школам, больницам помогаем оборудованием, мебелью, ремонтом. Вот так! Всего со мной, за десятилетку, чистая прибыль приросла приблизительно на 700 миллионов долларов. И только около 140 миллионов я оставил себе. Где-то 35 получили другие собственники, 280 потрачены на развитие предприятия, а оставшиеся 245 — на жизнь работников и их семей, на поддержку города. Да еще налогов добавил в госказну не меньше, чем на 250 миллионов за то же время. Получается, передал на общественные, народные нужды как минимум 245 миллионов долларов плюс 250. Всего — 495.

Фактически вернул то чужое, что даром взял, те самые 385 миллионов долларов. И еще с запасом хорошим. По-моему, очень даже нравственно я поступил, взяв предприятие. Безнравственно было бы не взять. Почему? А попади оно к другому, судьба его могла быть иной, совсем не радужной. Примеров — уйма. Страной раздолбанной промышленности нас называют. Что теперь скажете?

Пока Сотов говорил, Китров достал из своего портфеля блокнот и периодически делал в нем пометки. А когда бизнесмен умолк, Китров опять полез в портфель, вытащил небольшой ноутбук и, извинившись, попросил несколько минут: «Хочу проверить кое-что».

Сотов согласно кивнул. Попивая сок, с любопытством наблюдал за оппонентом. Тот застучал по клавишам, что-то записывал. Через три — четыре минуты картинно бросил ручку на исписанный лист, откинулся удовлетворенный на спинку стула.

— Откровенно говоря, Андрей Глебович, ваши слова, вместе с той информацией, что имею о вашем предприятии, отчасти меня поколебали... Действительно, по факту перехода к вам предприятия моральные претензии и прочие нужно адресовать, прежде всего, продавцу — государству. Оно выбрало такой путь, оно убогую цену назначило... или согласилось с ней. А вас, наверное, и впрямь стоит оценивать по использованию объекта... Спору нет, вы постарались по части укрепления и роста предприятия. И работники ваши, в общем, довольны — по своим каналам знаю. Почитают вас. Есть за что. Но не стал бы преувеличивать вашей заслуги. Предприятие взяли все же с прибылью, несмотря на все проблемы. С потенциалом крепким. Плодородная почва легче откликается на улучшенную обработку, чем бедная. Вам небедная досталась почва. Далее. Вы утверждаете, что полученное бесплатно чужое уже вернули. Это я попробую оспорить. Для корректной оценки того, что реально приросло за период вашего владения предприятием, нужно поправить ваши цифры. Сделать сопоставимыми средства, полученные и потраченные в разное время. Учесть влияние инфляции и возможность извлечения выгод из инвестирования. Я тут по вашим цифрам сделал грубую прикидку. Выяснил, что если средства, которые вы считаете переданными вами за десятилетку на общественные, народные нужды, сделать сопоставимыми со средствами, взятыми десять лет назад, то их можно оценить где-то в 220 миллионов долларов: 105 плюс 115. 105 миллионов — это расходы из прибыли на жизнь работников предприятия и их семей, на помощь городу. А 115 миллионов — налоги, добавленные в государственную казну. Значит, взятое даром чужое в размере 385 миллионов долларов вы не вернули по вашей схеме возврата... И возвращенные 220 миллионов неправильно на ваш счет целиком относить. Сумма эта — плод экономического роста предприятия, к которому не только вы причастны. Тут и возросший спрос на зарубежных рынках — сами вспомнили, и предприимчивость решающих менеджеров ваших. И иные факторы роста были наверняка — вам лучше известно. Согласны вы с такой коррекцией? Не с цифрами — их можно уточнить. С логикой и приблизительным результатом коррекции?

— Так я шельмую, по-вашему?! — резко ответил вопросом на вопрос Сотов и брови его сердито взметнулись.

После короткой напряженной паузы Китров ровным голосом сказал:

— Думаю, вы намеренно ложно интерпретировали свои данные — показать, будто взятое чужое уже вернули. Рассчитывали, задний ход дам.

— Здорово! — расхохотался Сотов и его нахмуренное выражение исчезло.— Надо же! Нащупал места уязвимые, да еще и ударил по ним. Недурно, надо признать, увлеклись вы экономикой, недурно. Ловко обкарнали мои успехи, отдисконтировали... Согласен, согласен с логикой вашей коррекции. Цифры кстати опять правдоподобные. И конъюнктура благоприятная на рынках вложилась в рост — да. Не согласен, что еще раз нужно учитывать вклад топ-менеджеров. Я с лихвой его оплатил.

Насколько мне известно, лучшей доли они не ищут... В самом деле, долг свой я пока не полностью вернул. Но продолжу это делать. Итак, каков ваш вывод? По совести я поступал или как?

— Ну, что же,— сказал Китров, довольный похвалой.— С работниками своими рассчитывались вполне достойно, если брать все вместе — и зарплату, и расходы из прибыли, Причем, если не шутите, расставались с частью прибыли, чтобы таким образом возвращать долг — то, что вам бесплатно досталось. Заботит, стало быть, вас это бремя, беспокоит. Но из прибыли оставляли себе больше, чем следовало. Неоднозначно, выходит, поступали. Не то, чтобы безнравственно, но все же не совсем по совести.

— Значит,— посерьезнел опять Сотов,— платил людям за труд цену выше рыночной, расходовал на них то, что себе мог оставить, исправно обязательства перед государством исполнял, город поддерживал — и все равно оказался бессовестным. Да самый строгий моралист пятерку мне поставит по пятибалльной шкале! Сократ с Платоном, отцы-моралисты,— и те похвалили бы. Даже Маркс бескомпромиссный не стал бы придираться. А русский профессор больше двойки не ставит!

— Не двойка, а тройка. Мы же с вами одинаково видим ситуацию: не вернув долг, вы забрали и забираете себе из дохода огромные средства — десятки миллионов долларов. Это в то время, когда народ — бывший владелец имущества, ваш кредитор поневоле и без прав, испытывал и испытывает в большинстве своем немалую нужду. Народ — это не только ваши работники с семьями...

— Да я ведь сам посчитал себя должником, народ — кредитором, а не закон, не государство!

— Это достойно. Думаю, из новых капиталистов российских, поимевших за бесценок госактивы, немногие видят себя должниками. Благотворители они и меценаты сплошь. Но и вы, взявшись возвращать долг, не были последовательны. Вот, если бы себе поменьше прибыли оставляли, а возвращали обществу побольше.

— За государство поработать, да. Его это забота — доходы перераспределять между богатыми и нуждающимися. Я готов платить повышенные налоги. Пусть берет и выполняет свои обязанности. У меня своих дел по горло.

— Вы-то готовы, Андрей Глебович, а другие? И государство нынче в сборе налогов не сильно, как во многом другом. Потрепанное, ослабленное. Но ведь наше, другого нет. Отчего не пособить ему. Хотя бы в благодарность за подарок, сделанный вам десять лет назад.

— Нестрогий вы какой-то государственник, Виктор Михайлович,— усмехнулся Сотов.— И сколько мне, по-вашему, следовало оставлять себе из прибыли, чтобы по совести это было? Сумма, способ ее определения?

Китров задумался.

— Сейчас не могу назвать. Время дадите, скажу.

— Пару дней достаточно?

— Постараюсь уложиться.

— Минуту,— Сотов открыл свой ежедневник и, заглянув в него, предложил: — Встретимся опять здесь же, послезавтра, в 19:00. Устроит вас?

— Ага,— кивнул Китров.

— Горячее напоследок поедим? Нет желания?

— Нет, спасибо.

— Тогда уходим. Я вас подброшу.

* * *

Спустя два дня в оговоренное время Сотов с Китровым сидели в том же зале ресторана, за тем же столом. Теперь стол пустовал. Сотову не терпелось возобновить

разговор. Для приличия, однако, поинтересовался: «Поужинать не хотите?» Китров отказался и, видя настрой бизнесмена, стал говорить:

— Помучился порядком с вашим вопросом. И так, и сяк подступал. Пока не спросил себя: «А кто собственно Сотов для своего предприятия не юридически, а по существу, по здравой экономической логике?» И довольно скоро нашелся: «Во-первых, он — владелец только около 3,75 % предприятия потому, что при его реальной стоимости 400 миллионов долларов заплатил за него 15 миллионов. Во-вторых, по сути дела он — главный менеджер предприятия». Отсюда мой ответ: по совести вам причиталось и причитается не более 3,75 % от чистой прибыли, что адекватно вашей реальной доле в предприятии, плюс доход главного менеджера. На сегодня 3,75 % — это около 5,6 миллионов долларов в год (при годовой чистой прибыли 150 миллионов долларов). Доход премьер-менеджера — это порядка полмиллиона — миллион долларов в год для компаний вашего уровня (из обзоров журналов “Economist” и “Forbes” выудил). Получается всего за год — 6,6 миллионов, если взять по максимуму менеджерский доход. А десять лет назад 3,75 % от чистой прибыли и доход главного менеджера — это была сумма что-то около 1 миллиона в год. Выходит, ваша часть прибыли за прошедшее десятилетие была в среднем не более 3,8 миллионов долларов за год, а всего — не более 38 миллионов. Громадные деньги!

Китров умолк и в настороженном ожидании смотрел на бизнесмена, пытаясь предугадать его реакцию.

— Интересный разворот! — задумчиво сказал Сотов.— В прошлую встречу вы, Виктор Михайлович, контратаковали только во фланги: урезали мой долг погашенный, критиковали меня за ту часть прибыли, что себе оставлял. Теперь ударили в центр, точнее — в основание. Ограничили всего несколькими процентами мои права на предприятие и, понятно, на чистую прибыль. Но подсластили эту горькую пилюлю: поощрили зарплатой премьер-менеджера. Отчего перемена такая?

— Какое такое ограничение? Я лишь на вопрос ваш ответить пытаюсь в меру возможностей. А перемена...— не перемена это, скорее развитие позиции. Время было подумать.

— Хорошенькое развитие! По этой самой вашей логике я из прибыли взял лишних 102 миллиона долларов (140 минус 38). Так?

— Да,— кивнул Китров.

— Может, и вернуть их?

— Почему нет,— улыбнулся Китров.

— И впредь оставлять себе из чистой прибыли 3,75 % от нее плюс доход премьер-менеджера?

— Не более,— еще раз кивнул Китров.

— При такой мизерной доле в предприятии, такой прибыли, что вы мне отделили, я, получается, почти ничего не вернул из взятого десять лет назад чужого. И в обозримом будущем не имею шансов вернуть хотя бы процентов двадцать; обречен оставаться малым дольщиком предприятия. Это ведь тоже вытекает из вашей логики?

Китров промолчал, пожав плечами.

— Но в вашей здравой экономической логике есть принципиальный изъян,— заключил Сотов, не дождавшись ответа.— Она игнорирует то обстоятельство, что фактически я был лицом, ответственным никак не за 3,75 % предприятия, не за эту свою реальную долю, а за все 100 % — за всю собственность. Выдвигал, исправлял, отклонял или одобрял программы и планы производства, проекты. Рисковал. Премьер-менеджер рискует работу потерять, а я предприятием рисковал, его будущим, жизнью своей, да и родных. По здравой экономической логике, избавленной от этого

изъяна, я был владельцем не только 3,75 % предприятия, не только и не столько его главным менеджером, но прежде всего главным предпринимателем. А зарплата предпринимателя — чистая прибыль. Поэтому я вправе был распоряжаться ею, своею зарплатой... Вкладывая в развитие предприятия десятки миллионов долларов из прибыли я, по существу, постоянно увеличивал свою долю в предприятии — относительно первоначальных 3,75 %. Думаю, что сегодня я основной собственник предприятия не только юридически, но и по объективной экономической логике. И немалую часть из взятого даром чужого я все-таки вернул — по вашим же расчетам... А изъян вы нарочно внесли в здравую экономическую логику — точно. Но я не в обиде: «на войне, как на войне». Тем более, цель имели благородную: подтолкнуть капиталиста-толстосума поделиться... Мне вот, что любопытно. Представьте, я согласился: да, мне принадлежит лишь небольшая доля предприятия. Как, по-вашему, стоило бы тогда вернуть его государству, оставаясь малым дольщиком?

— Наверное... нет,— сказал неуверенно Китров.— По-моему, нынешняя система управления госпредприятиями ослаблена донельзя. И организации слабы, и кадры, и стимулы. И с идеями туго. Больше разговоров о промышленном развитии, модернизации, чем дел... Да и продадут опять частнику, скорее всего. Чиновники по своему интересу это устроят. Производству, людям аукнется... Средства от продажи разместят где-нибудь на Западе под малые проценты. Уж лучше управляйте и владейте предприятием, как прежде. Дальше — время покажет. Окрепнет государство, очистится, тогда можно подумать о передаче ему предприятия или о совместном владении. Но это о вас конкретно идет речь. Ваш случай нетипичный... Попробуйте лучше забирать себе из прибыли поменьше. Как попугай повторяю... А насчет изъяна я не согласен. Но спорить больше не буду. Как мог, высказался. Вас послушал с интересом. Надеюсь, вы не зря время потратили.

Сотов не ожидал от своего оппонента столь скорого и определенно высказанного намерения закончить полемику. Она все больше увлекала бизнесмена. И этот профессор, упорно и небезуспешно отыскивающий бреши в его правах на собственность и прибыль, все более был ему симпатичен. «Нет, брат, разговор не окончен,— подумал Сотов,— и я знаю, какое продолжение тебе по душе придется».

— Предположим, Виктор Михайлович, урежу я свои аппетиты. На что, по-вашему, использовать свободные деньги? На школы, больницы? Или вот: давно меня просят городские власти построить крупный детский сад.

— Да, направлений — туча,— откликнулся тут же Китров.— Столько запущено, заброшено! И детсад и больница — хорошо. Пусть только целевой будет поддержка, долговременной... Вы разом два блага будете творить.

— С одним понятно,— сказал Сотов, заинтересовавшись. — У кого-то плюсов в жизни прибавится. А второе что?

— Вы, родные ваши, близкие сократите потребление. Нетрудно догадаться, что оно избыточное. Станет менее избыточным. Пример другим подадите. Избыток потребления вместе с ростом численности землян все больше коверкают жизнь на Земле. И судьбу будущих поколений ставят под вопрос. В сравнении с этим наши национальные трудности — мелочь.

— Вот вы о чем. За идеи Устойчивого развития, Хартии Земли хлопочете... А знаете, они меня занимали одно время.

— И каково впечатление, отношение к ним? — спросил с удивлением Китров.

— Актуальны, гуманны — спору нет... Те же глобальные проблемы довольно убедительно обозначены в концепции Устойчивого развития. Да и в Хартии. Основные, помню, такие: население Земли растет и растет, как вы уже сказали (хотя в России проблема обратная); увеличиваются производство и потребление товаров, услуг,

но технологии таковы, что загрязняются вода, земля, воздух, даже климат изменяется, что чревато всякими гадостями вплоть до глобальных катастроф; коллизия между богатыми и бедными острее как будто становится; природные ресурсы истощаются; беднеет животный мир, растительный... В общем, по большому счету жизнь у нас на Земле складывается неправильно. Иначе говоря — неустойчиво. Поэтому пора начинать жить, развиваться правильно — устойчиво: оберегать природу от разной грязи, сохранять братьев наших меньших и все живое вокруг, от нищеты избавляться, распространять ресурсосбережение. Чтобы, в итоге, потребности живущих на Земле поколений удовлетворялись не в ущерб потомкам. В этом суть, если не ошибаюсь?

— Главное схвачено верно,— подтвердил Китров.

— Между прочим, интерес к этой теме имел след: я перестал скупиться на природоохранные мероприятия. Но смотрите-ка, Виктор Михайлович. Концепция Устойчивого развития оформилась под эгидой ООН, кажется, в 1987-ом. Хотя различные ее аспекты обсуждались уже на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде в 1972 году. Еще раньше стали известны прогнозы Римского клуба. Они предсказывали тревожное будущее человечеству... Потом приняли стратегию Устойчивого развития: Рио-де-Жанейро, 1992-ой, опять же на крупнейшей конференции ООН. Подписались под ней главы государств, правительств почти всех стран — членов ООН. С тех пор регулярно организуются конференции ООН по этой теме. Последняя прошла совсем недавно где-то в Африке. Плюс в 2000 году, кажется, ЮНЕСКО одобрила Хартию Земли. В 1997-ом принят Киотский Протокол, устанавливающий правила по ограничению и сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. Выходит, по меньшей мере, более тридцати пяти лет на самом высоком международном уровне ведутся разговоры, звучат заявления о намерениях, принимаются Резолюции, Стратегии, но практических, согласованных действий стран мало. И Киотский Протокол только ограничено заработал. Как думаете, почему? Похоже, не так тут все остро и однозначно. Теперь, по избыточному потреблению. О нем, насколько помню, в концепции Устойчивого развития речь не идет, как об отдельной, ключевой проблеме. Не преувеличиваете роль его сокращения?

— Нет. Я с теми согласен, кто считает, что за последние годы положение как раз усугубилось,— поспешно сказал Китров.— Да, очисткой и утилизацией растущих отходов — производственных, бытовых — занимаются. Развиваются, применяются новые технологии производства — экологически чистые. Прежде всего, в развитых странах. Но загрязнение природы продолжается, увеличивается. Многие экосистемы деградируют... Правда в том состоит, что нам не удается справляться с отходами так, чтобы остановить негативные процессы в окружающей среде, тем более, повернуть их вспять. И не удастся при сохранении нынешних тенденций в потреблении. Душевое потребление увеличивается и в развитых странах, и в большинстве развивающихся. Все больше и больше покупаются продовольствие, одежда, услуги неисчислимые, мебель, телевизоры, холодильники, пылесосы, автомобили, квартиры, загородные дома, яхты и прочее разное. Мы предпочитаем потреблять больше, производить для этого больше, несмотря ни на какие угрозы для самих себя и, тем более, для потомков... А каким оно стало наступательным, даже агрессивным, потребление! Подстегивается, навязывается производителями. Беспрерывно модернизируют товары, услуги. Создают все новые и новые. Выращивают потребности, которые и вообразить было невозможно. Видел бы старик Смит, сколько новых потребительских благ наковала «Невидимая рука» рынка, молотом НТП* вооружившись... Психология и традиция активного потребления распространились на Земле повсеместно. Почти вытеснили психологию и традицию умеренного, ограниченного потребления, кото-

* НТП — научно-технический прогресс.

рые поощрялись и преобладали в прошлом веке среди трети, не меньше, населения Земли: в Советском Союзе, Китае и других странах соцлагеря. Настоящая благодать наступила для разрастания избыточного потребления. И множится оно. Жаль, статистический учет его не налажен. Давно пора... Но ориентировочно представить его масштаб можно. Я попытался из любопытства. Использовал опубликованную макростатистику. Вот послушайте: вам ведь по нраву количественные доводы. Современное общее потребление на Земле измеряется потребительскими расходами, приблизительно, в 40 триллионов долларов или 6100 долларов на человека в год. При этом на граждан развитых стран — так называемый «золотой миллиард» — приходится порядка 30 триллионов долларов или 30000 долларов на человека в год. Остальные земляне, числом более 5,5 миллиардов человек, довольствуются, где-то, 10 триллионами долларов или 1800 долларов на человека в год... Примем, что 30000 долларов на человека в год — потребительские расходы среднестатистического гражданина развитых стран — соответствуют верхней границе умеренного потребления. Более чем достойная сумма. Все потребительские расходы сверх этой суммы будем считать затратами на избыточное потребление. По моим расчетам они составляют в развитых странах не менее 30 % от общих расходов на потребление, не менее 9 триллионов долларов. Получается, из 40 триллионов долларов, расходуемых землянами на потребление, по крайней мере, 9 триллионов или более 20 % тратится на избыточное потребление... С учетом всех остальных стран расходы на него в целом по Земле никак не меньше 25 % от общих потребительских трат. Серьезные проценты, согласитесь. Разве не ключевая это проблема?!

— Более чем субъективная оценка, Виктор Михайлович.

— Конечно,— согласился Китров.— Но я, скорее, занизил перебор в потреблении, не наоборот.

— И потом,— продолжил эмоционально бизнесмен.— О каком таком распространении психологии активного потребления вы говорите? Она во все времена была и есть при человеке. Всегда человек разумный был активно потребляющим — в пределах имеющихся возможностей. Падким до наслаждений, гедонистом, эпикурейцем. Был и есть противоположный образ жизни: аскетов, стоиков, монашеской братии. Издревле проповедовалась и проповедуется умеренность в жизни. Но число последователей невелико. Люди потребляли и потребляют мало и умеренно только из-за ограничений по доходам, по предлагаемым потребительским благам. Немногие — по осознанному выбору. Психология активного потребления лишь подавляется ограничениями, оставаясь в сохранности. В СССР, Китае, остальных соцстранах ограничение на потребление закладывалось в планы производства товаров, услуг, в зарплаты. Как только возможности потреблять расширяются, тут же человек сполна это использует. Легко восстанавливает традицию активного потребления. А поначалу еще и двойной аппетит включается.

— Тем не менее, психология и традиция умеренного потребления преобладали в соцстранах,— упрямо повторил Китров.— Пусть вместе с подавленной психологией активного потребления. Явное большинство людей устраивало, что есть некий уровень достойного умеренного потребления и превысить его законно почти невозможно. Те, кто его не достиг, стремились к нему. А те, кто достиг, спокойно жили, успешно работали, творили и не испытывали душевного дискомфорта от того, что не могут его превзойти. Опыт этот человечеству еще пригодится.

— Вот так, значит, не меньше... Но вы, Виктор Михайлович, не ответили на вопрос. Почему все же не густо согласованных и результативных действий стран по решению глобальных проблем, сохранению природы?

— А они не выгодны политическим и экономическим верхам... Прежде всего, верхам развитых стран и крупных развивающихся. Им ясно, что корневые глобаль-

ные проблемы — это рост числа землян и душевого потребления, а остальные проблемы — лишь следствия. Что для позитивных изменений мало создания и применения ресурсосберегающих, экологически чистых технологий производства. Знают, что именно уменьшение душевого потребления и стабилизация численности населения на Земле — вот, что нужно, это действенно... Но кому грозит сокращение душевого потребления? Не тем конечно, у кого оно и так мало, не большинству землян. Сокращение потребления грозит тем, у кого оно избыточно. Прежде всего, самим политическим и экономическим верхам. Они — лидеры по части потребления. И не имитация, а серьезное сокращение. А они для него не созрели. Или мало кто созрел. Вот и затягивают всячески, отдаляют конкретные, результативные дела... Проблема избыточного потребления всегда обсуждается при подготовке глобальных концепций, резолюций, хартий, обращенных в будущее. А в окончательной редакции не обозначается как ключевая — опять же стараниями верховных хитрецов.

— Кто бы сомневался,— усмехнулся Сотов.— Виноватые все те же: политики, крупные бизнесмены, топ-менеджеры. Забыли сказать, что одна это шайка.

— Не о вине верхов я, Андрей Глебович. Беда это наша общая, что поступают они естественным образом, по-человечески: оберегают, сохраняют привычный образ жизни...

— И где же выход, по-вашему?

— Хороший вопрос... Не знаю. Есть некоторые соображения, как продвинуться к нему. Наверное, утопичные.

— Ну-ну.

— Приверженцам идеи радикального сокращения избыточного потребления нужно объединяться, вербовать сторонников среди политических и экономических верхов. Там, наверняка, есть люди, готовые пойти на такое сокращение, есть сомневающиеся. Приняв идею, они своим примером продемонстрируют, подтвердят приверженность ей. Это вызовет доверие и уважение. Ведь зримо начнут сокращать покупки те как раз, кому больше других предстоит изменить свою потребительскую жизнь... Объединенные приверженцы идеи популяризируют, пропагандируют ее всевозможными средствами — через телевидение, газеты, журналы, интернет, образовательные программы. Согласовывают и соединяют усилия с религиозными пастырями, основными конфессиями... Важно распространить понятие «общество», образ «ближнего» на грядущие поколения. Ныне живущие люди уже ущемляют и дальше будут ущемлять интересы людей будущего. Эти интересы проще будет защищать, если полагать и первых, и вторых людей единым обществом. Нужно заложить, вдолбить в человеческое сознание представление о том, что мы, живущие на Земле — лишь меньшая часть общества, а его большинство — те, кому предстоит жить в будущем. И «ближний», как известно,— это тот, кто нуждается в нас. Разве будущие люди не нуждаются в нашем участии в их судьбе? Нуждаются. Значит, они нам такие же ближние, как и живущие вокруг... Понятно, что одними уговорами, проповедями далеко не продвинуться. Влияние приверженцев идеи должно стать достаточным, чтобы проводить законы, осуществлять законные меры против избыточного потребления. Верховодить нужно во властных структурах развитых стран и крупных развивающихся. Стоит для этого создать национальные «партии будущих поколений», международное содружество их наладить. Почему подлинному большинству общества не иметь свою партию?.. Сокращение избыточного потребления, спроса на люкс-товары, люкс-услуги потянут за собой сокращение объемов многих производств. Надо придумать, как избежать роста безработицы, снижения уровня жизни. Потребуется перепрофилирование производств, переподготовка кадров. Нужна господдержка. Хоть производительность труда снижай — лишь бы при деле люди оста-

лись... А когда идея будет широко принята, самое время очертить жесткие границы умеренного потребления. И чтобы позорно стало превышать верхнюю планку. Долой обжорство! — выдохнул с напором Китров.

— Да-а-а, Виктор Михайлович! — протянул Сотов, подождав пока профессор переведет дух.— Что ж вы скромничаете? Это не просто соображения, а прямо-таки контуры плана с основными задачами, с видением хода его реализации. И мне, как потребителю, ничего веселого он не сулит... Но, вы правы — в нем полно утопичного. С самого начала. Немногие из богатых решатся на отказ от милой роскошной жизни. Тут Руссо с коммуняками правы: хочешь с ней покончить, ликвидируй ее источник. Н-да... Значит, вы меня вербовали все это время? — неожиданно и всерьез по интонации спросил бизнесмен.

— Как, вербовал? — смутился Китров.

— Мягко так, осмотрительно. По плану вашему.

— Шутите,— устало качнул головой Китров.— Как это возможно, если беседой вы рулите? Спрашиваете, отвечаю. Спорим...

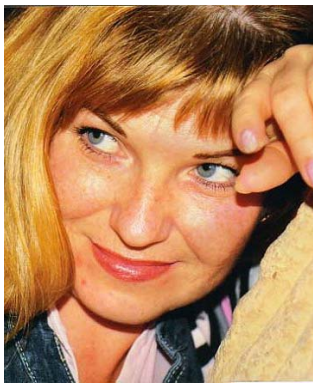
— Так я и поверил,— продолжал с нажимом Сотов.— У меня сейчас даже мысль мелькнула: «А не нарочно Китров громко высказался на вечере, когда я мимо проходил? Спровоцировать, на контакт вызвать».

— Что вы такое говорите?! Это чистая случайность была.

— Шучу, шучу,— улыбнулся бизнесмен и озорно добавил: «Ну, положим, завербованным я себя пока не считаю, а в сочувствующие можете зачислить... Отметить стоит это дело. Как считаете? Наконец-то поужинаем. Отказ не принимается».

— И не рассчитывайте,— улыбнулся Китров.

Ольга Несмеянова
(г. Санкт-Петербург)



СВЯЗНОЙ*

Окончила Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает в области международных морских грузоперевозок. В 2013 году окончила курсы «Мастер текста», организованные редакцией «Астрель» в Санкт—Петербурге. Начинающий автор. Повесть «Связной» — первый серьезный дебют для широкого читателя. В ноябре 2015 года повесть вошла в лонг-лист лучших произведений молодых авторов России, на конкурсе «Литконкурс. Стихи и проза», объявленным Литературным институтом им. А. М. Горького, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Глава 2. Опасные опыты

Осень 1942 года. Полевая база «Аненербе». Карелия.

Осеннее солнышко приятно погладило его по впалым, обросшим щекам. Он невольно зажмурил глаза. Тяжелые, воспаленные от недосыпания веки слипались, и казалось, уже никакая сила не может раскрыть их обратно. Как же хочется спать! Но нет! Надо закончить отчет, убрать инструменты, и тогда — с чувством выполненного долга, он будет спать целую вечность. Надо идти, действие препарата заканчивается, и он вот-вот проснется. Гюнтер тяжело встал со скамейки и стряхнул пепел, просыпавшийся на уже не первой свежести медицинский халат. В этом уставшем, осунувшемся можно было с большим трудом узнать лощеного франта, приехавшего из Грюнвальда три месяца назад.

Сегодня был выходной, и он мог находиться в лаборатории один. Уже как два с половиной месяца ему редко удавалось подышать воздухом. Именно столько прошло с тех пор, когда у него появился этот случайно выбежавший из леса, прямо на взвод охраны, объект.

Вот оно! Настоящее дело! Настоящее открытие! Пока он тут один, специалист, это — его время! Он должен провести как можно больше исследований. Пусть потом изучают его труды, берут за основу! Они! Кабинетные крысы, сидящие в белизне идеально отштукатуренных стен. Они! Которые не представляют своей жизни без чашечки ароматного кофе с кренделем по утрам! Наверное, ему дадут железный крест! А эта шлюха — Гретхен, бросится к нему в объятия и крепко прижмется всем своим бесстыдным, сдобным телом. И сам Гиммлер лично будет благодарить его за службу в головном особняке на Пюкленштрассе. Он достал из кармана кольцо и потер его о халат. Черная поверхность заблестела, мистически отражая сдвоенные мол-

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

нии в лучах солнечного света. Гюнтер надел его как положено на безымянный палец левой руки. Кольцо предательски болталось. Тогда фон Шлессер перенес его на средний палец правой руки — там оно оказалось впору.

Надо было закончить первый этап исследований сегодня. Завтра из лагеря должны привезти первую партию материала. И он, и объект должны быть в форме. Он просил брать помладше. Не старше семи лет. Чтобы не разбежались и легче было справиться, если что. Объект был внутри бункера. Боже, как он быстро растет! За два с половиной месяца его масса увеличилась в три раза! Он уже еле помещается в клетке. Хорошо, что скоро привезут новую. Она будет больше, и крепче. Иначе железные прутья просто покалечат его.

Гюнтер вошел в прохладный полумрак пещеры, в которой располагалась его лаборатория. Открыл железную дверь, и щелкнул выключателем. Генератор не работал. Черт, опять поломка! Такое иногда случалось. Надо бы позвать наладчика. Но до постов и бытовки с рабочими идти не менее получаса. Охрана стояла со стороны материка. С воды бункер надежно охраняли отвесные скалы. Ему было нужно всего полчаса, чтобы закончить. Он подставил под дверь камень, чтобы та не закрывалась, и шагнул вовнутрь.

Из глубины бункера раздался вздох, похожий на стон. Гюнтер ускорил шаг. Время заканчивалось.

В дальнем углу стояла довольно большая крепкая клетка. Почти всю ее занимало серое грузное туловище объекта. Голова его с закрытыми глазами была неестественно запрокинута назад. Из пасти торчали трубочки зондов. Большие, мягкие губы сморщились, и безвольно свисали набок. Гюнтер вспомнил тот день, когда они встретились первый раз. Существо, тогда еще доверчиво смотрело на него сквозь прутья клетки огромными, похожими на оливы глазами. В особый восторг его привел тогда как раз этот перстень, на пальце Гюнтера. Он даже облизал его, приветливо похрюкивая, обслюнив при этом рукав. Как будто изображение на перстне было ему хорошо знакомо. Тогда он еще не знал, что пожертвует себя науке и, конечно же, рейху. Емкость уже почти наполнилась. Можно было прекращать процесс. Гюнтер закатил рукав и ловко просунул руку сквозь прутья решетки.

По всему телу объекта вдруг прокатилась волна дрожи. Он дернулся, резко замотал головой и, с ревом выплевывая изо рта трубочки, рванулся вперед. Гюнтер быстро отдернул руку и почти уже вытащил ее наружу. Но большой серебряный перстень с сдвоенными молниями, зацепился за прутья решетки. Гюнтер фон Шлессер увидел прямо перед собой огромные влажные глаза и не прочитал в них, уже так привычных за это время, боли и отчаяния. В них была лишь ярость.

Глава 3. Путешествие

Наши дни. Шхеры Северной Ладоги. Карелия.

Машина повернула с асфальта на проселок, и ее резко затрясло на ухабах.

— Да, елы-палы! Сейчас колеса тут оставим! — громкий крик Игоря разбудил мирно спавшую на заднем сиденье Светочку. Еще раз, громко чертыхнувшись, он высунул голову в окно, чтобы проверить, благополучно ли повернул следующий за джипом прицеп с красивым желтым катером.

Светочка открыла глаза, и томно потянулась: «Долго еще?».

— Километров тридцать, блин, не меньше! — Игорь посмотрел на лобовое стекло. На нем за последние десять минут возникла целая братская могила. Насекомых было так много, что ему даже пришлось включить дворники.

«Ничего себе, тут живности сколько! Хорошо, если бы Светка репелленты взя-

ла!» — Он усмехнулся, представив себе, как гламурная, пухлогубая Светочка, будет рассекать, по комариному раю, в своих бикини и парео. Наверное, все магазины за эту неделю обегала в поисках нарядов. Он же не сказал, куда конкретно они едут. Только о том, что это будет поездка на его новом шикарном катере на природу.

Вообще то он собирался в эту поездку с отцом. Хотел отметить с ним свой двадцать восьмой день рождения. Когда-то он очень любил праздновать дни рождения. Но в день, когда ему исполнилось четырнадцать — умерла мама. Перед этим она долго болела. С тех пор он не отмечал этот день и не принимал поздравлений. Просто отключал мобильник и сидел дома один. Это был первый раз за эти годы, когда у него возникло желание вспомнить про свою дату. Но, видимо, не судьба. За неделю перед отъездом они сильно поругались. Пришлось поменять планы и пригласить с собой эту Светочку из экономического. Ну, хорошо еще, что хоть не секретаршу — а то вообще бы была классика! Про день рождения он ей, конечно, ничего не сказал.

Светочка страдала совершенно параноидальной, по мнению Игоря, заботой о своей внешности. Когда он просыпался, она всегда уже была при полном параде и с прической. Наверное, она вообще не спала, когда пару раз оставалась у него — всю ночь наводила марафет. Иногда ему даже хотелось засунуть ее голову под кран посреди дня, прямо на работе, чтобы посмотреть какая она на самом деле.

Странно, что раньше он ее вообще не замечал, хотя она говорила, что работает в фирме уже около года. Пару месяцев назад ему срочно нужен был отчет от экономистов. В последнее время сделки заключались одна за другой — голова шла кругом, времени ни на что не хватало. К тому же ему вдруг захотелось увидеть ту, рыженькую, в очках. Что-то она давно не появлялась на их этаже со своими тупыми вопросами, типа: «А почему больше половины стоимости товара клиенты платят не нам, а в какой-то оффшор?».

Святая простота! А однажды без всякого повода она зачем то принесла ему пирожки с капустой. Коллеги долго перемигивались. А пирожки те за вечерним чаем, потом «на ура» пошли. Вку-усные! А тут больше месяца ее не было видно. А он и не спросил, как ее зовут. Может, уже уволилась? Он протянул руку к двери с надписью — «Отдел экономики и развития». И вдруг — удар молнии! По коридору, плавно покачивая красивыми бедрами, вся залитая лучами офисного света, в его сторону шла сама Мерлин Монро! Только на современный лад. Загорелая.

Забыв, зачем пришел, он сразу пригласил ее на свидание. Она сразу и согласилась. Все просто. Он убеждался в этом все больше. И зря отец, похлопывая его по уже появившемуся небольшому животику, намекал, что надо бы в спортзал, а то девушки любить не будут. Ерунда! Сейчас любят вовсе не за это.

Отец.

Игорь вновь вспомнил последний разговор.

Он так хотел похвастаться катером. Давно, еще в детстве, они ездили в Карелию всей семьей. Тогда еще была жива мама. Но отец, бывший морской офицер, узнав, что Игорь купил вместе с катером и права на него, наотрез отказался. Еще и ругался. Дескать, нечего и соваться в Ладогу без знания навигации и все такое. Игорь искренне не понимал — зачем делать лишние телодвижения? Ведь все и так уже изобретено, и надо всего лишь нажать на нужную кнопочку дорогостоящего «дивайса». Несмотря на ссору, отец все же умудрился впихнуть ему на прощание большую папку с бумажными картами Ладоги, какой-то пыльной литературой по мореплаванию и свой старый спальный мешок из гагачьего пуха. Игорь, конечно, все это благополучно оставил дома. Разве что мешок все еще валялся на заднем сидении, не выброшенный в спешке.

Ну, пришел он честно на эти курсы в ГИМС. Тридцать потных мужиков в жару, в душной комнатке, прилежно строчили под диктовку конспекты об остойчивости

судна и способах ориентирования по звездам. И так три месяца пять раз в неделю. Зачем это? У него на катере современный навигатор! Зачем, часами шуршать бумажными картами? Ввел название — и вперед. Стареет, наверное, отец.

Может и хорошо, что он не поехал. Начал бы «грузить» его, что типа пора жениться.

Или стал бы нести всякий бред, поучать по мелочам.

Что-нибудь из серии: «Как разжечь костер без спичек». При всем уважении к отцу Игорь не понимал, чему такому его, преуспевающего бизнесмена, может научить человек, который второй месяц не может настроить в своем телефоне ММС-ки.

Отдохнет и без него. Не хочет — как хочет.

— Ну как ты, Свет? — Игорь обернулся к Светочке.— Не сильно растрясло?

— Да нет,— Светочка начала судорожно поправлять слегка растрепавшиеся в дороге, соломенно-белые волосы.

«Маньячка»,— покачал головой Игорь и уставился на дорогу.

* * *

Светочка зевнула и посмотрела в окно. По краям дороги стоял добротный сосновый лес, с пушистым зеленым подшерстком северного кустарника. Среди стволов, как таинственные великаны, возвышались огромные камни. Слева за деревьями виднелся просвет, наверное, там был обрыв. Скалистая Карелия, как ярким дорогим ковром покрытая мхами, все больше нравилась ей. Несмотря на утомительную, многочасовую дорогу — она была рада тому, что попала сюда. Светочка достала пудреницу. Ее зеленые глаза слегка опухли от сна. Бросив быстрый взгляд в сторону Игоря, она быстро припудрила начинающие проявляться от жары веснушки. Надо чтобы все было безупречно. Внешность для Игоря — очень много значит. В этом Светочка даже не сомневалась. Игорь очень нравился ей, и она втайне мечтала о том, как будет ждать его по вечерам с работы, уютно устроившись на широком подоконнике огромного полукруглого окна его кухни.

Она ласково посмотрела на спутника. Идеально постриженный затылок. Темные, похожие на вишни, глаза через тонкие стекла очков казались немного грустными. Светочке нравилось в нем абсолютно все. Даже его некоторая медлительность и привязанность к мелочам казались ей милыми. Она была счастлива, что они проведут вместе несколько дней. Вчера он даже пытался научить Светочку управлять катером. Ученица из нее получилась никакая. Каждый раз, когда она давила рукой на ручку газа и катер задирал нос — Светочка кричала от ужаса и закрывала лицо обеими руками. Но где какие кнопки и в каких отсеках спассредства, она на всякий случай запомнила.

— Не сильно устала? — Игорь обернулся назад, широко улыбаясь. Свежий воздух начал положительно действовать на измученную городом нервную систему.— Сейчас такие места начнутся — закачаешься!

Светочка кивнула и открыла сумочку, чтобы убрать зеркало. Машина подъезжала к лесной развилке.

— Ч-черт! — Игорь резко нажал на тормоза. Машина сильно дернулась и застыла на месте. Светочку, уже давно отстегнувшую ремни, сильным толчком бросило между сидений. Она больно ударилась коленкой о пластмассовую консоль.

На лесной перекресток на огромной скорости прямо им наперерез выскочил старый черный «Мерседес».

Было слышно, как железо днища глухо громыхает о кочки.

— Эй, ты! Чего, правила не надо соблюдать тут, в лесу? Я у тебя справа, между прочим! — громко закричал, открыв окно Игорь.

Мерседес на секунду остановился, душераздирающе взвизгнув тормозами.

Из двери показалась рука в татуировках и загорелое лицо мужчины в темных очках.

— Правила, говоришь? — Он откинул со лба выгоревшие, слипшиеся волосы.

— Игорек, поехали, поехали! — испугалась Светочка.

— Извините, все нормально! — она закрыла окно и затормошила Игоря.— Ну пожалуйста, езжай же! Видел — у него татуировки! Наверное, уголовник какой-то!

Игорь покачал головой и нажал ногой на газ. Машина громко заурчала и повернула налево.

— Нет, ну зря ты меня остановила! Я бы с ним разобрался! Ишь ты, борзый какой! — Игорь нервно стукнул по рулю своего новенького КИА — Нет, ну ты видела? Машина у него развалится вот-вот!

— Да? А я думала «Мерседесы» хорошие машины,— удивленно протянула Светочка.

— Что? Хорошие? — загорячился Игорь,— Да у нас, в Питере, за такие еще приплачивают, чтобы в утиль взяли! Подумаешь, Мерседес у него! «Мрачная роскошь рейсхканцелярии», а не машина! И, главное — выступает еще!

— Да, да,— с готовностью согласилась Светочка.— Ты молодец! Это я виновата, что не дала тебе поругаться, вот ты бы его точно на место поставил.

Она была безумно рада, что они уже едут совершенно в противоположную сторону от этого неприятного происшествия.

Глава 4. Петрович

Последний раз подскочив на ухабе, машина остановилась.

На полянке, на краю фьорда, окруженный с трех сторон лесом, располагался небольшой деревянный домик с надстройкой и еще несколько сарайчиков.

Навстречу им, улыбаясь, вышел загорелый, коренастый мужичок с маленькой, темной с проседью бородкой. Лет около шестидесяти или чуть больше. Хитрые черные глазки приветливо посмотрели на прибывших туристов.

— Ну, здорово, мужики! Ой, прощения просим, и барышни, конечно,— он неловко затоптался на месте.

— Давно вас жду, вот и банька уже готова! — мужичок, протянул Игорю руку.

— Здравствуйте! Матвей Петрович, я так понимаю? — Игорь вежливо ответил на рукопожатие.

— Он самый, можно просто Петрович, чего уж там. Проходите в дом, располагайтесь, вот чайку сейчас попьем с дорожки.— Петрович не по-стариковски, легко, подхватил сумки.

— А-а, комары!!! Игорь, дай скорее репеллент! — вскрикнула Светочка, стряхивая со стройной, загорелой ноги целую стаю мошек.

— Ты бы, доча, надела бы штаны какие-нибудь, длинные. Тут у нас, на берегу, загорать никак нельзя, зажрут, ироды. И не спросят, как и звать. Штаны-то, есть? Аль свои какие дать?— хитро ухмыльнулся в бородку Петрович.

— Не нужно, спасибо,— Светочку уже перестала радовать красота пейзажей вокруг. Перспектива провести несколько дней в тридцать градусов жары в куртке и в кургузых штанах Петровича ее никак не устраивала.

— Да шучу я! Доча! Возле дома нет их, комаров-то. Не боись! — рассмеялся Петрович. Они уже подошли к домику. Светочка сразу поднялась наверх, в спальню, чтобы привести себя в порядок после дороги.

— Петрович! А что это у тебя? Плитка? — Игорь на кухне с интересом рассматривал гладкий блестящий прямоугольник цвета «розовый металлик», на котором стоял старый облупившийся чайник.

— Ой, горячая! — Игорь отдернул палец, схватившись за ухо.— Где раздобыл-то, в такой глуши?

— Так это,— замялся Петрович,— брат, из-за границы прислал.— Он взял из угла топор.— Пойду, в лесу дровишек вам нарублю. Костер-то будете жечь вечером?

— А чего у тебя, поленницы нет что ли? — удивился Игорь

— Не-а, а зачем она? — Лес ведь вокруг — пошел да срубил сколько надо.— Петрович легко пошагал к лесу.

— Вот дает! А если дождь или еще чего? Странный дед какой-то! Но судя по плитке, металлокерамической, технику современную уважает — это хорошо.

Игорь достал из сумки манерную сигару и блестящий специальный нож. Ему вдруг захотелось почувствовать себя этаким заевшимся европейским путешественником. Закурить сигару и еще раз ленивым взглядом окинуть блестящий на солнышке бок своего небольшого, но очень стильного «Кронлайна». «Так, спички-то, есть тут у деда?» — Игорь пошарил по кухонному столу. В руках у него оказался маленький прямоугольный предмет. О! Вроде зажигалка. Интересно, как она работает? Или не зажигалка это? Предмет, вначале показавшийся металлическим, оказался в руках совершенно невесомым. Странная штуковина...

«Наверное, это тоже брат ему прислал. Думает, что тут, в лесу, это крайне необходимо,— Игорь ухмыльнулся.— Видать, на распродаже в нагрузку к плитке давали. Да, какая-то действительно непонятная штука. Дед, наверное, и сам не знает что это такое».— Игорь с удивлением разглядывал совершенно гладкий прямоугольный брусок, в котором не было и намека на полезность. «Может, ножи точить?» — Он положил предмет обратно и начал осматривать кухню.

Вроде бы обычная финская деревенская кухня. Занавесочки, лавка, книжная полка. Интересно, что читают нынче в глуши? Игорь сдул пыль с корешков. Ничего себе! Физика, химия, ыысшая математика, радиоэлектроника. Однако! На книжной полке стояла старая фотография в деревянной рамочке. Игорь подошел поближе и встал на цыпочки. На сильно засвеченной карточке были изображены мужчина и женщина, оба в какой-то необычной расшитой одежде и смешных головных уборах. На мужчине была шапка, как у Деда Мороза, а на женщине что-то типа тюбетейки с длинными широкими завязками, приделанными к ней в районе ушей. Рядом с ними — два мальчика. Один, судя по черным глазам — Петрович. Лет двенадцати, наверное. Другой мальчик лет семи, не больше. Очень худенький и вроде бы даже белобрысый. Фотография была сильно засвечена. Изображение нечеткое. Это, видимо, и есть брат, что сейчас за границей. Не зря, видать, умные книжки изучал.

«Ну вот, прямое доказательство того, что ученье — свет»,— подумал Игорь.

Наконец, вернулся Петрович. Потопав сапогами, чтобы стряхнуть сосновые иголки, вошел и положил топор к печке.

— Это твоя семья, Петрович? — спросил Игорь. Тот утвердительно кивнул: «Ага, отец на камень, что возле дома, фотоаппарат поставил — и снял. Жаль, плохо получилось».

— А давно снято?

— Да в пятидесятом, никак, году,— Петрович грустно посмотрел на фотографию.

— Так давно? Да ладно! А сколько же тебе сейчас лет? — изумился Игорь.

— Так, это... Семьдесят шестой вот пошел.

— Ого! — Игорь даже присвистнул.— вот это да! Вот это экология!

— Да нормально,— Петрович пожал плечами.— Вот мамка моя, год назад только померла — девяносто восемь годков было. До последнего дня все банки с соленьями закатывала да пирожки пекла. А я на станцию ездил — продавал. Так и кормились.

А сейчас чего, я пирожки печь не умею, пришлось вот туристов — вас, то есть, привечать. Так что мы не опытные в этих делах. Не обессудьте. Коли что не так — сразу говорите, поправимся.

— На станцию? Так это километров шестьдесят по ухабам. На чем ездил то? — Игорь изумленно посмотрел на деда.

— Да, это... было на чем,— дед нервно забегал глазками, и, шмыгнув носом, поторопился к двери.

Игорь поискал глазами камень. Возле самого дома ничего не было. Зато почти на краю скалы, в отдалении, за елкой он увидел странное сооружение. Игорь подошел поближе, чтобы разглядеть его. Большущий почти белый треугольный камень был размером с авто. Под ним располагались маленькие, похожие на колесики от детского паровозика, еще три камня округлой формы. Они были не такими белыми, как тот, что сверху. Казалось, что они покрыты гарью. От их наличия, массивное сооружение казалось очень забавным и трогательным. Как будто сейчас пустится в пляс на своих поджаренных колесиках-камешках. От него через весь участок Петровича в сторону леса шел заросший травой след от волочения. И в лесу, в той стороне, была старая просека. «Интересно, кто же мог тут, в лесу, притащить откуда-то такую махину? Да еще и поднять камень на такой хлипкий постамент. И главное — зачем?» — искренне удивился Игорь.

* * *

Вечером они втроем сидели у небольшого костерка возле дома и жарили сосиски на углях. Светочка, завернувшись почти с головой в клетчатый плед, источала из него смрадный запах репеллентов.

— Доча! Да нет тут комаров! У протоки — да, зажрут, это точно! А тут — нету их! Ну, правда! — Петрович попытался откинуть уголок Светочкиного пледа, но та резко завернулась обратно.

— Да она боится! Даже если один укусит за нос и след останется — не переживет! — засмеялся Игорь. Светочкина паранойя уже веселила его.

Он торжественно достал из сумки бутылку коллекционного красного вина.

— «Риоха» — 98-го года! — Голос Игоря зазвучал, как на престижном аукционе.

— Может, это, чего покрепче, на природе-то? У меня вон самогонки нагнано — не желаете? — услужливо предложил Петрович.

— Нет, спасибо. Не хватало только тут отравиться «паленкой».— Игорь манерно вдохнул из пластикового стаканчика терпкий запах «Риохи». «Интересно, где тут этот букет все находят?» — подумал он, и медленно, морщась, выпил красную тягучую жидкость.

— Ну чего это... сразу отравиться-то... Нормальная самогонка! Проверенная! Ну, не хотите, как говорится — не надо,— обиженно пробормотал Петрович, помешивая угольки в костре.

— А что, Матвей Петрович, Снежный Человек не живет в этих местах? — поинтересовался Игорь, чтобы как-то снять возникшее напряжение.

— Какой еще Снежный Человек? — сразу заволновался старик.— Нет тут никого. Только нерпа ладожская. Вы вот купаться если вечером вздумаете где — песни пойте или разговаривайте громко.

— Это еще зачем? — изумился Игорь.

— Ну как,— Петрович хитро сощурил глаза.— Нерпа то нынче наглая пошла — улов прямо из судков тащит! Снасти рвет, лень самой-то охотиться. Так рыбачки-то местные дюже злые на нее! А внешне она больно уж на людей похожа — глазастая!

Неровен час, пловца за нерпу примут. Да, не разобрав, веслом по голове и у... — дед опасливо покосился, на сделавшую страшное лицо Светочку.— Короче, получить можно сильно. А потом уже будут ли разбираться — чего это нерпа так ругалась, когда ее по голове били? Народу-то мало тут — на нашей стороне вообще никого.

— Ну-у, это же скучно так жить! Одному в глуши. А так бы телевидение у вас все время гостило, репортеры. Продукты привозили, да и напитки поцивильнее, чем Ваша эта самогонка,— подала голос Светочка из своего клетчатого укрытия.

— Да на черта мне сдалось ваше телевидение! — еще больше забеспокоился Петрович.— Вон, я читал прошлый год в журнале. Нашли в тайге одну семью — Лыковых. Стали к ним приезжать, телевидение там, из газет люди. Так, почитай, всех уже в могилу свели, своим вниманием! Одна Агафья осталась, да и то болеет, говорят. А не трогали бы их — может, по сию пору, все были бы в целости.

— А Ваша семья давно здесь живет? Чем родители занимались? — похоже, Светочка решила собрать досье на старого отшельника.

— Давно, и отец тут жил, и дед. Отец лесником был, мать по хозяйству. Перед войной отец ногу сильно повредил на охоте — в расщелину провалился. Дали инвалидность, в армию не взяли. Когда финны снова пришли — они его так лесником и оставили. И мы тут, при нем, остались с матерью.

— Матвей Петрович, а что это за камень такой забавный у вас на самом краю скалы стоит? — вспомнил Игорь про свою вечернюю находку.

— Этот камень называется СЕЙД,— Петрович важно поднял палец кверху.— Вы с ним аккуратнее. К ним с уважением надо. Он, считай, чуть моложе, чем сама матушка-Земля!

— А как Вы его на маленькие камешки поставили? Чем? И для чего он?

— Никто его никуда не ставил. Он сам пришел к нам. Раньше он в другом месте был — на острове. Там жил когда-то старый НОЙД — шаман по-вашему. Никто не знает, откуда он там взялся — но все, кто эту землю завоевывал — уважали его и боялись. Он никому вреда не причинял — и они его не трогали. Давно умер. Лет двести назад.— Игорь и Светочка удивленно переглянулись.

— А прадеды мои, вроде как, взялись камень тот беречь.— Петрович, откинул палочкой из костра чадящее полешко.— Это — особенный Сейд. Белый. В нем живут духи предков.

— Кто? — Игорь, даже поперхнулся «Риохой».— И зачем они там живут? — с легкой усмешкой спросил он. Игорь терпеть не мог, всякие такие антинаучные сказки.

— Ну как зачем? — Петрович сделал вид, что не заметил улыбок на лицах гостей.— У человека век короткий. Не все успевает увидеть, постичь и по наследству передать. А камень общее знание хранит, когда надо может помочь, направить.

— А когда надо? — Игорь продолжал снисходительно улыбаться. Забавный старик!

— У мужчины вешки поворотные в жизни есть, когда он выбор свой должен правильно сделать. Первая — в семь лет, потом в двадцать восемь и последняя — в сорок восемь. Древние считали, что в дни, когда возраст этот наступает — лучше ночь возле Белого Сейда провести. В одиночестве. Все так делали — и отец мой, и дед. И брата отец повез, когда его седьмой день рождения настал. Только вот не повезло ему.

— А что случилось? — Огонь, осветил красивое лицо Светочки. В широко открытых глазах был неподдельный интерес.

— В тот день,— продолжал Петрович,— на Ладоге случился сильный взрыв. Что-то упало в воду. Остров весь огнем пылал. Белый Сейд — вдребезги разнесло. Да и братишка пострадал. Остались только эти вот камешки. Отец мой собрал их и сюда

привез. А через какое-то время он снова появился на своем старом подпоре. Прям вот так вот, с утра встали — а он стоит тут. И деревья все в лесу переломаны в его ширину. Так что мне и ездить никуда не пришлось, как время пришло. Тут он. Жаль только мне везти некого — детишек нет у меня.— Петрович грустно посмотрел на пламя костерка.

— А у брата вашего?

— И у него нет.

— А это, у какого народа так принято? Ну, с камнями детей оставлять?

— У саамов.

— А Вы — саам? — все не унималась любопытная Светочка.

— В паспорте «русский» написано было, когда графа такая в нем была. Но отец говорил, что среди предков и саамы были, их еще лопарями называли. Вообще, отец мой людей на породы не любил разделять. Разве что так, для сохранения традиций. И нам не велел. Все по одной земле ходим. Значит, все одинаковые.

Сам-то, как узнал, что из Ленинграда деток по Дороге жизни увозят — спасают, значит, от голода — наладился через финские и немецкие посты время от времени туда через озеро ездить — дежурить. Очень он детишек любил — всем им пытался помочь чем мог. Там, ежели машина в полынью уходила — колонне нельзя было останавливаться. Даже если кто тонул, не останавливались — приказ! А он их вытаскивал — кого мог, и к нашим санитарным палаткам отвозил, в Осиновец. Много жизней спасенных на его счету...

— Так до Дороги жизни-то еще пол-озера отсюда проехать надо! — Игорь, уже не в первый раз испытал непреодолимое желание поставить «старого вруна» на место.— Как же он, блин!

— Да аэросани у него были,— снова складно отпарировал Петрович.

Игорь только головой покачал. Эти аэросани, если даже они и были — в самом Ленинграде бы слышно было! А уж чтобы через посты незаметно проскользнуть — об этом и речи быть не могло! Ну чего связываться со старым-то человеком. Видать, хочется ему отца героем помнить. Его право — им-то чего! Послушают — не развалятся. Его папа тоже, бывало, как начнет «байки» травить — не остановишь.

— Матвей Петрович, а у женщин во сколько лет такие «вешки» поворотные бывают? Ну, когда изменяться можно? — поинтересовалась Светочка.

— А бабы,— Петрович вежливо кашлянул в кулак,— женщины, то есть — уже готовые рождаются. Надо только мужа правильно выбрать да детишек рожать. Не спорить с природой-то. А сами они от рождения и до смерти одинаковые.

— Ага,— язык Игоря уже немного заплетался.— Если стервой, родилась — так ею и умрет!

— Ну что вы ерунду говорите такую! — Светочка обижено посмотрела на них.— Что же, женщины совсем, что ли, не изменяются?

— Ну почему же! — Петрович хитро сощурил глаза — Меняются! А как же! Вначале титьки маленькие. Потом такие большие, красивые вырастают. А к старости все обратно сморщивается. Очень даже меняются!

Игорь откинулся на траву и громко захохотал. Петрович, тоже трясся от смеха, похрюкивая в бороду.

Светочке перестал нравиться разговор. Отряхнувшись от сосновых иголок, она встала и, надувшись, побрела в сторону туалета, одиноко стоявшего на краю поляны. Через какое-то время из леса, со стороны, куда ушла Светочка, послышался громкий гул.

— Эх ты! Чтоб тебя! Сейчас приду.— Дед, перестав смеяться, резко вскочил.

— Это что? — заволновался Игорь.

— Не боись! Это — птицы шумят. Птицы лесные. Все нормально.— Петрович быстро посеменил в ту сторону, откуда все еще раздавался шум.

«Неправильный он какой-то. Живет, вроде, один в лесу, а ни собаки у него, ни кошки. Странно все это...» — подумал Игорь. «Да, черт с ним! Завтра та-акую поедем красоту смотреть! Не до дурацких мыслей будет! Да и Светка завтра начнет свои купальники демонстрировать. Или наоборот, все снимет!» — Игорь мечтательно закатил глаза, представив голую Светку на фоне своего шикарного катера.— Красота какая! Картинка, как в рекламе — «Жизнь американских миллионеров».— Он втянул воздух, и ему показалось, что он уже слышит, томный аромат парфюма, приятно смешивающийся с запахом новой, кожаной обшивки.

Истошный женский крик оборвал похотливые мечтания Игоря. Он вскочил, и бросился по тропинке вслед за Петровичем.

* * *

Еще в туалете, Светочка услышала рядом гулкий странный вой, затем со стороны фьорда затрещали кусты. Стало как-то неприятно. Может, волки? Она перестала дышать и посмотрела в щелочку — никого не было. Она постояла еще немного. Было тихо. «Наверное, птицы».— подумала Светочка и смело шагнула на тропинку. Вдалеке мерцал костер. Она быстро направилась к нему. Ей вдруг показалось, что кто-то смотрит на нее из глубины леса. Светочка ускорила шаг. Быстрее, еще быстрее! Какая-то большая тень мелькнула среди кустов. Опять все затрещало, потом снова раздался гул. Где-то совсем рядом зашевелились ветки. Светочка ускорила шаг. Ей уже стало не хватать воздуха, и перехватило горло. Собрав последние силы, она закричала. Неожиданно, из темноты, прямо на нее выскочил человек.

— Петрович, блин! Разве можно так неожиданно из кустов выскакивать? У меня чуть инфаркт не случился! — Светочка схватилась за сердце похолодевшими руками.— «Вот старый маньяк!» — подумала она: «Живет тут один в лесу — совсем одичал! Бр-р-р! Надо уже спать идти, а то напьются вконец оба! Скорее бы завтра! Уплывем вдвоем на острова!»

Глава 5. Камень

Светочку сморило в тот самый миг, когда ее красивая головка коснулась цветастой наволочки.

«Дитя мегаполиса. Наверное, получила кислородное отравление»,— усмехнулся про себя Игорь. Ему не спалось.

Белый камень на берегу был хорошо виден из их окошка. Сверху он чем-то был похож на гигантского бегущего дикобраза. Он чем-то притягивал к себе Игоря.

Он понимал, что история с камнем — всего лишь красивая сказка. Но она понравилась ему. Выпитая по случаю «Риоха», и предстоящая дата настраивали на мистический лад.

Ему вдруг захотелось его потрогать, прикоснуться щекой к шершавой поверхности. Интересно, а он холодный или теплый?

Игорь заботливо накрыл простыней загорелые плечи Светочки. Она что-то смешно пробормотала во сне, и перевернулась на другой бок. Затем зачем-то, видимо, машинально надел очки и вышел на улицу.

Луны не было видно, лишь в тоненькой ниточке, парящей в небе, угадывались ее очертания. Завтра должно быть новолуние.

Игорь осторожно шел по тропинке к краю фьорда. Загадочный камень был все ближе, ближе.

* * *

Первый утренний лучик, который еще секунду назад робко выглядывал из-за горизонта, вмиг окреп и бесцеремонно начал прожигать тонкую кожу век сквозь стекла очков.

Игорь, ослепнув от внезапно нахлынувшего на него утра, замахал спросонья руками, пытаясь отбиться от щекочущего назойливого гостя. Белый камень, прижавшись к которому он проспал всю ночь, оставил на лице рельефные полосы. Камень оказался очень теплым и судя по проведенной на нем ночи, даже удобным. Игорь спешно вскочил, отряхнулся и пока никто не видел его, пригнув голову, на цыпочках побежал в сторону дома.

Светочка сладко спала, раскинувшись на цветастой кровати. В комнате приятно пахло сеном, которым были набиты подушки. Игорь тихо разделся и юркнул под нагретую ее роскошным телом простынку.

Продолжение следует

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

КОНВЕРТ БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Ростовчанин. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4). Публиковался в зарубежных журналах: "Edita" (Германия), «Процесс» (Чехия), «Новый свет» (Канада), «Лексикон» (США), «На любителя» (США), «Артикль» (Израиль) и других. В центральных российских изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Приокские зори» (Тула), «Смена», «Мы», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и К^0», «Наша молодежь», еженедельнике «Литературная Россия». В региональных изданиях: «На русских просторах» (Санкт-Петербург), «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород) и других. Автор девяти книг. Причислен к направлению «жестокого» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь! — рубил воздух ладонью в такт хлестким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчиненного — командира учебной роты майора Ишова.— Лучшая рота! — брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат.— И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустранились от личного состава! Не живете жизнью подразделения!

— Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур...— вклинился было в критический монолог Ишов. Но — напрасно...

— Молчать! Молчать, пока я вас спрашиваю! — едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания.— Меня пустые словеса не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас — засучайте рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчиненного, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронесся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чекой. «Взрыв» последовал незамедлительно...

* * *

Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестоматийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истероидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорет в казарме хотя бы раз за полдня, то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковер» к начальству — пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения,— как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчиненным (обходное защитное поведение), восполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же изначально низкая культура — Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика — и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать собственную неправоту перед подчиненными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» — а именно под ее прикрытием Ишов и ночевал у любовницы — ротный моментально вызверился на комвзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

— Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперек, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! — никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

— Да что вы все ко мне с этими ср...ными простынями поприцеплялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведен должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причем во всей казарме единовременно. Итак...

* * *

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательств: лексикон у ротного был небогат, но ярок.

— Почему, блин, дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна — к такой-то матери, заняться нечем? В казарме, блин, сплошная грязь, а они болтом груши околачивают! Почему пол ни хрена не намастичен? Бездельники! Скоты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ощущать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же — сто восемьдесят девять подчиненных, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться! — и цементировал щели в пьедестале царя и бога подразделения, который бесцеремонно пошатнул комбат.

Тр-рах! — слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

— Идиот! — чуть не с кулаками набросился майор на дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок.— Чокнулись, блин, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так?! А по тревоге побегут — друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьезный вид,

поскольку изнутри его распирали и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снедаемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить ее на кого-то еще, помимо наряда по роте, и он прорычал:

— А ну, кто еще из бездельников в наличии?

— Так все ж в учебном корпусе, на занятиях,— осторожно ответствовал дежурный.— А старшина с каптерщиком на вещсклад ушел. Один Рязанцев в подвале паяет.

— Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот Умелец наработал,— с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал...

* * *

Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним по прибытии вчерашнего призывника в подразделение не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худощавый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найденыш. Младенцем на задворках вокзала подобрали. Родители не объявились — отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужцев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку — направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатура, но может и другое: класть кирпичи, плитку, по-плотницки, электриком. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную.

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос — из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это при сроке-то службы в неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь Свой дом — то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу. Только обязательно от нормы, чтобы можно было сверх нее сколько-то давать и за несколько лет как-то скопить на этот свой угол.

— Это ты про квартиру, что ли? — решил уточнить замполит.

— Не-е... Про частный угол,— разъяснил солдат.— Квартиры мне не дадут.

— Почему ты так думаешь? — удивился ротный идеолог.

— Я не думаю,— поскучнел Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее.— Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься — куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут... Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатешку...

— Ну и много детей-то в своем углу по «дембелю» настрогать распланировал? — с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянулся, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

— Не меньше как трех,— серьезно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев.— Не-е, может, четырех?

— Дурное дело нехитрое,— язвительно усмехнулся ротный, некстати вспомнив свое собственное детство, щедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестер, сроду не принося домой ни копейки.— Только потом-то чем рты прокормишь?

— Руки прокормят. А они — вот они,— протянул вперед ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные.— Не-е... Прокормлю. Говорю — по-всякому работать могу.

— Это мы еще проверим,— с долей скептицизма заявил Ишов.— Шагом марш к старшине: в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня... Умелец!

Но Умелец — как быстро и окрестили Рязанцева в роте — свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдергивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: разного текущего ремонта в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хэбэ», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалете. И никогда за время службы на ее тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязанцева на обеде кусок хлеба — я, значит, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошел, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлеборезочной уже после еды и просить вроде как добавку — горбушку. На третий день женщина-хлеборезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жестко пресек ее раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилке к Рязанцеву — со своей разборкой: настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

— Не-е... Я в жизни никого не закладывал! А вот ты — тормоз. Пайку-то мою при всех, нагляком, отнимал. А шакалы — они ж тоже не слепые. Тебя и взяли за задницу.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музвзвода:

— Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты че, блин, туго всасываешь? — И несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: — Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

— Не-е...— не взял портянок молодой солдат.— Я тебе не чмырь!

— Ты че, салага, совсем охренел? — ухватил Рязанцева за ворот музыкант.— Че, службу, блин, понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему и оторвал ее от кителя. После чего только и ответил:

— А че ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых по-всякому трахали.

— Так ты сильный, блин, да? Тогда готовься — ночью подымем; за базар, душара, ответишь! — пригрозил разозленный музыкант и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени.

Но тут Рязанцев его остановил:

— Не-е... Ты не убегай... Толпой-то вы мне по бороде быстро настучите — и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

— Это как, салага? — даже развеселился музыкант.— Ну-ка, не понял...

— А просто,— пояснил Умелец.— Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один крутой раз стипуху отнял, ну я ему назавтра полбашки и снес. Три месяца в «травме» отдыхал. А бил сзади — оно таким макаром вернее. И учти: я свое слово всегда держу!

— Ты че, опупел, что ли? — пошел на попятную «дед».— Тебя ж тогда посадят...

— Не-е... Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего — тюрьма ли, армия, детдом — мне все едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятерых. Подъем-отбой, невкусная жратва по распорядку. И без зарплаты... Не-е, мне терять нечего. А вот тебе...

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя подмять не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть лямку солдатской службы — то подштукатуривая казарму, то беля ее изнутри, то ремонтируя нехитрую «военную» мебель: табуреты в спальном помещении, стулья и столы в ленинской комнате. В последние же дни переквалифицировался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло — формы одежды, уличной температуры — плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев мараковал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху...

* * *

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Перейдя через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними, посредине помещения, чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлекшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку, «разбор полетов» в кабинете комбата и дурацкое падение в казарме мгновенно выплеснулась в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванулся к бутылке с водочной этикеткой, словно взбешенный бык к красной тряпке, ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» — резко плеснул содержимым стеклотары поперек лица удивленно поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул еще раз.

— А-а-а-а! — дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо.— А-а-а-а!

— Э-э, ты чего? — опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, ч т о и м е н н о он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же ее и принес в этой самой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горюче-смазочных материалов учебного полка. Из ядовитой техжидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

— Ну, ну,— засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не переставшего голосить, и все старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожженных мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазными нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув, наконец — глаза у него вроде не пострадали,— ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

— Ну, ты чего? Сейчас промоем — и все будет нормально,— уговаривал Ишов.— Ну, ведь не больно уже, правда?

— Не-е...— наконец отозвался солдат.— Жжет. Сильно...

— Сейчас, сейчас,— и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увез пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожженное кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

— И как же тебя угораздило? — спросил потом у Рязанцева хирург.

— Не-е... Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там — кислота,— пояснил детдомовец.

— Он что, с ума сошел? — возмутился военврач.

— Да ладно,— примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: — До свадьбы-то ведь заживет? — И тут же поморщился: — Жжет все-таки еще.

— Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть,— посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. И взялся за телефонную трубку — сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

— Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся? Не-е, мне со следами никак нельзя, да?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

— Уводите, уводите больного...

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты...

* * *

— Проходите, присаживайтесь,— произнес пасмурно-официально, указав Ишову на стул в торце длинного стола в своем кабинете, командир полка. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с проштрафившимся офицером взглядами не встречаться.

— Я давно замечал, товарищ майор,— ровным, бесцветным голосом заговорил комполка,— что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки уставов. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прощалось. Да и защитник всегда был — ну прямо отец родной,— кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата,— он же и учитель. Зря, что ли, во время оно в его взводе сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придется? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

— Да не знал я, клянусь, правда, не знал, что там не водка! — мрачно пробурчал Ишов, и сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

— А следовало б поинтересоваться...— комполка сделал ударение на глаголе сослагательного наклонения.— Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это еще не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителю воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей строгости закона — я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

— Так сразу? — Комбат тяжело оторвал взгляд от полированной столешницы.— А может, можно было... как-то...— и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

— Нет, нельзя,— спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: — Объясните.

— При средних и тяжких телесных повреждениях — скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьезный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру,— буднично сообщил тот.— Ее сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь — оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своем решении превентивно поставить в известность прокурора о... хм... ну, в общем, понятно. И еще. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой — наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся,— но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот лечатся месяцами, и, тем не менее, на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу — неизгладимое обезображивание лица...

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, и он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Ишова наконец-то дошла вся серьезность его положения с перспективой попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набычившись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией, на повышенных тонах, зачастил:

— Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша...— и на секунду запнулся...— в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылазил? По-русски ж говорю: почем я знал!

— Молчать! — слегка приподнялся в кресле комполка.— Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидыш! Да для суда какая разница! Ладно, сядьте пока да помолчите...

— Офицеру в руках себя держать уметь надо,— басом прогудел зам-астматик, наконец, отдышавшись.— А ты бутылкой махал — не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил, и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски...

— Анатолий, прекращай истерику! — сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу.— Знал, не знал — не о том сейчас речь.

— О чем же? — вступил в разговор замполит полка, меж тем как Ишов медленно, горбясь, опустился на неудобный стул.

— О том, как из создавшегося положения достойно выйти,— пояснил начштаба.— Закон законом, но он ведь, по поговорке, что дышло... Да и с прокурором... Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

— Сомнительно...— качнул головой комполка.— Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

— А солдата? — вспомнил о пострадавшем замполит.

— А что солдата? — отозвался начштаба.— Подлечат его в госпитале — специалисты-кожники там хорошие...

Старший врач части беспокойно побарабанил пальцами по столу.

— Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли...

— Отставить! — голосом и жестом остановил его комполка.— Напротив, все понятно, и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля — в порошок растер...— И полковник леденяще уставился на виновника экстренного совещания. Больше на нем выражение «неизгладимое обезображивание лица» никто не употреблял.

* * *

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда — беспокоиться больше не о чем: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор — в соседней палате. Чего еще желать? Лишь бы лицо...

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было полюбопытствовал, из чего она делается, но, услышав незнакомые слова — «ферменты» и «гормональная терапия»,— махнул рукой: мол, ладно, вы свое дело знаете...

Однако через несколько дней лечения внимание к Рязанцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу наведывался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

— Не-е... Что ж я — дурной, себе лицо травить? — яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул.— Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упади бутылка — ну, руку бы обжег. Не-е...— И без всякого перехода сменил тему: — А товарищу майору что будет? Ведь он же это... как его... рукоприкладство, ага?

— Разберемся,— туманно пообещал следователь-капитан.

...Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор...

* * *

На двадцатый день явно незавершенного лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умельца из госпиталя выписали — по личному распоряжению его начальника.

— Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно,— неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

— Это как? — не понял тот.

— В санчасть из роты ходить,— допояснил офицер.— Помолчал и еще добавил: — Ну, это потом, а пока еще в палате полежать придется...

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умельца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять — и Рязанцев стал ощущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьезно обеспокоился за будущее собственного лица. Вынимая из кармана синей пижамы восьмигранное зеркальце и критически вглядываясь в него, он со страхом отмечал, что...

Правая глазная щель расширилась, почти округлилась.

Левая, напротив, сузилась до щелевидной формы, словно у наций Востока.

Переносицу, в центре горбинки, пересекал глубокий и толстый рубец.

Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и пятнали щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее, Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большой мере сотрутся, загладятся.

Верил — пока не произошел инцидент в курилке...

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучился к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньжата там появились поболе стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии, на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизировал на корню старшина — на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткань для подворотничков и много иного,— с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы, в редкие минуты отдыха, Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сем щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал.

Ждать он умел.

И порой его угощали целой сигаретой или оставляли солидный бычок — окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но — не всякий раз фартило — порой безденежному солдату приходилось «натощак» слушать разговоры о Д о м е, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

...Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ущербным...

В госпитале Умельцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал Рязанцеву его «кровные» рубли — дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне, на одном из построений роты, Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только какая б... на Рязанцева пальцем покажет или обзовет, или вообще — лично, вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошел не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были засланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата, и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких — тот самый здоровяк, который в начале призыва какое-то время отбирал у детдомовца хлеб,— похвалялся в курилке:

— Перед самой армией я отцу как следует рожу наквасил, когда он в очередной раз домой «на рогах» приполз. Ох, и мордовал: за все сквитался! И приду домой — с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

— Не-е... Какой ты хозяин,— неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев.— Тут родителя-то отдубасить маловато... Ты вот сначала С в о й Д о м заимей...— И мечтательно добавил: — Эх, если бы у меня отец был... Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

— Ну, ты, подкидыш! — неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк.— Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой — и сиди, помалкивай!

— Ты че, офонарел? — ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

— Он и так ни за что пострадал,— заступился за Рязанцева еще один солдат.— И вообще, разве не слышал, что ротный сказал...

— Да клал я, кто там чего сказал! — не дослушав, перебил защитников Умельца вконец разозленный здоровяк.— Ни за что, говоришь? А вот не хрена было по подвалам отсиживаться! В «учебке» — учись, а то ишь, хитрозадый, пригрелся под боком у старшины! И туда же: отец! У него! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что — за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя...— И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: — А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

— Это еще почему? — тихо вопросил Умелец.

— Это еще потому, как суродовали тебя — пусть и зазря, но до гроба, а за такого страхоидола... Да ну, ни одна дура зрячая не пойдет! — выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцеве. Детдомовец медленно поднялся с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками, побрел из курилки.

Из страха перед командиром роты все свидетели растоптанной мечты о Д о м е впоследствии долго об услышанном и увиденном не распространялись.

* * *

Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор. Со стороны солдат — пока неосознанный, а вот со стороны офицеров...

Через день после того памятного для детдомовца эпизода в курилке, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложившийся всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста. Слева от него, напротив Умельца, рядком уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

— Товарищи офицеры, товарищ рядовой! — начал отрепетированную речь следователь.— Напоминаю вам, что восьмого августа сего года, по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения, была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведенного мною расследования было установлено, что в тот день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А.Н., находясь в подвальном помещении подразделения, выплеснул в лицо своему прямому подчиненному, рядовому Рязанцеву С.И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинен обширный химический ожог верхней части лица, без ущерба для зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчиненного и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью

114 Уголовного кодекса РСФСР «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправработами на срок до одного года или общественное порицание...

Следователь выдержал паузу — опять-таки для солидности — и закончил речь:

— Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и ходатайство командования части, военный прокурор гарнизона счел возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении его меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Еще следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесет. Однако неоднократное рассматривание не заживших еще до конца шрамов и отталкивающе-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

— Не-е... Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать — и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

— Ну, я же уже объяснил: все решит суд офицерской чести.

...Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишову неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» проштрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напрочь отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчиненному два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашел комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишову страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке — лицо подразделения, а ты, мать твою растак, урода на нее додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречен «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишову не составляло проблем,— и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжелая и грязная работа. И еще. Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвала у Урода закономерную перемену в отношении себя.

* * *

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид ко-

торого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жесткий запрет командира учебного полка.

— Даже и не мечтайте,— прищурив на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть.— Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать — каптенармусом или еще кем, найдем. Лицезрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вам три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадлежащее хранение ЯТЖ, за оскорбление насильственным действием подчиненного и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица. Или что — ребенок, не понимаете, что следователь по указанию военного прокурора комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с недолеченными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошел: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай бог я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чем-то ущемили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Все ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирады Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато распиравшую его злобу частично перенес на весь личный состав роты, еще более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о Д о м е — единственную мечту обделенного жизнью о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал без острой нужды пускать его в кладовую, ранее облагороженную мастеровитыми руками рядового.

А однажды утром, перед разводом на учебные занятия, к Ишову обратился сосед Рязанцева по койке: в казарме они в спальном помещении располагались сдвинутыми попарно.

— Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого урода,— попросил солдат.— Ну, каждый день при подъеме, да и вообще, невмоготу эту страшную рожу видеть...

И сначала заочно, а затем и в глаза Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него...

* * *

Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвали у Урода закономерную перемену в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей части окурок. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнем углу военного городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает, о чем размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистотой одежды, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть...

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпадали с серединой осени — «унылой порой, очей очарованьем». Однообразная монотонная жизнь в казар-

мах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учебки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешенно: свою дальнейшую армейскую судьбу — каптерщика в роте Ишова, до самого дня «дембеля»,— он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил в туалет, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил — погладиться там или подшиться,— то на лицо свое совсем не глядел и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

...В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчиненных, чтобы вновь поднакопить растраченную за день энергию. Скажи кто майору, что он — «грязный» энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убиравшийся в бытовой комнате. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирал полировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовку заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

— Ты! Урод хренов! — завопил майор.— Ты, сука, долго еще будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба, блин, медом кажется, от безделья исстрадался? Или, может, жениться в роте вздумал — дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки!

Помолчал, наблюдая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со смаком выговорив слово:

— Урод!

— Не-е... Это вы сами меня им и сделали,— звеняще тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

— Ладно-ладно,— пошел ротный на попятную, вспомнив обещание комполка в отношении «крестника»: кто его разберет, полковника, а вдруг перерешит да и отдаст прокуратуре на растерзание,— тебе же по-русски разъяснили: без умысла все получилось, нечаянно...— и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висящим, с высунутым языком, в петле под потолком туалета, солдата передернуло, и он подумал: «Не-е... Почему я?»

...Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

— Какого еще? — недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошел и молча прикрыл за собой дверь.

— В чем дело? — нахмурился ротный: визит Урода его подспудно обеспокоил.— Не видишь, я занят!

— У нас в детдоме говорили,— разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову,— говорили, товарищ майор...— И вдруг выхватил из ножен на поясном ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко ударил офицера в грудь, метясь в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: — За нечаянно бьют отчаянно!

* * *

— Да, я хотел убить ротного,— сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры.— Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что — сами знаете...

...Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, начав уход от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клетки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклоненный майор, силящийся вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со смаком выговорив слово:

— Отчаянно!

...И судил рядового Рязанцева военный суд за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

* * *

— За нечаянно бьют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! — усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и подчиненного отнюдь не разделял.

— Считаешь, дешево отделался, да? Все ранением своим решил? Рано в литавры бьешь: ты еще этого фрукта увидишь. Мыслю, он и через семь лет тебя достанет. Хотя...

— Да ну, ерунда,— отмахнулся Ишов.— Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

— Это ты ситуацию сам до пиковой довел,— возразил комбат.— А мы еще и помогли. Думать надо было...

— Поэт сказал про армию: «Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит»,— попытался свести разговор к шутке Ишов.

— Вот уж в корне не согласен,— пожал плечами комбат.

— Ладно, чего уж теперь,— вздохнул ротный,— раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта...

Но... Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на свое имя толстый почтовый конверт без обратного адреса и с надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на плотный картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчиненного. Минувшие годы сделали свое, и шрамы уже не

столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немым укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; прочный картон отчаянно сопротивлялся. На остатках снимка комбат истерично сплясал, выделывая хромовыми сапогами неуклюжие па. Настроение было испорчено мерзопакостнейшим образом.

...С тех пор каждый год, и именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, ч т о и м е н н о окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет свое. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заученные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на знаковый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлек из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?.. А-а, какая, по большому счету, разница?

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчиненного в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

Виктор Хромов
(г. Москва)

КАК ЗДОРОВЬЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ

Полковник в отставке. Член Российского союза писателей. Диплом финалиста литературной премии «Наследие».

Мне представляется, что жизнь — это единый неразрывный день, в котором прошлое, настоящее и будущее связаны прочными нитями.

Н. М. Харламов «Трудная миссия»

Адмирал Харламов Николай Михайлович жил тремя этажами выше в доме на Крымском Валу. Этот дом и сейчас примечателен москвичам своим цоколем, отделанным великолепным темно-коричневым гранитом. К тому времени адмирал по возрасту ушел в отставку, но продолжал весьма активную общественную деятельность. Моего тестя Николая Васильевича с адмиралом связывала долголетняя совместная служба, а в последние годы — дружеские соседские отношения.

Как-то тесть принес с работы небольшую книжку с интригующим названием «Реквием каравану PQ-17». Чудовищная трагедия в истории Второй мировой войны, виновником который был Дадли Паунд, глава Королевского флота Великобритании, отдавший приказ: «Конвою охранения — рассеяться!» Бóльшая часть судов каравана союзников, шедших с военным грузом в Архангельск, была потоплена немецкими подводными лодками. И я снова и снова возвращался к жутким картинам «как со стоном умирали транспорты, а на их палубах танки и паровозы, словно обезумев, расшибали грузовые контейнеры». В книге несколько раз упоминался военно-морской атташе при посольстве СССР в Великобритании контр-адмирал Харламов.

Автор романа Валентин Саввич Пикуль, бывший юнга Северного флота, имел полное право назвать его «Документальной трагедией». Спросил тестя, — почему роман не столь известен, как того заслуживает? Он, как бы между прочим, заметил,— исторический роман всегда современен, но, к сожалению, бывает не в угоду дня. Что он имел в виду, я понял, когда стал свидетелем интереснейшего разговора.

Однажды, придя с работы, еще в прихожей услышал доносящийся из гостиной басовитый голос, который волнами растекался и заполнял все уголки квартиры. Заглянув в гостиную, увидел адмирала и тестя сидящими за столом, на котором стояла объемистая бутылка коньяка. Увлеченные разговором, они почти не заметили моего появления.

— Я несколько раз обращался с рапортом о переводе на действующий флот,— продолжал адмирал. Осенью сорок третьего посла Майского и меня вызвали в Москву. Готовлю отчет о работе миссии. Меня сильно беспокоит прошлогодний разговор с лордом Паундом. Погорячился, сказав этому старому, хитрому барсуку: «Союзники

так не поступают!» Из-за его приказа на дно Баренцева моря ушло вооружение для целой армии, — помнишь, Николай Васильевич, — так необходимого нам в решающем сражении под Сталинградом. Но, как расценят этот разговор в Ставке? Ведь атташе не должен вмешиваться в дела посольства.

Вот с таким настроением покидал Лондон. Попрощался со своей Анной Антоновной, подержал на руках Коленьку. Сказал Танюшке, чтобы слушалась маму.

По приезду в Москву остановился в гостинице. Майский получил назначение — стал заместителем наркома иностранных дел. В тот вечер я должен был с ним встретиться, но меня неожиданно вызвали в секретариат Сталина.

Пока ждал машину, мне позвонил Ворошилов. Он знал меня еще по Севастополю, когда я командовал крейсером «Ворошилов».

— Товарищ маршал, не могу сейчас к Вам прибыть. Меня к Сталину вызывают.

— А...— протянул Климент Ефремович, и в трубке сразу же раздались короткие гудки. Это озадачило.

ЭМКа остановилась у Спасской башни. Умытая дождем брусчатка, зубчатые стены Кремля и голубое небо. Увижу ли я это снова?

Поскребышев (секретарь) проводил в кабинет. Сталин кивком ответил на мое приветствие. Медленно расхаживал вдоль стола. Тягостное молчание. Подошел ко мне и с густым грузинским акцентом произнес:

— А как здоровье английской королевы?

Дорогой Николай Васильевич, что я ответил, не могу вспомнить, и по сей день. Сталин усмехнулся. Жестом указал на стул. Раскурил трубку. А я почувствовал себя капитаном, сумевшим во время шторма «выбросить корабль на берег».

— Вот что, товарищ Харламов, сейчас мы не можем удовлетворить вашу просьбу о переводе на действующий флот. Мы отозвали посла, и одновременный отзыв главы военной миссии будет неправильно понят союзниками. Придется вам еще поработать на этом посту.

— В Англии много сторонников второго фронта. Главный противник — Черчилль.

— Как Черчилль ни брыкается, рано или поздно он вынужден будет открыть второй фронт. Ваша задача — ускорить это дело.

Разговаривали с четверть часа. Сталин вышел из-за стола:

— Советское Правительство присвоило вам звание вице-адмирала.

А вот погоны мне вручили только через год, после открытия второго фронта, точнее — после первого десанта союзников в Нормандии.

Николай Михайлович был прекрасным рассказчиком. Его баритон, временами оттягивающий в басы, и безупречная дикция завораживали.

В гостиной напольные часы пробили «склянки».

Адмирал поднялся. Да простит читатель за романтику, в этот момент он казался капитаном, стоящим на мостике этакого непотопляемого и вездесущего рейдера.

Провожая гостя, тесть кивнул в мою сторону, — тут интересуются, отчего роман Пикуля малоизвестен?

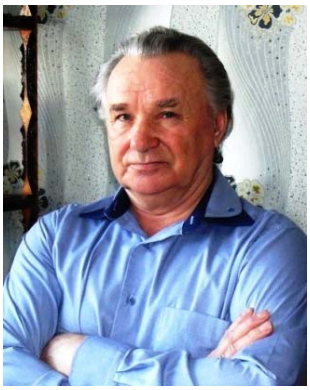
Николай Михайлович, с профессиональным изяществом дипломата, ответил:

— Молодой человек, а как вы считаете, — все ли «спокойно в датском королевстве»?

Прошли годы. Тревожное предчувствие не обманывало мэтра российской дипломатии. Вскоре в Россию пожаловала «Наша подружка»*, и в холодные воды Атлантики, эту извечную колыбель всех флотов мира, продолжая «трудную миссию», вышел большой противолодочный корабль «Адмирал Харламов».

---

* Маргарет Тэтчер, премьер-министр Великобритании, (1979—1990 гг.) считавшая своим кумиром во внешней политике Уинстона Черчилля.



Василий Бабушкин-Сибиряк
(г. Назарово, Красноярский край)

СЕРБИЯНКА

Потомственный сибиряк в четвертом поколении, из староверов. Работал в тайге на реке Ангаре егерем, лесником, сейчас пенсионер. Образование высшее. Женат, три дочери и внучки. Пишет о жизни тайги, о животных, об экологии и сибиряках. Печатался в российских и зарубежных журналах и газетах. Печатается под псевдонимом, настоящее имя — Гусев Василий Кузьмич.

В ночь на 12 июня 1999 года российские десантники вступили на территорию Косова. Сербское население встречало российских солдат цветами, как спасителей и освободителей.

В семь часов утра 12 июня 1999года колонна ВДВ России заняла аэродром «Слатина» и организовала на нем круговую оборону.

Оставим политикам и историкам разбираться, искать оправдания войскам НАТО и действиям российского руководства, но двести шесть русских солдат оказались достойными памяти своих отцов, освобождавших Югославию от гитлеровского фашизма.

Они доказали, что не было предательства русского народа к братьям сербам, а то, что Россию предали саму, истории еще предстоит доказать.

Среди этих десантников был молодой парень из Сибири Антон Сапожников. Он служил в миротворческих войсках еще всего год и никогда не думал, что судьба вот так запросто сможет осуществить его детскую и юношескую мечту побывать в Сербии.

Антон родился перед началом того времени, названным перестройкой и которое оказалось страшнее второй мировой войны, так как принесло не только распад страны, голод и нищету, но и страшную разруху в душах людей.

Отца Антона Отечественная война успела отметить. Его призвали на фронт в сорок четвертом, и он получил боевое крещение в Югославии.

Вместе с югославскими партизанами наши войска взяли в окружение выходившие из Греции части армий «Е». Были бои с большими потерями с обеих сторон. В одном из боев отца Антона ранило. Второе ранение он получил уже в Германии, был отправлен домой и Победу встретил в госпитале.

Антон был младшим в большой сибирской семье, а младшим всегда достаются поблажки и от родителей, и от старших братьев и сестер. В восьмидесятых годах жизнь в Сибири была хорошей. Жили все в достатке, не было разделения на «богатых» и «бедных».

Многодетным семьям полагалась помощь от советской власти, хотя многие ей и не пользовались. Был случай в селе, где жили Сапожниковы. Одна из матерей, у которой муж не «просыхал от пьянки», пришла в сельский совет просить помощи и председатель сорвавшись от ее постоянных просьб и жалоб на жизнь, сказал:

— Вы со своим мужем достали всех, вам государство помогает постоянно, одевает, кормит детей, но вы сами тунеядцы, вы даже огорода своего не имеете, не хотите работать, пьете, зачем вы тогда плодите нищету.

Уже на другой день председателя по жалобе этой матери сняли с должности, а жаль мужик, он был прямой и справедливый.

Детство у Антошки было таким же, как и у всех мальчишек, выросших на Ангаре. Обязанности по дому — прополка, окучивание картошки, покос, заготовка дров и многое другое.

Ленивых в деревне не любят, поэтому дети с детства знают, что такое труд.

И конечно каждый мальчишка на такой большой реке рыбак. Одни с детства привыкают ставить сети, самоловы с лодки, их этому учит отец или старший брат. Другие уходят с ночевками на таежные речки, впадающие в Ангару, где под грохочущими перекатами стоят темноспинные хариусы, шевеля радужными хвостами в струях прозрачнейшей воды.

А еще есть в деревенской жизни одна замечательная сторона, это праздничные гулянки. Нет, на них собираются не для того чтобы напиться, а просто отдохнуть от повседневных забот, почувствовать себя моложе, выбросить из себя вместе с лихой песней или пляской что то закисающее внутри.

И не важно, какой это праздник, чей-то юбилей, проводы в армию, свадьба или просто отмеченный праздником листок календаря.

На таких гулянках всегда самый знатный гость — гармонист, так уж пошло истари. Пусть иногда его заменяет патефон, потом проигрыватель, после магнитофон, но без гармошки настоящей гулянки не бывает.

Отец Антона умелый гармонист. На своей гармошке русского настроя он может подобрать незнакомую мелодию и сыграть любую плясовую.

С раннего детства Антошка с упоением слушал игру отца на гармонии и сам пытался что-нибудь изобразить.

Больше всего он любил, как отец играет «сербиянку». Крохой он просил отца сыграть ему сербиянку перед сном вместо сказки. А когда мама рассказывала ему сказки на ночь и в них была прекрасная принцесса, Антошка всегда ей подсказывал:

— И ее звали — Сербиянка!

Становясь старше, Антошка научился от отца игре на гармошке, играл плясовые, но все одно сербиянка была его любимой мелодией. Ему нравилось даже само слово сербиянка, оно каталось во рту, как шарик, и было такое теплое и домашнее.

Нравилось, как пляшут гости у них в доме сербиянку, выстукивая каблуками по половицам дроби и выпевая под гармонь частушки.

У каждого было по десятку своих любимых частушек, которые никогда не повторялись, создавали особый и каждый раз новый сценарий пляски.

У отца любимой частушкой была

Сербиянка, сербиянка,
сербиянка модная
Бери ложку, ешь картошку
не ходи голодная.

Мама Антона в девках была очень бойкой и знала множество частушек. Иногда она, смеясь, рассказывала:

— Папка ваш был первый парень и жених на деревне, пришел с фронта грудь в медалях, чуб кудрявый выпустит из-под фуражки, глазами, как жеребец, молнии метает на девок, а уж как играть на гармошке станет, то тут любая красавица готова за ним, куда скажет, пойти.

Мне, чтобы завоевать и отбить его у подруг, пришлось так плясать в молодости, как сейчас ни одна девка не пляшет.

Гармонист, гармонист
Я тебя уважу

Твои кудри расчешу
Вазелином смажу.

Уже в школе Антон играл на гармошке и баяне и знал всю историю танца сербиянка.

Сербиянка балканский танец, и в Россию его завезли цыгане, а до него была кадриль, которая постепенно видоизменялась, в нее вводились свои фигуры, и мелодия сербиянки сразу вписалась в этот танец.

Начиналась кадриль с приглашения на танец, тройка из парня и двух девок приглашала парня, отсюда (три притопа, два прихлопа). Тройка отходит спиной на место а парень идет за ними и все это под припев частушек

Сербияночку плясать
Надо осторожно,
Не коси глаза на девок,
Оступиться можно.

Дойдя до «стенки», парень начинает выделывать коленца, потом выбирает подругу, и они отходят.

Сербияночку плясать
Нужно соображение.
Сначала — дроби, дроби, дроби,
А потом — кружение.

Антон пробовал играть сербиянку и на баяне, но звучала она и оживала только под гармошку. Что-то родное и близкое жило в этом цыганском ритме. Может, привлекала в нем именно русская удаль, рвущаяся с мелодией из груди и заставляющая ногами стучать так, словно пытаешься проломиться куда-то в неведомое.

А слова частушек нужны были только для того, чтобы выкинуть вместе с ними из себя тревогу и беспокойство, скапливающееся где-то под сердцем от непонимания своего человеческого существования.

Быстро летит время, омывая собой нашу жизнь, меняя многое на совершенно иное. Так отошли с поколениями отцов и дедов их танцы, а на смену им пришли другие. Но все одно прорывается иногда сербияночка под гармошку сквозь визгливые завывания и гром нынешней музыки далеким отголоском прошлого.

И тогда рождается в душе услышавшего ее человека, нечто родное и вечное, неуловимое и зовущее куда-то в другой мир, мир мечты и недосягаемых новых чувств.

Вот и Антона время сделало юношей и отправило на встречу с самостоятельной жизнью. На проводах в армию не обошлось без гармошки, пляски и частушек. Сербиянку играл и отец Антона, и он сам, плясали все.

А больше всех Ирка Самохина. Ох, и настырная девка, со школьных лет не отстает от Антона. У Антона к Ирке простые дружеские чувства, как к сестре, если достанет можно и послать, но даже сестра может обидеться, а Ирка нет.

На гулянке, когда играл Антон, Ирка плясала перед ним и так била дробь, что звенел хрусталь в стенке, на плечах у нее цветной платок, концы которого она зажала в кулаки, раскинув руки словно крылья, этакая сказочная птица.

Ты пляши, пляши, пляши,
Ты пляши, не дуйся,
Если жалко сапоги,
То возьми, разуйся

Пропела ей мама Антона. У Антона еще не было любви к девушке, для него любовь представлялась этакой мечтой, недосягаемым чувством. Ему иногда снилась

прекрасная принцесса, которую мог бы полюбить, но никогда он не видел ее лица, она всегда стояла к нему спиной. Прощаясь, Ирка сказала Антону:

— Я буду ждать тебя, сколько бы ни пришлось...

— Ты чего, дурочка, не вздумай, если подвернется хороший жених, выходи замуж.

— Нет, я все равно буду ждать...

А потом армейская жизнь, учебка. Когда Антону предложили пойти в миротворческие войска, он согласился. И вот он десантник и находиться в Косово. Он увидел, как живут сербы, увидел их девушек сербок, которых по привычке звал сербиянками.

Кровь, слезы, война, беженцы и полнейшая неразбериха в том, чья правда правдивей. А самое главное — грязные люди, пытающиеся на всей этой войне нажиться. Их Антон научился определять сердцем. И когда пришлось стрелять в людей, торгующих человеческими органами, стрелял без сожаления: это были нелюди — вампиры.

Однажды около их блок поста остановились табором сербы-беженцы. Уставшие голодные дети, осунувшиеся, придавленные неизвестностью взрослые вызывали сострадание.

Полевая кухня десантников принялась готовить ужин для беженцев. Антон со своим другом из Омска пошли в табор. На одной из повозок Антон увидел футляр с гармошкой.

Он попросил хозяина показать гармошку. Тот стал рассказывать, что это гармонь русского капитана, воевавшего здесь в сорок четвертом. Мой отец был проводником у советской роты, провел солдат через перевал, и те ударили фашистов с тыла, рассказывал он. После того боя капитан подарил отцу гармонь, но, правда, никто из нас на ней играть не научился.

Антон вынул гармошку из футляра, пробежал пальцами по клавишам, проверяя, не западает ли где, и рванул сербиянку.

Моментально вокруг собрался круг зрителей из десантников и беженцев.

Гармошка, соскучившаяся за столько лет по пальцам гармониста, звучала, нет, пела, а Антон выводил немыслимые коленца.

Сербиянка, сербиянка,
Ты и впрямь красавица,
Только грустная ты очень
Это мне не нравиться.

Пропел Антон, а его друг, ударив беретом о землю, кинулся плясать вприсядку.

И тогда из толпы беженцев вышла девушка. Она сбросила платок с головы на плечи, концы зажала в кулаки, раскинула руки и поплыла в танце вокруг лихого десантника из Омска.

И что-то случилось с Антоном. Он вдруг увидел в танцующей сербиянке Ирку Самохину. И почувствовал, что очень соскучился по ней, что ему так не хватает ее настырного внимания. И тогда он пропел:

Сербиянка, сербиянка,
В танце ты как птица,
В тебе вижу свою милку,
Или все мне сниться.

А вечером Антон написал письмо Ирке Самохиной, в котором признался, что скучает по ней.

Игорь Карлов
(г. Подольск Московской области)

КАК БЫ НЕ ТАК

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Старый Арбат» — ароматные слова, словно утренний кофе отпускника, проснувшегося рано (без будильника, по привычке, по привычке уработавшейся ломовой клячи), но непосредственно по пробуждении вспомнившего, что спешить некуда, можно понежиться в постельке, а вместо того, чтобы второпях давиться растворимой бурдой, пытаясь очередной дозой кофеина понудить организм к производственной активности,— заварить себе чашечку крепкого тягучего напитка и выпить небольшими медленными глотками. В такие-то вот внезапно неспешные минуты, до слезы ясно осознав, что впереди у тебя двухнедельная вечность, исполненная безмятежной неги, и можно поистине насладиться кофе, постичь умом своим, для чего Господь спустил на землю усеянные небольшими зеленоватыми зернышками ароматные кусты, для чего вразумил людей сушить, обжаривать и молоть эти зернышки.

Что же касается Арбата, то и его прелесть сполна раскрывается тоже утром. Не в лиловых сумерках, пронизанных первыми вспышками неоновых искр центрового гламурного безумия, и не в пору ночной ресторанно-таксистской свистопляски, и, само собой, не днем, когда нескончаемая толпа, достигнув верхнего экстремума в своем бесконтрольном размножении, сродственном размножению раковых клеток, начинает пухнуть, подниматься, как дрожжевое тесто, затапливать все пространство узкой улицы по вторые-третьи этажи домов... Нет, утром, утречком, в конце лета. Не самым даже ранним утром, когда уже вовсю трудится районное отделение банка сбережений, тогда как расположившиеся по соседству магазинчики, сами названия которых есть антоним бережливости, только лишь позевывают дверными проемами, нехотя раздвигают жестяные веки витринных жалюзи. Именно, утром, когда первые торговцы сувенирами начинают раскладывать на прилавках аляповатые безделушки, ожидая интуристов, ошалевших от московского широкого разгула и потому нежадных; когда уличные художники еще не успели повсюду расставить и развесить свои картинки — хитрые силки на несостоявшихся Джоконд из провинции. Утором, когда патентованная метла дворника-таджика уже взвихрила с мостовых предписанное управдомом количество пыли, которая теперь стоит в воздухе, подрагивает в розовато-золотистых солнечных лучах, помогая высветить, подчеркнуть столичные объемы да средневековую кривоколенность окрестных кварталов. Конечно же, утром, когда интеллигентски рефлексирующую арбатскую тишину бесцеремонно загоняет в подъезды визгливый, чудно интонированный диалог (впрочем, не так странен пронзительно громкий разговор, как его участники: непостижимым образом явившаяся из диких степей в центр мегаполиса скифская каменная баба с плоским круглым ликом — но, разумеется, живая, наиживейшая, поминутно поправляющая на грубо вытесанных грудях и ягодицах фанерные листы с меню ближайшего ресторана — и

раздающий рекламные листовки негр). Итак, говорю я вам, утром, когда лениво разбредаются по своим рабочим местам на панели странные персонажи, словно бы явившиеся из отлетающих в небеса тревожно-томительных снов горожан: позевывающие зазывалы в костюмах а-ля рюсс, потрепанные бутафорские пираты, церемониймейстеры в камзолах и сбившихся набок париках, склонные к педофилии гигантские поролоновые куклы... Словом, в тот час, когда Арбат находится в руках своих профессиональных хранителей, а праздно-любопытной публики пока, к всеобщей радости, мало.

Лишь краткой утренней порой можно причаститься ко вкусу песенно-текучей асфальтовой реки и ее многочисленных притоков: увидеть новыми глазами знакомые еще по школьным хрестоматиям здания; в очередной раз придирчиво оглядеть изваяния-новоделы и новоделы-постройки, чтобы в очередной раз убедиться, насколько болезненно приживаются они на древней почве; в подробностях рассмотреть открыточные фронтоны с пленяющими неброской прелестью башенками, балкончиками, барельефами, розетками... Казалось бы, именно с этой целью — увидеть воспетую бардом улицу — не поддающееся исчислению количество экскурсантов, понукаемых бездушными погонщиками-гидами или неорганизованных, самочинно-залетных, ежедневно ныряет в бесконечную арбатскую толкотню. И что же? Как идущий на нерест лосось, вклинившись между тысячами столь же целеустремленных тушек, столбенеет в неподвижности, не двигаясь и мешая двигаться собратьям, так и запрудившие все видимое городское пространство шленды препятствуют друг другу совершить предписанный путеводителями променад по Арбату.

Прогулка здесь днем есть ритуальное убийство времени. В толпе, то влекущей тебя на стремнину, то затягивающей в водоворот, то прибивающей к бережку у стоячего затона, как ни старайся, смотришь либо себе под ноги, либо в затылок впередиидущего. Тут уж не до видов из рекламных брошюрок: невозможно остановиться даже на миг, чтобы пристальнее вглядеться в красоту достопримечательных мест, ибо людской поток по своему произволу несет тебя — щепку. Редкий смельчак найдет в себе силы противостоять течению, упрямым островком застыть, скажем, неподалеку от «Праги», чтобы вдоволь налюбоваться мидовской высоткой, которая сквозь легонькое марево московской пыли кажется колоссальной сказочной скалой, где в потаенных пещерах обитают маги, вершащие судьбы мира...

А наутро Арбат вновь выглядит милым, чистенько прибранным, необыкновенно просторным, словно детская, на пороге которой замер ее хозяйчик, вернувшийся после долгих каникул, замер на секундочку, чтобы оттенить момент превращения обустроенного заботливыми родителями уютного мирка в фонтанирующий нестройными звуками бедлам.

Пройдитесь в покойный ранний час по почти безлюдной улице! Вы убедитесь, что Арбат по-прежнему перетекает из прошлого в будущее, и на несколько минут сами окажетесь сопричастниками творящегося волшебства. Происходит это так. Сперва к обыденным, ординарным звукам просыпающегося города примешиваются явственные, но долетающие словно бы из другого измерения шумы: то заставит насторожиться возникший из ниоткуда по-военному четкий стук каблуков, то начинает нервировать надоедливое шарканье за спиной, то вдруг напугает надсадное отхаркивание невидимки в двух шагах от вас; едва уловимый стук колес свадебного экипажа Пушкина сливается с тихим перебором гитары Окуджавы и разбитным оркестром, играющим мелодию из «Принцессы Турандот»... А затем к слуховым галлюцинациям добавляются видения: по незримой меже между шумом и тишиной, между хаосом и космосом скользят фантомы миллионов прохожих (им предстоит непременно материализоваться уже через несколько часов), смешиваются с призраками бывших

здешних обитателей, которым вовеки не обрести плоти. Неприкаянные тени живших некогда по соседству домовладельцев, литераторов, полярников упорно ищут своих былых пристанищ — и не могут найти: сменены замки, заложены прежние окна, прорублены новые двери...

Вот и в «папанинском» доме вместо парадного, в старое время доступного для немногих избранных, ныне зияет почти не закрывающийся проем — недорогая кафешка ждет гостей: нагулявших аппетит прохожих, привычных к тяжелой пище командировочных, прикормленных постоянных посетителей... Среди них, завсегдатаев забегаловки, выделяется странноватая старуха — не то полоумная пенсионерка, не то одно из привидений, шагнувшее сюда с арбатской мостовой, не то ряженая, вроде профессиональных уличных зазывал...

На первый взгляд — и впрямь комедиантка, переодевшаяся в барахлишко «из подбора», чтобы жестоко разыграть публику. Кто другой надумает влезть в вызывающе колоритные обноски горьковских босяков из стародавних постановок? Кто еще, кроме язвительной клоунессы, в летнее время обуется в карикатурные войлочные чеботы?

Но стоит несколько минут понаблюдать за старухой, как станет понятно, насколько чуждо ей стремление к эпатажу. Ее собранная из случайных вещей экипировка по-своему продумана. Кофтенку (кажется, серую? или болотного цвета?) и юбку (вроде бы клетчатую? или в полоску?) почти не видно под добротным кардиганом, считавшимся лет тридцать назад супермодным. Сей предмет гардероба, далекий от современных трендов, но прекрасно сохранившийся, носится постоянно и явно напоказ, с тайной целью отвлечь внимание от венчающего наряд и также несменяемого (однако, к сожалению, изрядно траченного молью) головного убора — фантасмагорической шляпки, напоминающей одновременно и рыцарский шлем, и рог единорога...

Если бы кто задумал устроить аллегорический маскарад, эту старуху пригласил бы непременно. И, явившись на костюмированный бал, она была бы безошибочно узнана в первую же минуту. В первую же секунду несколько злорадно-азартных голосов одновременно воскликнули бы: «Я тебя знаю, маска! Ты — Одиночество в старости».

Ну, что ж... Ну, да, одиночество в старости...

А ведь чуть ли не вчера «одиночество» и (тем более!) «старость» казались столь далекими, столь чуждыми понятиями, что разобраться, кроется ли за ними какой-нибудь реальный смысл, помог бы разве лишь словарь. Только вот кто в чудесную весеннюю свою пору готов сменить потрепанный плащ первооткрывателя вселенной на мантию заучки, постигающего мироздание по словарным статьям? Кто променяет трещащий под натиском шторма капитанский мостик на скрипучее кресло книжного червя, дабы отыскать в залистанном глоссарии точное толкование абстрактных существительных? Да нет таких!

Посему все унылые словечки из старперского лексикона до времени мирно полеживают под толстыми обложками пыльных фолиантов, как стальные чушки в снарядных ящиках. Но настает час, и с мстительным торжеством обрушиваются на голову несведущего человека холодно посвистывающие согласными термины, оглушивают, контузят.

Знать бы об этом молоденькой учительнице, торопливо пробегающей мимо заставленных книгами стеллажей школьной библиотеки! Знать бы, почувствовать бы опасность... Как бы не так!.. Беспечно потряхивает она локонами, с вызовом постукивает каблучками, гордо подергивает плечиками. В те давние годы она была энергична и чуточку заносчива. Ее окружали сотни юных веселых лиц. Ни старческая дряхлость, ни страх тоскливого молчания наедине с собой тогда не тревожили ее.

Напротив, перед молодым специалистом, сразу по окончании института приня-

тым на работу в одну из лучших столичных школ, открывались блестящие перспективы: она, несомненно, добьется выдающихся успехов на учительском поприще, возможно, даже станет педагогом-новатором; всегда будут рядом творческие, интересные люди, настоящие друзья, с которыми так здорово проводить время в турпоходах по самым красивым местам страны; обязательно сложится чудесная, словно с картинки, семейная жизнь... Зачем же вникать в суть неприятных слов, особенно тех, которые никогда не будут иметь к ней ни малейшего касательства? Зачем излишними копаниями в смыслах сбивать ритм неуклонного поступательного движения вверх, ритм, столь удачно заданный при самом начале карьеры?..

Теперь же только и осталось: одиночество, старость... Теперь старуха не поручится, что в оны дни именно в ее жизни напряженная «рабочая» тишина уроков перемежалась шумными переменами. Теперь кажется, что не она, а кто-то другой душными июньскими вечерами с видом чуть уставшего от пылких откровений, однако все еще благосклонного наставника выслушивал излияния теребящих новенькие аттестаты прожектеров. Теперь ей уже не вспомнить, отчего выступление на очередном педсовете представлялось безмерно важным, чуть ли не определяющим в судьбе; с какой стати колкое замечание коллеге делало героем дня; с чего вдруг предъявление завучу вполне умеренных претензий по организации учебного процесса обретало в глазах окружающих черты сознательного диссидентства. Теперь уже невозможно объяснить себе, почему дочь, зачатая вне брака, некоторое время добросовестно, но безуспешно пытавшаяся называть папой едва знакомого мужчину, в итоге так и выросла в неполной семье? Когда и каким образом эта забавная девчушка успела превратиться в дородную тетку с дурным, злым глазом? Как это так получилось, что даже с ней, пусть не самым симпатичным, зато единственным родным человеком, старуха за последние пять или шесть лет не обмолвилась ни словечком?

Теперь случайные люди в арбатском кафе стали ее семейным кругом... Нет, скорее, классом, которым она по привычке пытается руководить. И вот, если кто-нибудь из посетителей вдруг начинает кричать в телефонную трубку или в разговоре переходит на повышенные тона, самозваная классная дама, с годами не утратившая железную хватку блюстителя школьных уложений, немедленно вскидывается на смутьяна. «Давай-давай!» — провокационно подначивает она распоясавшегося подопечного, и первые же звуки ее хорошо поставленного, хотя чуточку надтреснутого, голоса убеждают: перед нами опытнейший специалист (так первые аккорды сонаты свидетельствуют о мастерстве композитора).

Эх, если бы за столиками собралась публика, способная (пусть и не в полной мере) оценить виртуозность дидактических пассажей! Знатоки насладились бы симфонической соразмерностью строгости и сарказма, вложенных в прозвучавшие слова. Ценители воздали бы должное маэстро, тысячекратными повторениями одних и тех же сольфеджио добившейся удивительной интонационной выразительности буквально каждого звука. Доки по части тонкостей школьной жизни, догадались бы, что за годы непрерывного педагогического стажа исполнительница достигла такой мощи воздействия на слушателей, что могла одной-единственной фразой обескуражить самого опасного хулигана в районе. Однако в шумливой столовке никому нет дела до талантов какой-то посторонней бабки, даже тем, к кому она непосредственно обращается. И уж, конечно, никто не соглашается играть роль провинившегося школяра, а потому вместо благоговейного уважения старуха встречает в лучшем случае безразличие...

Но, несмотря на явное пренебрежение окружающих, отставная училка продолжает наседать на расшумевшегося гостя. Самоуважение профессионала обязывает ее достойно завершить начатое, а профессионал не может не знать основополагающего

правила чтения нотаций: развитие темы не менее важно, чем гармония и тональность. Поэтому старуха, не теряя темпа, переходит ко второй части назидательной импровизации. «Давай, громче давай! А то на улице тебя не слышат!» — настойчиво теребит она возмутителя спокойствия, который, не прекращая беседы, раздраженно машет рукой на зануду, отворачивается, скорчив страдальческую мину, невольно начинает говорить спокойнее, тише. Прекословщице же только того и надо! Губы ее чуть вздрагивают, кривятся, опускаясь уголками вниз — это старая сдерживает улыбку. Она вновь добилась своего, хотя и отмахивались от нее как от назойливой мухи! И, уже отходя прочь, торжествующая победительница, желая, чтобы последнее слово даже формально осталось за ней, бросает побежденному: «А то давай еще громче. Внизу тебя тоже не слышат!»

Впрочем, «внизу», в подвальном помещении кафе, сейчас некому прислушиваться даже к самым громким разговорам. Там, в закрытом по утреннему времени пивном зале, пока пусто. Лишь через несколько часов начнут собираться любители пенного напитка, раздражая и одновременно ввергая в соблазн абсолютное большинство «верхних» едоков, у которых нет ни времени, ни возможности предаться обстоятельному алкогольному гедонизму: успеть бы насытиться, пока не закончился короткий перерыв на службе. Эти праведники поневоле, тоскливо-завистливым взглядом проводив решительно направляющихся в хмельную преисподнюю счастливцев, с напускным равнодушием отводят глаза, с еще большим остервенением пускают в ход механические молотилки челюстей, заглатывая огромные, не прожеванные как следует куски.

Начиная с обеда, только успевай делать замечания! Старуха разворачивает воспитательную работу со всем энтузиазмом бодрящегося вопреки возрасту ветерана. Жаль, нет уже прежних сил: спустя краткий срок накатывает непреодолимая (хотя и приятная!) усталость, которую, надо полагать, испытывает честно отстоявший смену сознательный пролетарий. Стало быть, пора возвращаться в пыльную свою комнатенку. Зато потом весь вечер, проходящий в бестолковой суете с чайником вокруг телевизора, и позже, ворочаясь на узком жестковатом матрасике, с удовлетворением вспоминает старуха недоуменное лицо какого-нибудь выпивохи, имевшего несчастье у нее на глазах расслабленной походочкой подняться из гамбринусова подполья и нетвердыми шагами направиться к выходу. Сколько же гневных инвектив обрушилось на его голову! С какой интенсивностью изливался на него праведный гнев! Бедолаге оставалось одно — быстренько ретироваться, даже не пытаясь огрызнуться в ответ на внезапные нападки, затеряться в кишащих народом переулках, раствориться в исподволь густеющих сумерках.

Хотя на Арбате приходится быть бдительной в любое время суток. Не единожды на глазах самоотверженной воспитательницы разыгрывалась весьма огорчительная и утомительно однообразная сцена: в неурочный ранний час не протрезвевший после вчерашнего клиент вламывается в кафе, начинает требовать пива, сетовать, что ему-де не дают как следует отдохнуть. Подобных наглых пришельцев терпеть никак невозможно! Старуха с горячностью одного из лучших бойцов комсомольского оперотряда немедленно встает на защиту установленных правил, клеймит позором и выдворяет дебошира. Законность торжествует! Надолго ли?..

Ах, если бы только пьяницы вели себя в общественных местах неподобающим образом! Существуют еще бездомные — особая категория нарушителей. Вот кто цинично, нагло игнорирует любые этические нормы. Вот на кого не найти управу! Отставная шкрабина испытывает к окрестным бомжам и бомжихам почти классовую ненависть: заделались, понимаешь, какой-то новой арбатской знатью! Пробуждаются, когда солнце чуть ли не в зените, и вот лезут из смрадных щелей на свет божий, вот уродуют лицо столицы! Этакими барами фланируют по центру, точно обозревая,

все ли благополучно в их вотчине. Плюс ко всему, как будто подражая праздношатающемуся городскому дворянству прошлых веков, завели всяческую живность! Один вонючий аристократ разгуливает в окружении своры дворняг, другая светская дама с подбитым глазом прижимает к груди котенка... Да еще объясняет сердобольным прохожим, что ему, видите ли, надо свежей рыбки купить, сшибает рублишки на прокорм вшивого вымеска...

Тут иной пожилой человек, всю жизнь самоотверженно работавший на государство, рыбные деликатесы разве во сне увидит, а какие-то антиобщественные элементы... мало того что сами жируют, так еще взялись котят откармливать! Устроились в жизни, ничего не скажешь! Добро бы шастали по помойкам, не показываясь на глаза честным людям, искали пропитания себе и прирученным ублюдкам в мусорных баках, нет — на предприятиях общепита антисанитарию разводят!

Центровые подзаборники, действительно, чувствуют себя вольготно в старухином кафе. Заходят они сюда смело, деловито прохаживаются между столиками, с панибратской развязностью обращаются к самозабвенно жующим гражданам. Любой мало-мальски сочувственный ответ, благосклонный кивок или даже заинтересованный взгляд служат бродяге сигналом к основной фазе обработки клиента: в просительный монолог подпускаются жалобные детские нотки, до того чистые, до того искренние, что отказать несчастному в незначительной сумме просто невозможно. Как бы ни контрастировал с видом немолодого уже, крайне неопрятного приставалы тон вымаливающего игрушку ребенка, примитивный, в общем-то, психологический прием в большинстве случаев оказывается действенным — застигнутый врасплох едок чаще всего раскошеливается. Осторожно, дабы не замарать одежду лоснящимися от жира пальцами, извлекает он из карманных глубин свой лопатник, бегло осматривает содержимое разверстого, будто для потрошения, портмоне и, сдерживая отрыжку, протягивает нищему бумажку или горсть монет.

Психологи-практики с окрестных свалок прекрасно изучили нашу, откровенно сказать, примитивную натуру: набивший брюхо человек подает легче и щедрее... Когда расслабляющее ощущение избыточной сытости разливается по телу, утроба полностью подчиняет нас себе, превращая в бесхарактерных тугодумов. В голове, отяжелевшей от аморфных наплывов полусна, лениво ворочаются банальные, пошлые мыслишки: «Питаться-то всем надо, а я уже утолил голод, признаться, даже переел, так что поделюсь с нищебродом, чтобы тот поскорее свалил отсюда, не портил мне аппетит своим отвратительным обличьем и неприятным запахом...» Побирушка — живое воплощение расхожей сентенции о том, что не стоит зарекаться от сумы — точно рассчитал! Послеобеденный брезгливый гуманизм обязательно заставит сытого мелкой подачкой откупиться от навязчивой демонстрации вида чужой нужды...

В какой все-таки своеобычный клубок сплелись в этом кафе говорящие и слушающие, жующие и пьющие, жарящие и парящие, раз за разом пересчитывающие деньги существа, не то паразитирующие друг на друге, не то поддерживающие удачный симбиоз! Возможно, у кого-нибудь картины подобного сосуществования низших организмов вызывают неприятие, чуть ли не омерзение, но отставленная от места учительница следит за жизнедеятельностью простейших с отстраненностью видавшего виды натуралиста. Она деловито фиксирует реакцию одноклеточных на погружение в размягчающее волю, парализующее разум пресыщение, отмечает, как они ведут себя под воздействием выжимающего дешевые слезки заискивающе-лукавого убожества...

Когда в НИИ вечности и вечного покоя будут подводить итоги поставленного над всеми смертными эксперимента, отчет пожилой естествоиспытательницы тоже подошьют к делу. Старуха выступит экспертом по пустым разговорам, скучным

грешкам, постыдным глупостям, наивным хитростям и первобытной заурядности. А экспертное заключение готово уже сейчас (осталось только подпись поставить): никто из подопытных не выдержал длительного облучения повседневностью, что обусловило крайнюю степень их несчастности в ходе проведенного исследования.

Из-под набрякших старческих век внимательно следят за каждым из нас помутневшие от времени и горестных впечатлений жизни глаза: и за теми, кто с низкопробными ужимками выклянчивает себе пропитание, и за теми, кто кичится поданным грошиком, забыв, что за столом нельзя прикармливать животных да неимущих — потом не отделаешься. Построже надо с попрошайками, построже...

Старуха, было дело, пыталась прямо объяснить все это неразумным своим подопечным, призывала в помощники администрацию кафе, пылая благородным негодованием, изгоняла бомжей из помещения. И всякий раз после подобного инцидента ее подлавливали на улице решительно настроенные оборванцы мрачного вида, в грубой форме объясняли, что не стоит вести себя так безоглядно спесиво — может плохо кончиться. Нескольких вызывавших приступы тошнотворного страха разговоров оказалось достаточно, чтобы чертова перечница прекратила свои выпады, хотя по лицу остававшейся безмолвной свидетельницы продолжающихся безобразий было видно, что примириться с происходящим она так и не смогла.

Однако есть еще одна причина столь жгучей ненависти защитницы универсального порядка к бездомным. Как ни трудно признаться в том себе самой, в глубине души она осознает, что неказистым одеянием да чудаковатым поведением до тождества напоминает побродяжку. Не обидно ли: люди с абсолютно разными судьбами, с полярными взглядами, с несравнимым отношением к миру, с несхожими привычками в конце жизненного пути приходят к одинаковому итогу! Вот чего категорически не может понять и принять старуха. Оттого и злится.

Единственное, что примиряет въедливую пенсионерку с вселенской несправедливостью, — возможность повелевать основной массой посетителей кафе. По крайней мере, воображать, что повелевает. Особенно же приятно командовать иностранными туристами, порой заглядывающими на огонек. Иноземцев старуха моментально берет под свое покровительство, общаясь, правда, исключительно при помощи мимики и жестов, поскольку языков не знает... Да и к чему? Скромные потребности представителей рода человеческого без всяких слов понятны любому и в любой точке планеты. Энергичным жестом направишь забугорников в очередь к раздаче, покажешь, с какой стороны подходить к кассе, — и уже можешь считать себя субъектом международной деятельности, этаким дипломатом-любителем.

Впрочем, нечасто зарубежные гости соблазняются стряпней поваров недорогой закусочной. Втянут ноздрями любопытных носов доносящийся с кухни чад, поглядят на неубранную посуду на столах — и помашут рукой отрицательно. Тогда старуха смекает: забрели в поисках туалета. Милостиво дозволяя приезжим приобщиться к достижениям отечественной сантехники, она указывает расположение мест общего пользования с тем величественным видом, с каким, должно быть, некогда государыни-императрицы жаловали чужестранцев русскими титулами. И провожает интуристов столь же царственно, сопровождая легкий наклон головы доброжелательной, хотя все же несколько высокомерной улыбкой: мол, помните наше беспримерное гостеприимство и великое к вам снисхождение... Как ни редки такие минуты, они дарят волнующую возможность ощутить себя классной дамой в мировом масштабе, а это дорогого стоит.

Но большую часть дня старуха проводит в непрестанном мельтешении, как бы генерируя вокруг себя завихрения суеты. Двери кафе не успели распахнуться, а знакомая всем работникам фигура в неказистой шляпке и неизменном кардигане уже

маячит на пороге. Все начинается с покупки чашки чая и долгой оживленной беседы с официантками, которые, не прерывая разговора, играючи убирают посуду, оставшуюся после немногочисленных пока посетителей. Темы для обсуждения у подружек известные: о парнях, о том, как прошло вчерашнее свидание, о девичьих обидах, о сердечных неурядицах... Тут старая учительница имеет непререкаемый авторитет: какими бы запутанными или драматичными не представлялись ситуации, переживаемые неискушенными в любовных делах разносчицами, обязательно придет ей на память аналогичный случай, произошедший с одной из бывших учениц. И за каждой назидательной историей последует проверенный житейским опытом совет, которому молодайки внимают, словно словам оракула.

В ответ на пристальное (даже с легким налетом мистики) внимание девушек консультантка-доброхот старается по-своему отблагодарить их: то подскажет, в каком магазине продукты подешевле, то возжелает передарить выданную на кассе вместе со сдачей дисконтную карту на одну поездку в такси: «Мне-то ехать некуда, а вам пригодится...» Но как бы убедительно старуха ни просвещала товарок относительно выгоды и удобства отлаженной системы скидок, официантки, сдерживая улыбки, упорно отказываются принять столь щедрый подарок — самим девать некуда бесполезные картонные прямоугольнички, сотнями валяющиеся в подсобке.

Так и катится день. Еще несколько раз старуха с чашкой кипятку подходит к кассирше, получая с чеком еще одну скидочную карту, одноразовый пакетик чая (он будет использован дважды!), сахар, конфетку за счет заведения. Весь ее рацион и состоит преимущественно из чая да даровых конфет. Впрочем, она настолько своя здесь, что персонал сквозь пальцы смотрит на то, как из-под знаменитого кардигана извлекается порой на свет божий завернутое в целлофан яблочко... Пусть уж старая поточит зубки, ничего страшного. Не гнать же ее! Предстоит длинный рабочий день, когда может пригодиться каждая пара рук, сколь бы немощны они ни были...

Да, да, в суматошный обеденный час, когда харчевня забита до отказа, когда забегавшиеся официантки перестают справляться с грудами громоздящихся повсюду столовых приборов, престарелая активистка тоже берется за дело: то сметет в мусорный бак объедки, оставленные кем-то из посетителей, то соберет на поднос использованные чашки-миски, то отнесет к окну посудомоек несколько тарелок... Зачем?..

Старуха понимает, конечно, что слишком слаба и медлительна, что почти незаметен ее вклад в общий трудовой порыв. Да ведь дело не только в желании помочь приятельницам! Беспрестанная, хотя и лишенная практического смысла, хлопотня — это ее пропуск в мир энергичных, занятых, полезных для общества людей, это оправдание ее теперешнего существования. Так пусть же дребезжит на весь зал грязная посуда на подносе, дрожащем в дряблых руках, обсыпанных старческой «гречкой». Пусть звякает на весь дом, на весь Арбат! Пусть грохочет неуверенной морзянкой на всю Москву, пусть разнесет по всему свету послание одной из малых мира сего: «Я есть, я существую!»

Ежедневно отправлять в эфир свой писклявый позывной — потребность, не меньшая, чем потребность в пище и воде. Отними у старухи рожденный суетой звон бытия, и что останется? Лишь горечь былых потерь... Тогда уж лучше лечь да помереть. А помирать ей никак нельзя, ведь, пока есть она, есть и бывшие ученики, и новые знакомцы из кафе, и заполонившие Арбат гуляки, и интуристы, и даже бесчинствующие бездомные. Без нее — что же будет со всеми этими людьми? Что произойдет с дешевой, но нужной же для чего-то забегаловкой? Устоит ли сам «папанинский» дом?..

...Двери кафе безостановочно распахиваются и закрываются, впуская алчущих или провожая утоливших голод. За мелькающими створками (словно бы на сеансе оптического театра) видно прерывистое движение оживленной улицы: то пропылит

пара сапог, догоняющих метлу, то пролетят куда-то стоптанные кроссовки подросткового размера, то вспыхнут черным бриллиантом безукоризненно чистые штиблеты столичного франта... А иной раз терпеливому наблюдателю выпадет случай узреть восхитительное зрелище — легкий ход двух пар обнаженных женских ног.

Две подружки-соперницы плывут по мостовой, что по подиуму, ступают павами две амазонки из таинственного племени Девушек Из Центра... До сих пор остается загадкой, каким образом приживаются и взрастают на нашей суровой почве сии эфемерные существа (вполне вероятно, инопланетного происхождения). Про них вообще известно немногое... Ну, например, что пешком те куколки практически не передвигаются, поскольку их нижние конечности предназначены природой для иных функций... Если же все-таки возникает необходимость пройти небольшое расстояние, то шествуют они почему-то всегда попарно. Кроме того, путем многолетних наблюдений установлено, что надменные красавицы ведут ночной образ жизни, а куда скрываются и где обитают в дневное время — опять неведомо...

Надо полагать, в ареале центровых девчонок происходит жесточайшая видовая борьба, поскольку они всеми силами стремятся устранить любой намек на собственную индивидуальность, непременно мимикрировать под общий стандарт. Чтобы выжить и оставить потомство приходится действовать грубо, цинично, исходя во всех поступках из двух основных постулатов, простых, зато накрепко засевших в модно причесанных головках: украшать мир — наша миссия на Земле; наша свирепая, доходящая до едкой мелочности меркантильность — производная от нашей миссии, неизбежный и объяснимый побочный эффект.

Знаменосицы собственной непреложной правоты, прелестницы мерно чеканят шаг по старинной мостовой, словно бы на параде в честь окончательного торжества обезличенной красоты, которая, вопреки предположениям классиков русской литературы, оказалась абсолютно индифферентна к морали. Идут, словно пишут, упиваясь властью над царством мужчин, и при каждом шаге профессиональной чаровницы общепринятые представления о границах приличий причудливо смещаются, игриво колеблются вместе с подолами коротеньких юбчонок.

И не оторвать глаз от матового сияния молодой кожи голых ног, открытых любопытно-бесстыжим взорам до самых нежных, самых сокровенных изгибов и оттого кажущихся еще длиннее! Ножки записных красоток (это даже на взгляд можно определить) упруги и чуть прохладны. Похожи на косые лучи августовского солнца, еще способного на томную страсть, однако утратившего былой испепеляющий задор и легкомысленно сдающегося победительнице-осени. Хотя от нее-то, как подсказывает вдруг пробившийся родничком холодок в сердце, милости ждать не приходится: деспотичная владычица уже примеряет свой златотканый багряный халат — торжественное облачение для дней чудовищных казней, когда падут миллионы и миллионы безвинных листьев.

Ну, что ж... Шагайте, девушки, шагайте... Вы, похоже, уверены, что знаете, куда заведут вас ваши длинные ноги... Вы, верно, полагаете, что античной лепки ножки долговечнее каррарского мрамора... А устойчивее ли власть вашей мимолетной красоты, чем ваш высоченный каблук? А найдется ли в конце вашего пути хотя бы одно местечко, где вам разрешат присесть в кругу собеседников, откуда вас не прогонят, несмотря на то, что вы бестолковы и неприглядны, словно пугало?